

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

3. 2015 МАЙ – ИЮНЬ

РЕСПУБЛИКА ПРАЗДНУЕТ

День Весны
и Труда

70-летие
Великой Победы
над фашизмом

151-я годовщина
окончания
Кавказской войны

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ И ТРУДА

В 10 часов от Дома профсоюзов по проспекту Ленина двинулась праздничная колонна работников предприятий и учреждений Нальчика. Профсоюзная акция завершилась на площади Абхазии митингом, по окончании которого состоялся праздничный концерт с участием артистов эстрады. Кабардино-Балкарское отделение политической партии КПРФ провело «маёвку», на которую были приглашены члены партии и её сторонники. «Маёвка» прошла на поляне в районе Второго озера. Народные гуляния по традиции прошли в Атажукинском саду. На эстраде городка аттракционов выступили муниципальные творческие коллективы, в том числе и детские.

На первомайском митинге выступил Глава Кабардино-Балкарской Республики Юрий Коков. Он дал оценку экономической ситуации в республике, отметив позитивные преобразования и достижения, и подчеркнул важную роль взятого страной курса на совершенствование государственного управления, повышение эффективности институтов исполнительной власти, диалог власти и общества. «Стабилизировалась общественно-политическая обстановка. Но, соизмеряя ситуацию с масштабом задач, мы понимаем: нужны перемены во всех сферах жизни», – сказал он далее и напомнил собравшимся, насколько важна поддержка реального сектора экономики, развития малого и среднего бизнеса, адресная поддержка социально уязвимых семей, забота о ветеранах. «Наш приоритет – это выполнение социальных обязательств. Мы сможем побороть любые трудности и обеспечить развитие

Кабардино-Балкарии». Завершая свое выступление, Ю. А. Коков поздравил жителей республики с праздником и пожелал всем мира и благополучия.

Выступившая затем лидер профсоюзов Кабардино-Балкарии Фатимат Амшокова отметила, что для российских профсоюзов 1-е мая – это не просто лирический Праздник Весны и Труда. «Для нас он был и остаётся Международным днём солидарности трудящихся в поддержку их законных прав и интересов», – сказала Ф. Амшокова.

«В феврале 2015 года на IX съезде ФНПР была принята программа «Достойный труд – основа благосостояния человека и развития страны», которая ставит перед профсоюзами задачу бороться за установление достойной заработной платы, обеспечение занятости и безопасных условий труда, исполнение государственных социальных гарантий, соблюдение права на забастовку и профсоюзных свобод», – рассказала профсоюзный лидер.

«Важный вопрос – легализация трудовых отношений. Пенсионная ситуация у нас сейчас такова, что человек не может обеспечить себя в старости без легального оформления трудовых отношений. Искоренить «серые» зарплаты – вот наша задача!» – заявила Ф. Амшокова.

«Текущий год – юбилейный, 110 лет исполняется профсоюзному движению, 95 лет профсоюзам в Кабардино-Балкарии. Это серьезные даты, вдохновляющие на усилия. Поздравляю всех с праздником весны и труда, а также с наступающим праздником Великой Победы!» – сказала в заключение Ф. Амшокова.

Первомай как день международной солидарности впервые отметили в Российской империи в 1890 году. С 1897 года маёвки стали носить политический характер и сопровождались массовыми демонстрациями. Первомайские выступления рабочих в 1901 году в Петербурге, Тбилиси, Гомеле, Харькове и других городах впервые сопровождались лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!», столкновениями с войсками (например, так называемая «Обуховская оборона» 1901 года).

На первомайские стачки и демонстрации 1912-1914 годов выходило более 400 тыс. рабочих. В 1917 году, после Февральской революции, Первомай впервые отпраздновали открыто: миллионы рабочих вышли на улицы с лозунгами «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!»

После Октябрьской революции 1917 года праздник стал официальным: в этот день проводились демонстрации трудящихся и военные парады (первый первомайский парад РККА состоялся в 1918 году на Ходынском поле). На второй день праздника, как правило, во всей стране проходили «маёвки» – массовые празднования на природе.

В эпоху «развитого социализма» в СССР первомайские демонстрации стали нести иную смысловую нагрузку. В день первого мая трудящиеся СССР выражали свою солидарность с революционной борьбой трудящихся капиталистических стран, с национально-освободительным движением, показывая решимость отдать все силы борьбе за мир, за построение коммунистического общества.

Организованные колонны трудящихся шествовали по центральным улицам городов и посёлков под марши и музыку политической направленности, из громкоговорителей звучали приветствия дикторов и политические лозунги, а с трибун, установленных обычно возле главных административных зданий, демонстрантов приветствовали руководители КПСС, представители власти, передовики производства, ветераны, почётные граждане. Велась трансляция по местным теле- и радиоканалам.

В то время праздник обрел повсеместный характер и стал одним из самых любимых праздников трудового народа. Так продолжалось вплоть до 1990 года. Именно в этом году 1 мая была проведена последняя в истории официальная первомайская демонстрация. После распада СССР, а именно в 1992 году, праздник был переименован в Праздник весны и труда.

В 1993 году, впервые после длительного периода в 76 лет, мирная демонстрация трудящихся в Москве была разогнана.

Как День международной солидарности трудящихся 1 мая ежегодно отмечают коммунисты.

Праздник весны и труда, отмечаемый и сегодня как государ-

ственный, обычно используется для проведения политических акций под своими лозунгами профсоюзами, партиями и движениями различной направленности.

Лозунги официальных мероприятий, организуемых властями, далеки от исторических корней первомайских демонстраций.

С первым мая тесно связано возникновение маёвок. Это собрание всей семьи или компании для проведения пикника. Пикники проводятся 1-го или 2-го мая. Эта традиция празднования на природе была придумана в СССР и сохранилась до наших дней.

Это произошло главным образом благодаря целому ряду факторов, одним из которых является улучшение качества жизни и общая демократизация общества. Первое мая стало приятным семейным праздником, позволяющим прочувствовать приближение долгожданного лета, встретиться с друзьями и просто весело провести время.

1 мая официально отмечают как национальный праздник 86 стран.

Не касаясь современной истории возникновения Первого мая, стоит упомянуть о довольно существенном значении этого дня в древние времена. Около трех тысяч лет назад население Древней Италии почитало богиню Майю – покровительницу земли и плодородия. Люди в Древней Италии верили, что именно Майя приносит богатый урожай. Именно в честь богини плодородия был назван пятый месяц года – май. Чтобы угодить богине Майе, люди устраивали праздничные гулянья, веселились и радовались жизни. Считалось, что именно Майя привносит плодородие в землю и только от ее настроения зависит результат кропотливой работы смертных.

ТОРЖЕСТВА, ПОСВЯЩЁННЫЕ ОТКРЫТИЮ В НАЛЬЧИКЕ СТЕЛЫ «ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ»

8 мая 2015 года в центре столицы Кабардино-Балкарии состоялась торжественная церемония открытия стелы «Город воинской славы». Этого высокого звания г. Нальчик удостоен Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2010 года. В мероприятии, на которое собрались сотни нальчан, ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, депутаты Федерального Собрания Российской Федерации, Парламента КБР, руководители Правительства КБР, Общественной палаты КБР, представители духовенства, студенческая молодёжь, учащиеся школ, приняли участие полномочный представитель Президента России в СКФО Сергей Меликов и Глава Кабардино-Балкарской Республики Юрий Коков.

Мраморная стела высотой 12 метров увенчана гербом Российской Федерации. Она является символом доблести и мужества советских солдат, жителей республики, вставших на защиту города в 1942-1943 годах. Тогда, в ходе ожесточённых боёв погибло более девяти тысяч человек. В почётном карауле – воины нальчикского гарнизона. Под аплодисменты горожан С. А. Меликов и Ю. А. Коков снимают покрытие, и стела предстаёт перед жителями Нальчика в своём величественном облике. Звучит гимн Российской Феде-

*С. А. Меликов и Ю. А. Коков
на открытии стелы*

рации, а в небо над городом взмывают семьдесят белых голубей.

Обращаясь к участникам торжественной церемонии, С. А. Меликов отметил: «Мы с вами сегодня находимся на последнем этапе ожидания славного юбилея – 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В канун этого праздника всего нашего народа особенно приятно присутствовать на церемонии открытия стелы, посвящённой присвоению Нальчику звания «Город воинской славы». Безусловно, это величайшая оценка труда жителей Кабардино-Балкарии, всех жителей Северного Кавказа. Потому что о боях на Кавказе мы ещё долго будем говорить как о сражениях, которые помогли удержать крепость на Волге, одержать победу на Курской дуге и начать величайшее наступление советских войск для освобождения всей Европы. Я от души хочу поздравить вас с пятилетним юбилеем присвоения Нальчику звания «Город воинской славы», с наступающим праздником – юбилеем Великой Победы, пожелать успехов в труде, а ветеранам сказать огромное спасибо за то, что они сделали для всех нас».

«Завтра наша страна, – подчеркнул в своем выступлении Ю. А. Коков, – будет отмечать самый святой и светлый праздник – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Эта война была тяжелейшей из всех войн в мировой истории, беспрецедентной по своей жестокости и варварству. На защиту Отечества вместе со всей страной мужественно встали жители Кабардино-Балкарии и её столицы – города Нальчика. Здесь решалась судьба фашистского плана наступления через Кавказ «Эдельвейс». Как известно, осенью 1942 года в районе Нальчика развернулись основные события Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции, в ходе которой на подступах к Нальчику и непосредственно в самом городе немецко-фашистским захватчикам был нанесён значительный урон в живой силе и технике, была выполнена основная задача – не допустить прорыв противника к Грозному и Баку. В этот период город стал центром мобилизации сил и средств республики по оказанию помощи фронту. В тяжелейших условиях продолжали работать промышленные предприятия, которые производили боеприпасы, военное обмундирование, снабжали 37-ю армию продовольствием. Нальчик принял десятки тысяч людей из многих регионов Советского Союза, в том числе из блокадного Ленинграда. Здесь были развёрнуты многочисленные госпитали, эвакуированные из других городов. Великая битва на Волге под Сталинградом, ставшая поворотом в ходе всей войны, а также провал наступления немецких войск на нальчикско-орджоникидзевском, малгобекско-грозненском, туапсинском направлениях и на перевалах Главного Кавказского хребта обеспечили коренной перелом в боевых действиях на Кавказе. К концу декабря 1942 года войска Закавказского фронта перешли в наступление, нанеся противнику тяжёлый урон, об этом было сказано Сергеем Алимовичем. К утру 4 января 1943

года город Нальчик был полностью освобождён. Как сообщалось в сводках Совинформбюро, в районе юго-восточнее Нальчика враг был остановлен и разгромлен, что послужило началом освобождения Кавказа. Это историческое событие было отмечено специальным приказом Верховного Главнокомандующего, который объявил благодарность освободителям столицы Кабардино-Балкарии. Жители Нальчика внесли весомый вклад в защиту Отечества практически на всех фронтах Великой Отечественной войны. Непосредственно из города Нальчика были призваны более 20 тысяч человек. Они составляли и значительную часть сформированных в республике 175-й и 317-й стрелковых дивизий, а также легендарной 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Около девяти тысяч нальчан погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Мужество и стойкость, проявленные жителями города в годы Великой Отечественной войны,

были по достоинству оценены государством. Указом Президиума Верховного Совета СССР город Нальчик был награждён орденом Отечественной войны I степени. Сегодня, в день торжественного открытия стелы «Город воинской славы», мы воздаём должное защитникам столицы и всей Кабардино-Бал-

С. А. Меликов и Ю. А. Кокков возлагают цветы к монументу

карии. Величие совершённого ими подвига во имя свободы и независимости нашей Родины останется в истории на века! Вечная слава воинам-освободителям, всем героям Великой Отечественной войны!»

К собравшимся обратились председатель Совета ветеранов во-

йны и труда г.о. Нальчик Мустафа Абдулаев, студентка второго курса КБГУ им. Х. М. Бербекова Оксана Дектяренко. С. А. Меликов и Ю. А. Кокков возложили цветы к монументу, а затем подошли к ветеранам. Торжества завершились, но люди ещё долго не расходились, вспоминая годы войны, связанные с ней потери и радость победы в мае 1945 года... («КБП», 9 мая 2015 г.)

ПРАЗДНОВАНИЕ 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В НАЛЬЧИКЕ

21 МАЯ – ДЕНЬ ПАМЯТИ АДЫГОВ

Обращение Главы Кабардино-Балкарской Республики Ю. А. Кокова в связи с 151-й годовщиной окончания Кавказской войны

Дорогие жители Кабардино-Балкарии!

Сегодня народ Кабардино-Балкарии отмечает печальную дату – 151-ю годовщину окончания Кавказской войны.

Вспоминая трагические события того времени, мы понимаем, какие масштабные человеческие потери она принесла всем участникам военных действий. Трагический итог войны для адыгов заключается в том, что большая часть достаточно многочисленного народа была вынуждена покинуть родную землю, была разбросана по всему миру.

В день национальной скорби мы склоняем головы перед памятью жертв этой войны.

Оглядываясь назад, мы должны помнить и о том, что Кавказская война отражает лишь один из исторических этапов российско-адыгских отношений, которые начались гораздо раньше и продолжались после её окончания в качественно новых формах. Благодаря этому многовековому сотрудничеству наш народ сохранил историческую родину, язык и культуру, свой духовный и созидательный потенциал, и сегодня в единой многонациональной семье народов Российской Федерации успешно строит новую жизнь.

В этот день хочу пожелать адыгам, всем жителям Кабардино-Балкарии мира, добра, счастья и благополучия.

Свечи в память о прошлом

Жители Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии вспоминают сегодня жертв Кавказской войны. Отмечают этот день и за рубежом: в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и США – везде, где живут потомки адыгов-мухаджиров.

20 мая в Нальчике в сквере Свободы у мемориала «Древо жизни», посвящённого жертвам Кавказской войны, состоялся вечер старинной адыгской песни «Родина моя – песнь моя». Его участники зажгли у памятника 151 свечу по числу лет, прошедших с той войны.

Председатель Международной черкесской ассоциации Хаути Сохроков отметил, что этот день – день памяти всех погибших в той войне и ещё одна возможность извлечь уроки из истории.

Концерт старинной адыгской песни начался с песни мухаджиров в исполнении Алия Ташло. Не менее трогательно выступили Фатима Чехмахова, вокальная группа ансамбля «Чегемские водопады», Фатима Кулова и другие артисты.

Апофеозом вечера стала церемония зажжения свечей, которые расставили активисты общественной организации «Черкесский конгресс». Трепещущие огоньки вырисовали в сгущающихся сумерках даты войны, унёсшей жизни миллионов.

В мероприятии приняли участие советник Главы КБР Аминат Уянаева, министр культуры КБР Мухадин Кумахов, глава администрации г. о. Нальчик Мухамед Кодзоков, жители и гости столицы Кабардино-Балкарии.

Выступление на траурном митинге президента МЧА Сохрокова Х. Х.

Дорогие друзья! Уважаемые гости!

Ежегодно 21 мая мы по-особому вспоминаем один из самых драматических периодов в истории Северного Кавказа – Кавказскую войну, об окончании которой официально было объявлено в этот день в 1864 году.

И сегодня в очередной раз на этом святом месте мы чтим память тех, кто в результате Кавказской войны потерял если не жизнь, то – родину. Мы вспоминаем тех, кто отдал свою жизнь, защищая отчий край, склоняем головы перед памятью всех жертв Кавказской войны.

Историческая драма, продолжавшаяся 101 год, для адыгов (черкесов) стала национальной катастрофой: кровопролитная война унесла миллионы невинных жизней и стала началом формирования многочисленной черкесской диаспоры.

За последние девять десятилетий народы бывшего СССР пережили Гражданскую и Отечественную войны, разруху, период восстановления народного хозяйства, развал Советского Союза. Трезвый взгляд на судьбу адыгского и других северокавказских народов подтверждает мудрость единственно правильного пути, выбранного нашими предками почти полтысячелетия назад, – дальнейшее созидание и развитие вместе с великой Россией.

Поиск причин трагедии, собравшей нас сегодня, и здравое рассуждение на эту тему преследуют одну цель: дать правдивую оценку трагическим событиям XVIII-XIX вв. Мы изучаем Кавказскую войну не для того, чтобы предъявить какие-то претензии ныне живущим, а чтобы почтить память тех, кто сложил головы, защищая родную землю. Только объективная оценка Кавказской войны 151-летней давности даст право открыто смотреть в глаза друг другу будущим поколениям нашего народа.

Разрушение существующего строя в отдельных государствах, пре-

следование их лидеров, которые имеют место в сегодняшнем мире, наталкивает на мысль о необходимости сплочения здоровых сил мирового сообщества. Примеры Ирака, Ливии, Сербии, Боснии, кровоточащие раны Сирии выдвигают необходимость противостоять злу. Жесточайшие испытания, которые казались немыслимыми в XXI веке, выпали на долю многих стран и народов, привели к большим человеческим жертвам. Сегодняшний мир интегрирован, он имеет единое информационное пространство. Происходящие события становятся достоянием всех и каждого через считанные минуты. Но, к сожалению, и это не останавливает разжигателей войны.

Особенно трепетно мы следим за событиями в Сирии, выражая свое искреннее возмущение по поводу гибели невинных людей, в том числе и наших соплеменников, волею судьбы оказавшихся на чужбине. Мы видим, какие усилия в этом направлении прилагает наше правительство в лице Президента Российской Федерации Владимира Путина.

Мы понимаем и уровень сложности этих вопросов. Тем не менее, политическая воля и человеческий разум должны найти способы для прекращения кровопролития и урегулирования конфликта.

В Кабардино-Балкарии и в других республиках Северного Кавказа мы должны сделать все для того, чтобы поддержать оказавшихся в беде, создать благоприятные условия для адаптации сирийцев, вернувшихся на родную землю. Меры, предпринимаемые руководителями республик Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, общественными организациями и частными лицами, показывают, что при совместных усилиях нам многое под силу. Сегодня на средства от благотворительности для сирийских черкесов приобретены 90 домов в районах и городах республики. Дети и молодежь обучаются в общеобразовательных учреждениях и вузах республики. Оказывается поддержка в трудоустройстве и предоставлении разрешения на временное проживание, организации изучения русского и родного языков. Выражаем огромную благодарность руководству республики, благотворителям, жителям республики, всем, кто

оказывают помощь сирийским черкесам за сопереживание и деятельное участие в обустройстве на исторической родине.

Вместе с тем мы просим и Российское государство, и всех тех, кто задействован в решении проблемы наших соотечественников в Сирии, помочь нам в том, чтобы многочисленные представители черкесской диаспоры, попавшие в зону конфликта, были выведены как можно быстрее и оказались в безопасности на своей исторической родине.

Хотел бы обратиться и к нашей молодежи, во все времена отличающейся обостренным чувством справедливости. Отрадно, что наши юноши и девушки вовлечены в эти позитивные процессы. Приветствуя эти положительные изменения, хотелось бы обратиться к ним. Дорогие наши молодые люди! Вам принадлежит будущее. Но к каждому позитивному шагу надо относиться вдумчиво, следуя мудрой заповеди «Не навреди!». Наши предки говорили: «Ф1ым к1ымышар 1ейм к1ишэрк1ым». Вы должны ясно понимать, что только законными, цивилизованными способами можно решить проблемы нашего многострадального народа. И никогда не думайте, что у старшего поколения душа болит меньше вашего.

Сегодня на нашем митинге присутствуют большая делегация соотечественников из Турции, представители черкесской диаспоры из Сирии, Иордании.

Миллионы зарубежных черкесов сегодня трудятся на благо в странах проживания. Лучшие из них являются образцами адыгской воспитанности. Многие из них душой болеют за родной язык, стараются соблюдать хабзэ, нэмыс. Сохранение и развитие родного языка мы считаем важной задачей, потому что владение родным языком поможет продлению существования адыгов как этноса. Я хочу сказать им искренне Тхьэр арэзы кыфхухьу. Пусть в этих государствах к вам относятся как к любимым сыновьям и дочерям, чтобы на подобных примерах узнавали о нашем прекрасном народе.

Как это ни грустно, мы понимаем, что не все могут вернуться на родную землю. Но где бы ни жили адыги (черкесы), на каком бы языке они ни говорили, их взгляды всегда направлены в сторону России

– своей исторической Родины. Мы должны помнить о том, что только в основном в трех наших республиках говорят и пишут на адыгском языке. И все вместе мы должны прилагать усилия к тому, чтобы быть надежным звеном стабильности на Северном Кавказе, опорой нашей страны в поддержании мира, укреплении дружбы народов и Российской государственности.

Несмотря на трагическую судьбу, адыги всегда отличались миролюбием. Поэтому, скорбя сегодня о жертвах Кавказской войны, мы должны помнить, что лучшей памятью о погибших будет осознание того, что без гражданского мира и межнационального согласия на родной земле не может быть никаких жизненных перспектив. Традиции добрососедства, взаимоуважения и взаимопомощи между народами должны и впредь оставаться твёрдой опорой для нашего общего созидательного труда на благо Отчизны. Большая ответственность в связи с этим ложится на плечи старших.

Дорогие друзья, уважаемые гости, хочу пожелать жителям родной Кабардино-Балкарии, всем адыгам мира, добра и благополучия. Пусть будет вечна и благословенна жизнь на нашей земле.

Мухамед Хафицэ,
*тхамата общественной
организации «Адыгэ Хасэ»,
главный редактор газеты
«Адыгэ псалгэ»*

История – не только розы

В течение всей истории существования человечества судьбы народов перекрещиваются всерьез и надолго. Прошлое дает обильную пищу для общих воспоминаний. Есть среди них и приятные, открывающие сердце одного народа навстречу другому, есть и такие, которые лучше было бы забыть.

История неоднозначна, в ней неуместны прямолинейные оценки.

Султан Казы-Гирей – князь, генерал-майор российской армии, был первым профессиональным черкесским писателем.

Отрывок из его повести «Долина Ажитугай», опубликованный в 1836 году в первом номере, «Современника» – литературного и общественно-политического журнала, основанного А. С. Пушкиным, получил очень лестный от-

звиз гения русской литературы. «Вот явление неожиданное в нашей литературе, – писал он в послесловии к «Долине», – черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно, живописно... Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке».

Заметьте: «изъясняется на русском языке». А ведь в то время уже всюду шла Кавказская война, которая принесла столько горя моим соотечественникам. По окончании её от некогда сильной Черкесии, на территории которой проживало свыше трёх миллионов адыгов, осталось не более 130 тысяч человек. Из них сто тысяч – кабардинцы, значительная часть которых уцелела лишь благодаря вовремя осознанной бесполезности дальнейшего сопротивления.

Помимо гибели людей в боях другим результатом геноцида царского правительства стало то, что миллионы черкесов оказались за рубежом, главным образом в Турции. Почему именно там, понятно: лет 250-300 тому назад крымским ханам и турецким султанам удалось огнём и мечом обратить наш народ в мусульманство. Подобно всем неопитам – пример тому Пакистан – адыги были фанатиками, да к тому же и отличными

воинами. Прекрасное, с точки зрения воинственного турецкого султана, сочетание. Между оттоманским владыкой Абдул-Азизом и российским императором Александром Вторым был заключен тайный договор с целью завлечь черкесов в Турцию. На Кавказ приезжали турецкие эмиссары, агитировали, обещали расселить адыгов в местностях с ландшафтом, аналогичным привычному, кавказскому.

На деле же черкесов обманули, и обманули дважды. Во-первых, вновь прибывших поселили в пограничных с Османской империей районах, ничего общего с их родиной не имеющих, а во-вторых, лишили национальности, всех от мала до велика переписав турками.

Говоря о событиях Кавказской войны, нельзя без боли вспомнить трагедию мухаджирства, любой её эпизод. Грузинское правительство, к примеру, не позволило воспользоваться территорией своей страны для переселения в Турцию, и адыгам пришлось добираться морским путём. По дороге тысячи людей гибли от чумы, оспы, холеры. Турецкие моряки сбрасывали умерших в море. На чужбине ещё вчера гордые джигиты ломались так, что их невозможно было узнать.

Но судьба-злодейка одолела только слабых духом. Большинство мухаджиров на Ближнем Востоке, в Анатолии и на Балканах выстояли. Выстояли благодаря терпению, свободолюбию, рыцарству, храбрости – первым добродетелям нашего гордого народа.

Лучшие представители черкесского зарубежья сумели на чужбине достичь высот в науке, политике, военном деле, литературе, искусстве, спорте.

...Да, история – это не только розы, но ещё и множество острых, колючих шипов. Но тем более важно, чтобы боль от укулов не застилала глаза, не мешала видеть красоту цветка.

И сегодня кое-кому хочется Кавказскую войну превратить в своего рода яблоко раздора. Однако ни для кого не секрет, что зачастую бездумный, формальный возврат к своим корням оборачивается возвратом к дикости, чреватым разжиганием новых войн.

Главный вопрос, по моему мнению, отнюдь не национальный, а вопрос политической и экономической самостоятельности Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, которые стали суверенными республиками в составе Российской Федерации.

Для адыгов символом такого возрождения стало знамя, подарен-

ное в 1830 году черкесскому народу кавказоведом-англичанином Джеймсом Бёллем. На зелёном поле полотнища изображены 12 звёзд, символизирующие двенадцать адыгских племен, и три скрещённые стрелы – знак мира. Нам не хочется, чтобы эти стрелы когда-нибудь изменили своё расположение, что означало бы готовность к войне. Мир – это главное.

А оглядываться назад нужно лишь для того, чтобы получше разглядеть свет впереди.

Быть рядом с братьями

В Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х. М. Бербекова прошло мероприятие, приуроченное к Дню памяти адыгов – жертв Кавказской войны. Литературно-музыкальная композиция включала в себя песни и стихи, пропитанные болью потерь. Слова и мелодии передавали всё, что пережили наши предки во время Кавказской войны и после её окончания, когда им пришлось покинуть родную землю.

Главными гостями мероприятия стали члены делегации соотечественников из Турции, которые провели 36 часов в пути, чтобы быть в день памяти рядом с братьями. Вечер также посетили президент Международной черкесской ассоциации Хаути Сохроков, руководитель «Адыгэ Хасэ» Мухамед Хафицэ, руководство вуза.

Основную часть турецкой делегации, насчитывавшей больше ста человек, составила молодёжь, которую с распростёртыми объятиями встретили студенты университета. Самой старшей представительнице Турции, пожелавшей увидеть историческую родину, 84 года. Соотечественникам вручили памятные подарки – книги на кабардинском языке.

Общаясь с представителями республиканских СМИ, руководитель делегации, президент Федерации черкесских обществ Турции Яшар Хагундоко рассказал, что поездка на родину предков стала для каждого волнительным и знаменательным событием. Впервые им удалось приехать в Кабардино-Балкарию такой большой группой.

– Мы очень счастливы встретиться со своими братьями, – отметил он. – Очень беспокоит то, что мы живём вдали от родины и можем потерять родной язык. Эта поездка преследует несколько целей – наладить отношения и сблизиться с жителями Кабардино-Балкарии, построить новые мосты, которые помогут адыгам, проживающим в Турции, посещать историческую родину.

Как подчеркнул Х. Сохроков, подобные поездки полезны тем, что соплеменники могут ближе узнать друг друга:

– Мы рассчитываем на то, что приехавшая молодёжь познакомится с нашим укладом, условиями, традициями. Ребята ощутили, с какой теплотой их приветствовали студенты, педагоги, в какой дружелюбной атмосфере мы их встречаем. Уверен, приезд гостей из Турции послужит укреплению наших культурных, братских связей, поможет поддерживать идеологию мира, дружбы, согласия.

Адыги покоряли силой духа и красотой

Какими бы ни были взгляды на причины и итоги Кавказской войны, как бы её ни называли – борьбой горцев за независимость, проявлением завоевательной политики русского царизма или истреблением генофонда кавказцев, в первую очередь адыгов, несомненно одно: война – это зло, боль, страдания и многочисленные жертвы взявшихся за оружие противоборствующих сторон.

В любой величайшей трагедии есть скрытые, невидимые и потому неоценённые процессы. Развеянное по миру людское семя, попав на чужую почву, воссоздаёт свой быт, выстраивает присущие ему взаимоотношения с новым окружением. И если в нём есть благородство, если главным принципом взаимодействия с внешним миром является уважение чести и достоинства любого, проявляются честность и открытость сердец, то происходит покорение иного рода – не силой, а красотой, рождающей желание перенять то, что пришлось по душе и по нраву.

Это – завоевание территории души народов, и чем дальше улетит гонимое какой угодно жесточайшей бедой благородное семя, оно прорастёт всё той же присущей ему природой и приобщит к ней тех, кто ею восхитится. Именно так.

Прошлое живет, имеет корни, берущие начало в неизбывной печали, глубокой скорби по всем погибшим в Кавказской войне. Но оно не затмевает настоящего, которое им стало благодаря неистребимым духовным традициям, живущим в народе, где бы он ни находился и в какие бы условия ни попадал.

Куда бы ни попали адыги, местные жители учились у них разводить сады, искать воду, строить колодцы и сохранять удивительное для арабов спокойствие во всех житейских ситуациях. Мнение о черкесах всегда было

самое высокое и касалось всех переселенцев, о которых шла молва, что их слову можно доверять сполна, что они делают всё, чтобы исключить разлад в отношениях, проявляя феноменальное терпение и оказывая уважение тем, с кем вступали в контакт.

Сейчас, когда сама жизнь заставляет людей обособляться, родство, традиция, взаимовыручка и уважение – это то, на чём держится этот мир. Это то, что не способна разрушить никакая война, поскольку душа любого народа покоряется только добру и красоте.

Тот, кто не испытал великой трагедии, никогда не сможет услышать высокую и очень пронзительную струну своей души, резонирующую с возвращением к истокам.

АДЫГЭ ЛЬЭПКЪ

Макъ. Д. Согуэ

Пс. Тхъээплъ Хь. ейц

В темпе кафа

Ди льэпкъ Iумахуэу адыгэ льэпкъыр,
Хабзэр я бзыпхъэу, тетщ дуней псом.
Къаджэм пэджэжу жанщ я Iэпкъльэпкъыр,
Зэбынзэунэу, зэпсэу зэдопсэу.

Ежью: Маржа, ди щIэблэу,
Льэпкъым и набдзэ.
Адыгэ хабзэр
Фи псэу фыпсэу.

КъытщIэхуэу щIэблэр
Льэпкъым и набдзэм, -
Хабзэ дахашэм –
Дэ дыропсэу.

Ди дыггэ-щыггэу, ди сабий IэфIхэр,
ГъашIэпсэ нэхуу тетхэщ дунейм.
Ди хабзэехьэу ди нэхьыжьыфIхэм,
ЩIэблэм я дахэр хьэлкIэ доплъей.

Ежью.

Уей жыIэ нобэ, ди льэпкъыггэгушхуэ,
Лшыггэ Iэужьыр псэклэ зыггэш!
Ди цыкIуи ини Iуэхум тегушхуэ,
УощI уаIуплъамэ, псэклэ зэкьюэш.

Ежью: Уо-ри-рэ, уо, уо-ри-рэ-уо!
Адыгэ хабзэу, хабзэ дахашэм
Дэ дыропсэу.

Узейир ДЖУЛАБОВ

Джулабов Узейир Алиевич родился 10 апреля 1930 года в зажиточной семье в поселке Жуунгу Чегемского района КБАССР. С 1944 по 1960 годы жил в Казахстане.

В 1955 году окончил среднюю школу в селе Буденовка Джамбульской области. В 1956 году поступил в Казахский Государственный университет и окончил его в 1961 году. С 1961 года работал директором школы в с. Хушто-Сырт Чегемского района КБАССР. В 1967 году поступил в аспирантуру в г. Алматы – институт языкознания при АН Каз. ССР. После окончания аспирантуры, с 1971 года, работал в издательстве «Эльбрус» – редактором, старшим редактором, а с 1985 года – заведующим редакцией учебно-методической литературы.

У. А. Джулабов – тюрколог, прозаик, переводчик, член Союза писателей и Союза журналистов РФ. Заслуженный работник культуры КБР.

МЭЛС

Вот уже несколько лет, как он присмотрел себе это местечко – под огромным грушевым деревом. После развода со второй женой он поменял свою «двушку», полученную некогда в результате долгих мытарств и унижений, на однокомнатную в новом микрорайоне, в гористой части города, рядом с дачным поселком. Размен был невыгодный, но ежедневные семейные ссоры настолько надоели ему, что он был готов бежать хоть на край света, лишь бы подальше от жены. Ему повезло, район оказался хорошим: полным-полно магазинов, неподалеку – маленький базарчик, в двух шагах – пивнушка. Но самое лучшее – вот этот тенечек под столетней грушей, где можно посидеть, когда совсем уж невольно от тягостных мыслей и не знаешь, куда себя деть.

Первое время он чувствовал себя на новом месте неприкаянно, как гусак, отбившийся от стаи. К тому же, как раз в это время, по известной причине его исключили из партии и уволили с работы. Но он старался держаться: прежде чем выйти в магазин, чтобы купить хлеба, молока, минералки и прочих необходимых вещей, он тщательно чистил обувь, по мере возможности нарядно одевался. А покончив с делами, степенно прохаживался по двору, заложив руки за спину. Но к моменту открытия пивнушки непременно оказывался у нее.

Проблема одиночества тоже была скоро решена, друзей стало предостаточно. Сначала он познакомился со старожилом района Максом, тонкошеим, сутулым и худым рыжим дворником, которого заметил в первый же день. Затем у продуктового магазина обратил внимание на грузчика, вечно снующего со своей тележкой. «Шустрый какой, однако...

На сороку похож. Видать, денежки за день сшибает немалые. Но, судя по виду, жизнь у него тоже не сахар», – подумал он.

Следующим его знакомым стал математик-доцент, хромой Созар. Точнее сказать, бывший доцент. На вопрос, чем он занимается сейчас, прямого ответа тот не давал, только произносил многозначительно: «Слава Аллаху, пока еще сам себя кормлю, никому в карман не заглядываю», – и выпячивал грудь. В такие минуты было видно, что ему так и хочется сказать своим собутыльникам: «Я – не то, что вы, я еще не скатился до последней ступеньки, у меня все еще впереди». Мнения о себе он был самого высокого: «Я во всем люблю доискиваться до истины, мне не составляет труда вникнуть в суть любого дела».

При этом у него не было никаких сомнений в том, что другим таких способностей Бог не дал. Короче говоря, в компании, где был Созар, слово другим доставалось редко. Причем тема разговора была для него не важна. Круг его интересов был чрезвычайно широк: от глобальных проблем современности до пьяных разборок Макса и Мэлса.

Познакомились они случайно. Мэлс понуро стоял в длиннющей очереди за дешевым вином, ставшим в то время дефицитным товаром, когда к нему обратился коренастый мужчина с оспинами на лице:

– Братуха, купи и мне бутылочку, деньги сразу отдам.

Мэлс купил. Рассчитавшись, новый знакомец повелительно, как старому другу, сказал:

– Пойдем.

– Куда?

– Туда... Есть одно местечко... Пошли.

Мэлс покорно последовал за ним. Пройдя немного по узкой тропинке вдоль садов, они взобрались на пригорок, немного передохнули и вскоре сидели в тени грушевого дерева. Мэлс, который впервые в жизни видел такое огромное дерево, с удивлением осматривал его. Нижние ветви склонялись вниз, почти достигая земли.

– Ну что, нравится? Уж получше, я думаю, чем сидеть в квартирешкворечнике.

Мэлс, все еще удивленно рассматривающий дерево, кивнул головой, показывая, что да, лучше.

После первых стаканов разговор оживился, оба почувствовали себя давними знакомыми. Узнав имя Мэлса, Созар некоторое время молчал, уставившись в пустоту, потом громко захохотал.

– Слушай, а ты знаешь, что означает твое имя?

Мэлс молчал.

– Ай да балкарцы, ай да молодцы! Надо же: всех четверых уместили в одно словечко!

Созар долго еще не мог успокоиться, переставал, но через минуту опять заливался смехом, аж слезы из глаз катились. Вымученно улыбался и Мэлс. Он никогда никому не жаловался, но имя было источником неприятностей на протяжении всей его жизни. Ему вспомнился случай из детства. Перед школой, взяв отпуск на месяц, отец решил отвезти его в село, к родителям, жившим с его младшим братом. Чтобы мальчик побе-

гал на свежем воздухе, а заодно и подучил родной язык. Мать была категорически против: «Ребенок, привыкший в городе, не сможет там жить!». Но на отца ее уговоры не подействовали, они начали собираться в дорогу. Мать все не могла успокоиться и, когда они уже выходили из дома, встала на пороге, уперев руки в поясицу, и угрожающе сказала: «Не дай Бог, он там заразу какую-нибудь подхватит, или что другое с ним случится, – посмотришь тогда!»

Сельские родственники так обрадовались их приезду, что долго не могли прийти в себя. Ласкали, обнимали, тискали мальчика... Особенно много ласковых слов он услышал от стариков, хотя понимал из них едва половину. А тепло, веявшее от них, когда они его обнимали, он помнит до сих пор.

– Видите, как он к нам тянется, даже про отца забыл, – радовался дедушка.

– Как тебя зовут, сынок?

Такие короткие вопросы мальчик понимал.

– Мэлс – отчетливо произнес он.

– Оу, кюнюк!¹ – испуганно воскликнула бабушка, удивленно глядя на него.

– Что он сказал? – переспросил дедушка, придвигаясь к отцу мальчика.

Снисходительно улыбаясь, тот объяснил, что означает имя их внука. Имена четырех вождей старик знал. Тем не менее, в эту минуту он почувствовал себя так, будто они все вчетвером заявили к нему домой. «Астофюруллах, астофюруллах», – несколько раз повторил он, недоумевающая. Бабушка некоторое время смотрела на ошарашенного деда, потом вдруг рассмеялась.

– Да ладно, чего уж там... Мэлс так Мэлс... На все воля Аллаха. Видимо, и в этом есть какой-то смысл...

Пришедший в себя старик кивнул головой, соглашаясь с ней.

– Ладно, имя... Но, как известно, каждый из вождей принадлежал к различной религии. Кем же должен быть наш мальчик? – спросил старик и посмотрел на сына.

– А этот, как всегда, за свое, все на религию свернет, – проворчала бабушка. – Ты думаешь, вожди так уж ценили твою религию?

Мальчик понимал, что речь идет о его имени. Понимал он и то, что оно не по вкусу его родственникам. Он заметил, как вздрогнула, будто от укуса пчелы, бабушка, услышав это имя. Повинуясь какому-то непонятному порыву, он подошел к ней и прижался к ее груди.

Кто мог подумать, что имя, данное родителями из самых лучших побуждений, будет доставлять ему одни неприятности? Ведь каких только странных имен нет: Бешли, Токлу²... Но никто их владельцев не поднимает на смех. А услышав его имя, все начинают улыбаться.

Он вспомнил еще один день из своего детства. Он учился тогда в третьем классе. В тот день отец пришел с работы хмурый, чернее тучи. Ни с кем не обмолвившись ни словом, он не стал заходить в дом, а тяжело

1 Оу, кюнюк! – возглас удивления.

2 Бешли – пятилетний (бык), Токлу – годовалый ягненок.

вздыхая, присел на сваленный в углу двора мешок кукурузы. Обливаясь слезами, к нему подседа мать. Так они оба просидели довольно долго. Мальчик не решился спросить, что за горе их постигло, и причину узнал только на следующий день, в школе: умер Сталин.

Мэлс не помнит, что он чувствовал тогда, при виде всеобщего горя.

Плакали почти все, ученики и учителя. Он же не проронил ни слезинки.

– Эй, а ты почему не плачешь? – спросил его один из товарищей, мальчишка-казах.

– Не знаю...

– У тебя, наверно, сердце из камня, – серьезно, как взрослый человек, сказал мальчик. – А ведь, по правде сказать, ты должен был бы плакать больше всех.

– Почему это?

– А ты что, даром носишь его имя, что ли?

Мэлс призадумался. Но заплакать все-таки не заплакал. Впрочем, откуда появятся слезы, если в сердце нет печали? Возможно, переселенческие страдания не давали ему оплакивать виновника их бед, хотя он и не осознавал этого.

Позднее, став взрослым, он вспоминал об этом с удовлетворением.

Смерть Сталина как громом поразила весь народ. Но не меньше, по прошествии времени, поразило людей то, что вождь, которому поклонялись, как божеству, оказался палачом. Палачом, казнившим множество безвинных, порой самых лучших людей, оставившим сиротами бесчисленное количество детей, погасившим очаги миллионов семей. Да что семьи, целые народы по его велению лишили родины! В это было трудно поверить, но поверить пришлось: все, начиная с нашего брата Хрущева, проклинали его.

Потом, когда Сталин был разоблачен, тот же товарищ, упрекавший его за то, что не плакал, спросил:

– Ну а теперь что будешь делать?

– В каком смысле? – не понял он.

– Что теперь будешь делать со своим именем?

– А что я должен с ним делать?

– Смотрите на него! Разве в твоём имени нет заглавной буквы Сталина?

Мэлс застыл, как будто по голове его ударили камнем. Он до сих пор об этом как-то не задумывался.

– Я думаю, надо эту букву просто убрать, – утешительно сказал товарищ. – И не надо тянуть с этим. А то как бы чего не вышло потом... Мало ли что... Сам видишь, все его портреты уже снимали.

– Как же я ее уберу?

– Очень просто – убрал и все. Какая разница: Мэлс или Мэл? Одинаково странные имена...

Мэлс задумался. Конечно, зная теперь, кем был Сталин, букву его из имени нужно было бы убрать. Но он не знал, имеет ли человек право менять свое имя.

– Нечего тут думать, убираем ее – и все, – продолжал друг. – Ничуть не плохо звучит – Мэл. А ребятам всем я сам скажу.

Мэлс все еще колебался. С одной стороны, ему казалось, что без одной буквы имя его становится куцым, как обрезанный хвост жеребенка. С другой – как же ему до самой смерти носить в своем имени символ тирана? Все же надо, видимо, убрать. В конце концов, кому какое дело до его имени? Как захочет, так и сделает.

На том и порешили: с этого дня он становится Мэлом. О новом его имени всем расскажет друг, задача же его самого – откликаться на имя Мэл, а на Мэлс – никак не реагировать. Так постепенно все и привыкнут.

Но дело оказалось не таким простым, как им представлялось. Все продолжали называть его по-старинке, а то, что один из друзей называл его Мэлом, воспринимали как шутку. Называют же Ибрагима Иброй. Друг был искренне огорчен. Его задумка оказалась никому не нужной, как не пользующийся спросом товар. Да и обидно было, что они не смогли справиться с единственной буквой.

– И зачем только вы с этим проклятым связывались? – недовольно пробурчал расстроенный неудачей своей затеи друг.

– Я-то тут при чем? Просил, что ли, так меня называть? – огрызнулся Мэлс.

– Честно говоря, родители, давшие сыну такое имя, избытком ума явно не страдали, – сказал друг, переходя границы приличия. – Как будто мало других имен.

– Что ты сказал? – вскипел Мэлс, услышав такое про своих родителей. – Ну-ка повтори!

– А что, я не прав? Разве не они дали тебе такое имя?

Мэлс, не медля, ударил товарища кулаком в нос. Тот ответил тем же. Они сцепились. Разнять их было некому, но вскоре драка закончилась сама собой.

Оба, тяжело дыша, сели на землю. Отдышавшись, друг, как ни в чем не бывало, спросил:

– Слушай, что мы будем лупить друг друга из-за этой глупой буквы? Тебе дали имя Мэлс, мне – Аллахберди. От нас самих ничего не зависело. Ни то, ни другое имя не назовешь желательным. Надо, видно, просто смириться.

– Твое имя хоть имеет хождение среди своего народа.

– А-а, – махнул рукой друг. – Была бы возможность, я бы тоже сменил имя. Что, только меня одного Аллах дал? А остальных – кто?

Так все по-прежнему и осталось. И только изредка, когда друг называл его Мэлом, Мэлс улыбался, показывая, что доволен им.

Как ни странно, становясь взрослее, друзья стали почему-то больше ерничать, коверкая его имя. Приходилось терпеть. Мэлс знал, что если покажет недовольство, то лишь раззадорит их. Так и жил, затаив недовольство своим именем в глубине сердца. Недовольство это со временем привело к тому, что он вздрагивал каждый раз, услышав свое имя.

Учась в политехникуме, он влюбился в симпатичную девушку. Это было в первый и последний раз в его жизни. Но это было настоящее чув-

ство. Спроси его кто, знал ли он любовь, он без колебаний ответил бы утвердительно. Бог свидетель, даже сейчас, на шестом десятке жизни, он начинал волноваться при одном воспоминании о ней. И первая, о ком он вспоминает, выходя из запоя, это она. В такие минуты у него прерывается дыхание, колет в груди и на глазах появляются слезы.

После этого он несколько дней думает о водке с отвращением. Принимает ванну, тщательно купается, чувствуя себя воскресшим из мертвых. Все мысли – только об Оксане...

Он так и не понял, как случилось, что они разошлись.

Отец Оксаны был татарин, мать – русская. Зятя своего они невзлюбили сразу. Да и имя его вызывало у них такую же реакцию, как у остальных. Молодая жена, красивая, гладколицая Оксана оказалась между двух жерновов. Она постоянно жила в страхе перед разводом. Так и случилось, развелись. Она переехала с родителями в Казань, и Мэлс остался один, как оставленная хозяйками в доме после переезда кошка. С того времени он и подружился с бутылкой. Начал водить знакомство с кем попало. А вскоре бросил все и переехал в Нальчик, думая там начать новую жизнь. А почему бы и нет? Руки у него золотые, внешностью и здоровьем Бог не обидел, красноречив, умеет ладить с людьми. Да и у женщин всегда успехом пользовался. Так и получилось: он устроился на работу, женился... Хотя очень скоро развелся. Вроде и не было особых причин для развода, да вот поди ж ты...

И вот теперь он здесь. Лежит на спине в тени грушевого дерева, смотрит на густую крону, будто хочет там выискать свое потерявшееся счастье...

Летние дни на исходе, скоро осень. Мэлс в очередном запое. Он уже не помнит, который день пьет не просыхая. Каждый раз это начинается одинаково: сначала пара кружек пива, потом кое-что покрепче, потом – пошло-поехало... В желудке вспыхивает пожар, и, чтобы погасить его, нужен не один день и не один литр водки.

Все лето он не прикасался к бутылке. Не собирался пить и в тот день, но на свою беду столкнулся с Созаром. Хромой аналитик-доцент ошивался у продуктового магазина.

– Слушай, где ты пропал? Или на должность какую устроился? А как насчет того, чтобы поправить голову братухи? Или в карманах ветер гуляет?

Мэлс, не умевший никому отказывать, молчал. Созар, заметив его колебания, продолжил штурм:

– Вижу, что есть у тебя копейка. А раз так, не будем мешкать, голова раскалывается. Не забыл еще дорогу к пивнушке?

У Мэлса вдруг стало легко на душе, как будто он нашел что-то давно потерянное.

– Как можно забыть? Пойдем... По паре кружек...

И вот уже пятый день по одному расписанию: с утра – пиво, потом – сон на свежем горном воздухе под деревом, вечером – вино или что-нибудь покрепче.

Разноцветные листья потихоньку начинают осыпаться с деревьев,

куда ни глянь, повсюду великолепные пейзажи. Но Мэлсу не до красот природы. Каждое утро, едва успев проснуться, он набрасывает на себя пальто, выходит на улицу и неверными шагами отправляется по знакомой дороге. Бриться он перестал, и щетина придает ему весьма неприглядный вид.

Иногда он бывает у пивнушки первым, иногда к его приходу там уже торчат собутыльники. Обычно это Созар и Лёл.

Так было и на этот раз. Созар сидел за столом с двумя незнакомыми молодыми парнями. Выглядели они вполне прилично, видно было, что и с деньгами у них проблем нет. Вероятно, это были бывшие студенты Созара.

– Где ты пропал? Можно подумать, не хотел вылезать из объятий своей жены... – такими словами, весело смеясь, встретил его Созар. Он был явно в настроении: как всегда, когда знал, что выпивки будет много.

– Проспал...

Мэлс засопел и быстро заморгал, как опоздавший на урок ученик.

– Эх ты, соня... Ладно, присаживайся.

Компания устроилась за столом. Новые знакомые явно были не дураки выпить: первые несколько стаканов опрокинули почти без пауз. Затем, видимо, придя в себя, настроились на беседу.

– Профессор, ты так нас и не познакомил. Кто этот товарищ?

– Это – Мэлс...

– Мэл-с, Мэл-с, – повторил один из парней, будто пробуя слово на вкус.

Мэлсу это сразу не понравилось. Пропустив на голодный желудок сто пятьдесят грамм, он уже было впал в эйфорию, но начало беседы испортило ему настроение.

– Да, имя у тебя знатное, – шмыгая носом, сказал один из парней и засмеялся.

«Черт бы вас всех побрал вместе с этим именем», – подумал Мэлс.

– Да, имя у него – то еще... Не часто встретишь такое, – поддержал парня Созар.

Все, кроме Мэлса, рассмеялись. Не желая показывать свое недовольство, он тоже вымученно улыбнулся. Затем постарался перевести разговор на другую тему. По опыту он знал, что другого выхода нет.

– А знаете... Знаете... – начал он, сам не ведая, о чем будет говорить дальше.

Все трое посмотрели на него.

– Ну, что же мы должны знать?

– Знаете, что сейчас самое главное?

– Ну, говори, если такой умный. А то мычишь, как будто рот толкном набит.

– Сейчас... Сейчас... скажу... Вот мы все жили при социализме... А потом захотели похоронить его... Но это было неправильно... И поэтому теперь мы должны...

– Да никому мы ничего не должны! Вернее: мы должны сидеть и пить пиво, а если есть – и водку. Вот так! И ничего лучше не придумаешь.

– Нет, Созар, нет! Так нельзя!

Мэлс обрадовался, что смог свернуть разговор в сторону, и уселся поудобнее. Он знал, что разговоры о политике быстро не кончаются. А значит, и о его имени речь больше не пойдет.

– Все мы – члены общества, а значит, ответственны за происходящее...

– Да заткнись ты! Разболтался тут! – с этими словами один из парней, презрительно, как от шелудивой собаки, отвернулся от него и сплюнул. – Идеолог нашелся. Мы такие вещи давно прошли и забыли.

– Нет, так нельзя!

Опершись руками о столик, Мэлс привстал. Глядя сверху на собеседников, он приготовился сказать речь.

– Что вы за люди? Разве можно быть в стороне от происходящего в стране?

– Пробовали мы и поучаствовать... А теперь вот решили постоять в сторонке. А ты, если хочешь, иди, вливайся в ряды строителей коммунизма... Короче, что ты нам предлагаешь?

Один из парней зло уставился на Мэлса.

– Как – что? Надо заново создавать нормальное общество.

– Какое общество?

– Нормальное!

– Вон оно как! Да ты силен, я смотрю!

Парень, которого разозлили слова Мэлса, все больше мрачнел. Видно было, что он уже готов затеять скандал. Товарищ тронул его рукой, призывая успокоиться. Но тот не сводил с Мэлса глаз.

– Вот это да! Да ты просто дурак, оказывается!

Мэлс не совсем понял, почему тот так рассвирепел, но почувствовал, что дело пахнет дракой, и присел на место. По очереди посмотрел на всех, как бы спрашивая: что я такого сказал?

– Ладно, замолчите оба, давайте лучше выпьем, – попытался взять инициативу в свои руки Созар.

Но парень уже вскочил со своего места.

– Почему я должен молчать?! Все беды – от таких вот умников! Заварят кашу, а мы потом расхлебывай! Зубы надо таким выбивать, чтобы рты закрытыми держали!

Мэлс вцепился в края своей табуретки и зажмурился, ожидая, что сейчас его ударят. Но, к его счастью, этого не произошло. Созар и другой парень чуть поуспокоили буяна. Скрипнув зубами, тот сел на место.

– Умники! Идеологи хреновы!

Мэлс открыл глаза. Все сидели на своих местах. Вроде пронесло.

– А ты, оказывается, горяч! Вспыхиваешь, как порох, – засмеялся Созар. – Стоит ли так горячиться из-за чепухи? Давайте лучше выпьем. И ты, Мэлс-джан, бери свой стакан, не дуйся.

– И вообще, зря вы прикопались к его имени, – продолжил Созар, выпив и закусив. – Сами понимаете, что никакой его вины в том, что ему дали такое имя, нет.

Доцент оглядел своих молчащих соседей.

– Да, его вины в том нет. Более того, имя всегда доставляло ему неприятности. Вот и сейчас – чуть до драки не дошло. Вам смешно, а ведь он даже пытался избавиться от него. Вернее, не совсем избавиться, а немного изменить. Во времена разоблачения культа личности один его друг посоветовал ему убрать из имени последнюю букву.

– Серьезно?

– Да, серьезно.

Созар посмотрел на Мэлса, ожидая, что тот подтвердит правоту его слов.

Отрицать это Мэлс не мог и как-то криво улыбнулся.

– Вот видите, наш Мэлс-бек ни в чем не виноват!

Успокоившийся было парень вдруг хлопнул рукой по столу и сказал:

– Правильно!

– Что правильно?

– Надо убрать букву «С». И не только ее, но и букву «Л»!

– Что же тогда останется?

– Останется Мэ... С него и этого достаточно. Разве плохо: Мэ... Мэ...

Мэлс уже не вмешивался в разговор, сидел обреченно, как приговоренный к казни. Никто никогда до сих пор так открыто над ним не издевался. Его начало мутить. Боясь, что его прямо сейчас стошнит, он зажал рот ладонью.

А парни все продолжали изошряться.

– А лучше всего – придумать ему новое имя. Как бы нам получше имя найти?

– Сейчас найдем... Например, Меднолоб.

– Меднолоб? Неплохо... А-ха-ха!

– Или – Пустобрех.

– Тоже неплохо! А-ха-ха!

Мэлс почувствовал, что содержимое его желудка неудержимо стремится наружу. Он попытался вскочить на ноги, чтобы выйти на улицу, но не успел: его вырвало прямо на стол.

– Ах ты свинья!

– Тьфу, мерзавец!

Собрав последние силы, еле перебирая ногами, Мэлс выкатился из дверей.

...С началом осени Мэлс обычно сразу же после пивнушки отправлялся домой. Но сегодня его потянуло в сторону гор. Ноги плохо держат, он часто спотыкается, но с дороги не сбивается. Небо покрыто хмурыми облаками. На воздухе ему полегчало, дышать стало легче, но в желудке все еще полыхает огонь. Он готов упасть на землю и умереть. И все же упорно карабкается на пригорок...

А вот и дерево. Холодный ветер с гор все усиливается, и Мэлсу трудно устоять на одном месте, он раскачивается от каждого порыва. Но не отрывает взгляда от дерева. И трудно понять: то ли он хочет что-то выискать в поредевшей кроне, то ли просто не знает, где он и что ему здесь надо...

Лула КУНИ

ВРЕМЯ ЖЕНЩИНЫ

Новеллы

Дитя Любви

Она ушла.

Долго не могли поверить, что она могла вот так просто взять и уйти.

Центральный роддом жил обычной жизнью. По коридорам шаркали тапочками отяжелевшие отечные женщины с огромными животами в одинаково коротких, испещренных черными отрисками казенных штампов (не дай бог украдут или затеряют!) рубашках, которые постоянно, даже если тебя водят туда-сюда на осмотр, надо было – на каждом этаже – переодевать.

Все на одно лицо, без следов косметики (а вдруг это опасно для плода?), и на одну же – без модного перманента (по той же причине), прическу абы как...

Она выделялась ухоженностью любимой и умеющей быть любимой женщины.

Короткие черные волосы, заправленные за изящные ушки, изогнутые «домиком» длинные бровки. Маленькая статуэтка среди беременных мастодонтов, как подумалось мне при первой встрече.

Девочка-подросток? Оказалось – нет. Двадцать с коротеньким, словно ее вздернутый носик, хвостиком...

– Ты на сохранение?

Она презрительно сморщила нос:

– Телиться...

Потом, удивленно оглядевшись вокруг:

– Бог мой! Какие же вы все здесь безобразные! Как только на вас мужа смотрят?!

Соседки стыдливо натянули подолы коротких рубашонок на распухшие бедра.

– А ты местная?

– Мы вернулись... Месяца три назад уезжали с мужем в Челябинск. Но мне там всё не по кайфу было. Вот рожу – уедем куда-нибудь.

Наступило оживление.

– А кого вы хотите?

– А какая разница? – погладила себя по аккуратненькому животу.

Опять смущение:

– Конечно, все от Бога...

Слухи ползли сквозняком по насквозь пропахшим больничным духом коридорам.

– Говорят, она выбирает приемных родителей получше.

– А что домашние? Ребенок-то от мужа!

– Ну... нагуляли они ребенка до брака. Потом – поженились, уехали куда-то. А теперь вот заявили.

– Они же могли родить его там, а потом – хай со всем этим – скотить как-нибудь сроки... Да придумали бы что-нибудь. Кто их там спрашивает. Ребенок ведь!

– Её что-то там не устроило. Они умнее поступили. Сказали, что у нее выкидыш на четвертом месяце. Вон домашние под окнами ходят – переживают за нее.

– Да чтоб она сдохла!

– Не сдохнет. У них с мужем все на мази. Она уже три раза покормила ребенка грудью.

– ???

– Ну, вычитала где-то, что на этом ее долг выполнен.

Она ушла на рассвете.

Роддом жил своей обычной жизнью.

Всхлипывали во сне, натужно дыша в горячие подушки, будущие мамы.

Неуклюжие.

Не очень умные.

С набухшими венами на отечных ногах.

Изредка покрикивали в родзале роженицы.

Тяжело, вперевалячку, утиной походкой ходили толпой смотреть на родившихся, с красными сморщенными личиками, страшненьких, но до умопомрачения любимых младенцев.

Девочка была беленькая, аккуратненькая, с розовыми щечками...

Ее целовали, обильно заливая ее тугие щечки слезами и молоком: каждая кормила её – сиротку – раньше своего, устроенного.

Девчонки-медсестры в кокетливых накрахмаленных шапочках считали своим долгом побаюкать ее разок-другой, сердобольно прижав к груди.

И каждая из этой сотни с лишним женщин прокляла ту – красивую, любимую, дерзкую... Прокляла истово, как может проклясть только мать. Сегодня, завтра, когда-нибудь... но мать.

Почему-то никто даже не вспомнил ее мужа – отца девочки.

По ту сторону Беды

Последний весенний месяц 95-го. Небольшое фотоателье на окраине Урус-Мартана. Люди молча толпятся в очереди.

Всем нужны фотографии на временные паспорта: просроченный –

повод военным усомниться в твоей благонадежности.

Задержат при первом же паспортном контроле.

Уведут.

Или сгинешь без вести, или сгноят в душегубке...

Томимся в духоте.

Не по-весеннему жаркое солнце не торопится к закату.

Не слышно досужих разговоров. В глазах – тоска и уже привычная опустошенность.

Все, что можно, выплакали. Все, что могли и смели, высказали...

Ни эмоций, ни мыслей – покорное ожидание необратимости обшей судьбы.

Неожиданно – легкое оживление в очереди.

Слышится чей-то сдавленный смешок, и тонкий девичий голосок с грудным придыханием выводит: «Ма! Подожди... Дай поправлю!»

И снова – бисеринками – смех.

Кому это так весело? Видно, не коснулось людей горе, если могут так заливаться смехом.

Рассчитавшись с фотографом, проталкиваюсь к выходу сквозь кучку зевак.

У самой двери стоит, неуклюже наклонившись, высокая пожилая женщина.

Маленькая девочка... нет, взрослая девушка – невысокая горбунья с удивительно чистым лицом – приглаживает ей волосы.

Старая мать смущенно оправдывается перед глазающими: «Вот... хочет дочка свою мать на старости красавицей сделать». Девушка весело прыскает в ладошку.

Поднимает глаза и с нескрываемой любовью смотрит на мать. Та, стесняясь посторонних, с нежностью наблюдает за суеящейся вокруг нее дочерью, покорно подставляя голову под ее хлопотливые ручки. Помогая, заскорюзлыми ладонями поправляет косынку на плечах. «Несчастливые...» – всхлипывающий вздох рядом. «Нет. Счастливые!» – обрывает кто-то полупшепотом.

Время Женщины

Маленькая девочка бежит по спящей долине.

С разбегу ныряет в цветочное марево. Желтое облачко пыльцы легко поднимается над нею, чтобы в мгновение ока быть унесенным ветром на край земли...

Крохотные её пятки дынными ломтиками мелькают среди цветочных головок.

Она лежит – косичками вверх – в смятой траве, бездумно болтая ножками и сосредоточенно рассматривая глянцевоы лепестки полевой ромашки.

Время Женщины...

Оно только начинает свой разбег.

Тугая пружина бытия еще молчит в ее спящем сердце.

Мир велик, и ей уютно в нем с её нехитрыми детскими секретами, маленькими радостями и – вздох – беспредельными горестями.

Мир велик и не ждет времени пробуждения её души, ибо секреты её так и останутся наивными детскими секретами для этого искушенного мира, радости её будут слишком малы, чтобы разбавить соль неожиданных, застывших мир, горестей.

А сердце...

Пусть оно спит, не ведая о бездонности Человеческих страстей, ни одна из которых не стоит его пробуждения от целомудренного сна.

Время Женщины...

Полет мотылька у ночной лампы.

Мерцание в эфире пушинки облетевшего на ветру одуванчика.

След птичьего крыла в зыбкой синеве рассветного неба.

Женщина...

Несущая в своем маленьком сердце негасимый огонь Любви ко всему сущему.

Рожденная для Любви – в Любви.

Мать рода человеческого.

Тихая искупительница его грехов.

Хранительница тайны сущего.

До – и после всего – Любовь, имя которой – Одиночество.

...Маленькая девочка бежит по тихой рассветной дороге.

Крохотные пятки её утопают в толстой дорожной пыли.

Она привычно взмахивает маленькой хворостинкой, подгоняя задумчивую степенную корову, – та изредка замирает, словно прислушиваясь к бьющемуся в своей утробе стук жизни.

Тень от редких камней косо ложится на серую поверхность дороги, и девочка, помня о своих недавних ухабах, сторонится их, то и дело смешно подпрыгивая на тоненьких загорелых ножках.

Занимается новый день.

Джамиля ХАГАРОВА

НАЧАЛО ТАМАРЫ КОКОВОЙ

Главы из книги

Тамара Кокова, одна из красивейших актрис Советского Союза, звезда отечественного кинематографа 50-60-х годов, перестала сниматься в 1975 году после страшной автокатастрофы. Чудом выжила, долго лечилась, перенесла множество сложнейших операций, но профессию потеряла: восстановить ее прекрасное лицо в перевозданном виде не смогли лучшие пластические хирурги страны. Студии приглашали ее только на маленькие роли или на озвучивание, а в Театре киноактёра Тамара Хакяшевна была занята всего в одном спектакле – «Каждый осенний вечер». Всю свою творческую энергию актриса направила на общественную работу – ездила по стране на встречи со зрителями и на кинофестивали, организовывала юбилейные концерты для коллег. Сейчас она на пенсии, живет в Москве со своей любящей дружной семьей: ее муж Марк Вознесенский – известный адвокат, дочь Мария – филолог, кандидат наук.

Тамара Кокова

Заслуженная артистка РСФСР Тамара Кокова родилась 15 марта 1934 года. В 1958 году окончила Государственный театральный институт им. А. В. Луначарского. С 1959-го – она актриса киностудии «Грузия-фильм», с 1961-го – Московского театра-студии киноактера. На Всесоюзном кинофестивале в Киеве в 1959-м за исполнение роли Фатимы в одноименной картине получила премию «За лучшее исполнение женской роли».

Тамара Кокова внесла огромный вклад в национальную культуру, в кинематографическое искусство союзных республик СССР. К слову сказать, она первая и по сей день единственная киноактриса-кабардинка, достигшая таких высот в отечественном кино. Свою первую роль она сыграла еще студенткой ГИТИСа – в 1955-м. Дебютировала в роли Марьям в картине «Шарф любимой», съемки которой проходили в Нальчике и Одессе. И с этого момента активно снималась. В ее фильмографии 20 наименований, в десяти из них – главные роли. «Грузия-фильм», «Азербайджанфильм», Московская киностудия им. Горького, «Арменфильм», «Узбекфильм», «Таджикфильм»...

Это неполный перечень киностудий, на которых ей довелось работать в разножанровых картинах – исторические фильмы

(«Двое из одного квартала», «Хамза», «26 бакинских комиссаров», «Нариман Нариманов»), соцреализм («Обвал», «Спроси свое сердце», «Зумрад», «Под пеплом огонь»), легендарные, сказочные героини («Тайна крепости», «Тайна пещеры Каниюта», «Птица Семург»), возрастные роли («Земля, море, огонь, небо», «Белый рояль», «Третья дочь»).

Но самой значимой в ее творческой судьбе стала роль Фатимы в одноимённом кинофильме Сико Долидзе по поэме Косты Хетагурова, вышедшем на экраны страны в 1958-м. Она же стала и ее дипломной работой – окончание съемок совпало с окончанием института. После премьеры она проснулась знаменитой, её Фатиму узнали и полюбили не только в России, фильм демонстрировался и имел успех и за рубежом. Критики считают эту картину лучшей экранизацией классического произведения северокавказской литературы.

Москва

В конце августа 1953-го, после успешной сдачи экзаменов в Государственный театральный институт им. А. В. Луначарского, которые проводились летом в Нальчике, Тамара собралась на учебу в Москву. Дядя Мухтар, двоюродный брат покойного отца, занимавшийся коопторговлей, подарил ей легкие босоножки из текстиля в цветочек. В них и в своем стареньком ситцевом платье она и поехала покорять столицу. Да еще в потертом чемодане лежали вещи, отданные ей в интернате, – пальто, теплые ботинки, простенькое белье, а также томик любимого Лермонтова. Так совпало, что в поезде оказалась в одном вагоне с юным Юрием Темиркановым, который через Москву направлялся в Ленинград поступать в школу при консерватории. Познакомились. Он был младше Тамары на четыре года, но это не мешало ему всю дорогу то подтрунивать над ее босоножками, то язвить по поводу намерения стать актрисой. А она в ответ запускала шпильки в его сторону, иронизировала над его планами стать великим музыкантом... Но все это безо всякой злобы. У них и в дальнейшем сохранился такой стиль общения, хотя, на самом деле, они относились друг к другу с большой теплотой. Потом они встречались в 1958-м в Петербурге, на концерте Рихтера в филармонии. Она тогда снималась в азербайджанском фильме «Тайна крепости», часть технически сложных эпизодов которого готовилась на студии «Ленфильм»... И снова он посмеивался: «Не знал, что кабардинские девушки интересуются классической музыкой...».

В их судьбах много общего, они какое-то время даже жили на одной улице в Нальчике – на Пятигорской. Тамара тоже потеряла в войну отца, училась в интернате, попала в большой город из провинции и стала знаменитой. Они редко встречались, и то – мимоходом, – оба много ездили по миру, были востребованы, безумно заняты творчеством. Иногда виделись в Нальчике, несколько раз – в Петербурге и в Москве. Тамара ласково называла его Темиркашей, а он с гордостью рассказывал о своей землячке и красавице-актрисе друзьям и знакомым. Она шутит, что отчет их творческих достижений начался в том вагоне по дороге из Нальчика – раззадорив друг друга, они уже из духа противоречия не могли не добиться осуществления своих мечтаний...

В 1971-м году вместе праздновали в Нальчике получение награды – практически в один день стали заслуженными артистами РСФСР. Через много лет в Москве друг Тамары и ее супруга Марка Вознесенского – крупный чиновник в «Совфракте» – позвонил им и попросил срочно ехать к нему, сказал, что приготовил приятный сюрприз. Они примчались. И встретили у него дома Темирканова, вместе с которым он летел из Лондона. Очень обрадовались друг другу, пообщались немного, и он с сожалением заторопился – нужно было успеть на другой рейс, возвращаться в Петербург...

И вот девушка, никогда не выезжавшая из родной республики, оказалась в большом городе. Началась непривычно насыщенная яркая московская жизнь. Вселили ее в комнату на 13 человек в бараке на Трифоновской, который его обитатели «любовно» называли «трифонезия». В этом общежитии жили студенты творческих вузов – будущие актеры, музыканты, художники. И тут у нее было привилегированное, уединённое, насколько это возможно в таких обстоятельствах, положение – ее кровать стояла за единственным в комнате шифоньером. Она любила поспать, утром вставала позже всех, но успевала на занятия вовремя, так как не тратила времени на завивку волос, выкрашивание каждой реснички тушью, как это делали ее соседки. Лежала и сквозь сладкую дремоту слушала, как хлопает дверь – вот одна ушла, вторая, третья... Все. Тут она вскакивала и чувствовала себя королевой в большом просторном помещении. Никакой толчеи, суеты, шума. Собирала волосы в тугий узел, потом – душ, платье, и – спокойно направлялась на учебу. Ее естественная красота позволяла ей это, ей не было необходимости долго прихорашиваться. Эта манера быстро собираться и не пользоваться косметикой осталась у нее на всю жизнь. Ее подруга, великая актриса Людмила Гурченко, посмеивалась над этим: «Всю ночь не сплю, пришиваю рюши, кружева. С утра макияж, прическа.

А Тамара надела платье-два шва, килограмм серебра на шею и – Королева!»

...Тамара усердно постигала азы актерской профессии. Ей был безумно интересен сам процесс учебы, она не выбирала любимые или, – не очень, предметы – жадно поглощала всё: актерское мастерство, декламацию, историю театра, историю искусств, танцы, вокал, фехтование... Курсом руководили талантливые педагоги – И. Я. Судаков и И. М. Раевский. Почти во всем учебном репертуаре Тамара занята в главных ролях. Её лицо использовали в

качестве модели для обучения студентов технике гримирования, на ней пробовали все типы грима – правильные классические черты позволяла осуществлять с ними любые метаморфозы. Сказочно красивая, при этом очень скромная, она сразу же завоевала симпатии однокурсников и преподавателей. Кроме того, в вузе учились и ребята из родной республики, вместе с ней прошедшие кастинг в Нальчике. Так что одинокой она себя не чувствовала.

Помимо учебы в жизни Тамары было все то, что предлагала культурная афиша столицы – театры, концерты, выставки. Ей хотелось расти духовно, напитаться впечатлениями от произведений искусства самого высокого уровня – такой возможности в провинциальном городке у нее не было. И самая ее большая страсть, конечно, – театры. Тамара составила список московских театров и по очереди «осваивала» репертуар каждого. Большой театр начала с «Кармен». Посмотрела все спектакли театра Маяковского, цыганского театра «Ромэн». Чтобы успеть на очередную премьеру и освободиться от занятий по актерскому мастерству, которые обычно проводились по вечерам, пораньше, приходила первой, заранее готовила реквизиты, показывала свою сценическую заготовку и убегала. Как истинная театралка носила с собой большую сумку со сменной обувью – повседневные туфли меняла на выходные. Другьям, землякам, которые приходили к ней в общежитие, зачастую приходилось подолгу ее ждать, поскольку раньше полуночи возвращалась она редко.

«Шарф любимой»

Посетителей было немало, особенно после выхода на экраны ее первого кинофильма – «Шарф любимой» режиссера Евгения Иванова-Баркова. Ее, второкурсницу-студентку, пригласили на одну из главных ролей. И она согласилась, вопреки строжайшему запрету в театральном вузе на съемки в кино. Почему? Может быть, потому, что предстояло играть роль соотечественницы – кабардинки, или

потому, что захотелось попробовать себя в чем-то новом, а может, она интуитивно предвидела начало нового поворота в своей жизни... Наверное, все вместе. Хотя свою первую роль Тамара не считает большим достижением: «Это было мое первое знакомство с кинематографом изнутри, я впервые узнала, что такое съемки. Выучила текст и делала то, что говорил режиссер. И сама удивлялась себе, что не испытывала никакого волнения перед камерой». Она еще не чувствовала себя актрисой, и как послушная статистка выполняла указания режиссера, где повернуться, где улыбнуться или нахмуриться. Но этот первый опыт выявил основополагающие для киноактрисы тонкости – оказалось, что камеры она не боится, а камера, в свою очередь, ее любит.

Те, кто работает в кино, знают этот загадочный феномен, когда даже гениальные театральные актеры могут «не смотреться» на экране. С Тамарой Коковой этого не произошло, она оказалась «киногеничной». Оператор Анатолий Карпухин, почувствовав это, старался чаще брать ее крупные планы, и ее прекрасное живое лицо с чистой нежной кожей, сияющими глазами – стало одним из главных украшений фильма. Съемки проходили в Нальчике и Одессе. Музыка к картине написал выдающийся композитор Ваню Мурадели, кажется, также попавший под обаяние начинающей актрисы. «Моей дорогой Тамарочке Коковой, грациозной девушке Кабардинских гор. Нежной и талантливой актрисе, которая, я уверен, станет гордостью кабардинского народа», – так подписал композитор тетрадь с нотами «Песни Марьям», одной из самых проникновенных и лиричных. Композитор и его жена относились к Тамаре, как к дочери. «Шарф любимой» вышел в прокат в 1955 году, долгое время был популярен. Его помнят и любят, и по сей день звучат прекрасные мелодии Мурадели из этой картины. Но Тамара любовью к кино после своего дебюта не воспылала, ее по-прежнему всецело занимал театр.

А молодые люди влюблялись в яркую красавицу-брюнетку, предлагали ей руку и сердце. Ответ их ждал один: «Мне не до замужества. Какая я тебе жена, я – актриса». На третьем курсе Тамара подружилась с девушкой с факультета театроведения. Театроведам, которые почему-то были в ГИТИСе на особом положении, условия проживания предоставлялись более комфортные – комнаты на четырех человек. Эта подруга забрала Тамару к себе – так что она теперь жила почти по-царски. И иногда, увидев ее огорченно-возмущенное лицо, та шутила: «По-моему, тебе сегодня снова сделали предложение»... Как-то приезжал из Ленинграда военноморской врач, который ухаживал за ней еще в Нальчике. Его брат жил по соседству с Тамарой. Красивый, в морском кителе, с кортиком на поясе. Тамара ему сразу все объяснила: он всю жизнь будет на корабле служить, а она – выступать на сцене, ездить с гастролями по стране. Что это будет за семья? Так что и затевать не стоит. Он

понял. Вместе посмеялись и пошли в кафе...

Первый фильм в ГИТИСе ей простили – съемки шли полгода, но, вернувшись, она благополучно сдала все экзамены. Благодаря своей непосредственности и умению преобразовать свой страх в силу, Тамара с необыкновенной легкостью справилась, возможно, с самым трудным для студентов, и не только творческих вузов, предметом, коим являлся марксизм-ленинизм. Преподавал его молодой и обаятельный профессор Шохин, которого все любили, несмотря на то, что он никому не ставил хороших отметок. Тамара, только вернувшаяся из Одессы со съемок, естественно, к такому серьезному предмету толком подготовиться не успела. Но «хвост» во что бы то ни стало надо было закрывать, иначе могло случиться страшное – отчисление.

Когда она пришла в деканат с букетом цветов и села напротив преподавателя, которого впервые увидела, поскольку начало его лекций совпало с началом съемок, боялась до дрожи. Но, так как в роль актрисы она уже вошла, свой страх умело маскировала под уверенность. Тамара положила цветы перед собой на стол. Шохин же как человек любознательный, широких взглядов (а кино в стране только развивалось), неожиданно начал не с марксизма, а с вопроса о том, как проходили съемки. Тамара охотно рассказала, живо, в красках. Он одобрительно кивал, а потом вдруг спрашивает: «А эти цветы – это мне?». Она, не задумываясь, машинально выдает: «Нет, что вы, эти мимозы подарили мне, у меня сегодня день рождения». Он улыбнулся прямоте и естественности ее ответа. Ведь, вручив букет преподавателю, явно заработала бы плюсы. Наверное, отдав должное ее честности, а, может, из желания сделать девушке приятное в день рождения, преподаватель поставил ей «отлично»... Когда она вышла к своим «болельщикам» в коридоре и выдохнула радостно: «Пять!» – ее зачетка пошла по кругу. Сокурсники не верили, что такое возможно... Это, правда, был ее день рождения. Мимозы продавали старушки у входа в метро «Арбат» рядом с вузом, и все, кто имел возможность, покупали и дарили ей веточки. Вот у нее с утра и набрался целый букет...

ПЕСНИ О ЛЮБВИ

Сегодня в гостях у «Литературной Кабардино-Балкарии» солистка Государственной филармонии КБР. Красивый голос, абсолютный слух и органичная манера исполнения снискали Залине Тхазепловой любовь и признание публики.

Залина Тхазеплова

Петь, как это нередко бывает, она начала еще в детстве. Совсем маленькой, подражая известным исполнителям, и, надо сказать, получалось у нее это неплохо. Со временем девочка стала участницей всевозможных музыкальных конкурсов, которые проводила в Нарткале режиссер Галина Сапрыкина. Ее первые шаги в искусстве оказались успешными – Тхазеплова занимала призовые места, держалась на сцене легко и непринужденно. О маленькой артистке писали газеты, и рецензии на ее выступления были самые доброжелательные. Параллельно Залина увлеклась танцами и несколько лет была солисткой детского хореографического коллектива. В дальнейшем певице это пригодилось.

Каких-то определенных планов на будущее у девочки не было. Ей нравилось петь, но о профессиональном вокале она не задумывалась. В один прекрасный день все поменялось. Говорить о каких-то случайностях, наверно, все-таки не стоит. Каждый получает то, что заслуживает и к чему подспудно стремится. Залина училась в седьмом классе, когда в Старый Черек приехал ансамбль «Даханаго» под руководством известного музыканта Аслана Даурова. Побывав на концерте, девушка твердо решила, что станет артисткой.

– В этом коллективе выступала Фатима Дзуганова, которая училась в нашей школе. Я зашла к ней домой и попросила познакомить меня с руководителем. Фатима договорилась о встрече, и, после прослушивания, Аслан согласился со мной работать, – вспоминает певица.

Дауров сыграл в ее судьбе особую – знаковую роль. Когда он серьезно заболел, Залина навещала его в клинике, и все же известие о смерти учителя стало для нее неожиданностью. К таким вещам нельзя подготовиться заранее и смириться с потерей бывает крайне тяжело.

– Нам всем его очень не хватает, – вздыхает Залина. – Это был удивительный человек и талантливый композитор. Свои песни он дарил исполнителям бесплатно. Работал со многими артистами персонально. Умел поддержать и вселить надежду в собственные силы.

Она очень рассчитывала на помощь и поддержку своего руководителя, однако после его смерти руки не опустила. Сдав экстерном экзамены за 11-й класс, девушка поступила в СКГИИ. Здесь ей снова повезло. В институте учителем Залины Тхазепловой стал Исмаил Жанатаев –

один из самых ярких и одаренных артистов Кабардино-Балкарии.

– Он был для нас не только педагогом, но и другом, отцом... – объясняет певица. – Ему можно было рассказать о своих проблемах, попросить совета или просто пообщаться, причем на самые разные темы. Это был очень талантливый и добрый человек.

Студенткой она стала преподавать вокал в Старочерекской музыкальной школе. На пятом курсе пришла в Государственную филармонию, в которой работает около десяти лет. Четыре года назад Залина Тхазеплова решила всерьез заняться сольной карьерой. На сегодняшний день она записала семнадцать песен и снялась в десяти музыкальных клипах. Сейчас готовит к выпуску собственный альбом. Артистка работает с такими известными композиторами, как Аслан Лиев и Зоя Афашагова. Тексты для ее песен пишут Мадина Кертиева, Нина Богатырева и Ауэс Бетуганов. В ее репертуаре также есть две прекрасные песни Анны Хапцевой. Певица особо благодарит Ауэса, который помогает в создании песен, исполняемых ею. Он также следит за ее творчеством и часто приглашает выступать на его концертах, тем самым популяризируя ее творчество. В будущем наша гостья планирует сотрудничать с Анзором Хаупой, музыка которого ей очень нравится. Пользуясь случаем, она хотела бы выразить благодарность художественному руководителю Госфилармонии Мухамеду Каширгову.

Залина Тхазеплова поет на кабардинском языке. Тематика – самая разная, это песни о родителях, о Кавказе, о любви... Люди старшего поколения нередко относятся к современной эстраде скептически. Они считают, что большинство любовных песен противоречат национальным традициям и элементарному чувству меры. С этим трудно спорить,

но, с другой стороны, пошлость – не норма. О любви можно петь романтично, целомудренно и красиво, как это делает наша гостья. Поклонники Залины Тхазепловой – в основном, люди пожилые. И это лишний раз доказывает, что ее творчество находится в русле традиции и адыгской культуры.

Старинная народная песня «Дорога в Стамбул» в исполнении Тхазепловой стала настоящим хитом. Она рассказывает о трагедии черкесов в 19-м веке. В некотором смысле эта композиция универсальна, поскольку нравится людям разных поколений.

«Песню про отца» передают практически ежедневно. Зоя Афашагова и Нина Богатырева посвятили ее папе Залины. Султан Тхазеплов к творчеству дочери относится с большим интересом.

Он живо интересуется успехами певицы и по возможности старается бывать на ее концертах.

– Когда я решила поступать в институт, маме эта идея не очень понравилась, – признается Залина. – Она считала пение делом несерьезным. Говорила, что девушка в первую очередь должна выйти замуж и посвятить себя семье. Папа, напротив, хотел, чтобы я выбрала работу по своему вкусу. Я очень благодарна родителям и стараюсь воспитывать своего ребенка так же, как воспитывали меня. У детей должны оставаться красивые воспоминания. В дальнейшей жизни это очень важно.

Ее сыну восемь лет. У Алана неплохие голос и слух. Дома он иногда поет, но выступать публично пока стесняется. В школе учится хорошо. Особенно любит математику. Видимо, сказываются дедушкины гены. Муж Залины – Мурат – родился и вырос в семье учителей. Его мама работала педагогом начальных классов. Отец – Ануар Алхасович Тиев – был в селе человеком уважаемым. Преподавал алгебру и геометрию в местной школе, и даже учил отца своей будущей невестки. Сын не последовал родительскому примеру и выбрал собственную дорогу. Окончив сельхозакадемию, он занялся частным предпринимательством. С Залиной они познакомились случайно. Мурат ошибся номером и позвонил своей будущей жене. Молодые люди разговорились, стали встречаться, и закончилось все это свадьбой.

Супруг поддерживает ее не только морально, но и материально. Финансирует съемки и запись песен. Именно он настоял, чтобы Залина начала работу над сольным альбомом. Коллеги певицы его любят и ува-

жают. Недавно Ольга Сокурова и Аюес Бетуганов посвятили ему песню, которая так и называется – «Мурат».

О выбранной профессии наша гостья никогда не жалела. Скорее наоборот – с каждым годом Залина убеждается, что приняла правильное решение.

– Я благодарю судьбу, которая связала мою жизнь со сценой, – говорит она. – Не выступая какое то время, начинаю болеть. Артистическая среда – это именно то, что мне нужно.

Концерты, съемки и запись в студии не мешают ей заниматься семьей и бытом. Работы по дому хватает, но певица делает ее с удовольствием. Она прекрасно готовит мясные блюда и печет удивительно вкусные пироги и булочки.

В свободное время Залина слушает разную музыку. Все зависит от настроения. Это может быть классика, российская эстрада или традиционные адыгские песни. На первом месте для нее не жанр или направление, а качество, красота и мелодичность.

Сейчас в моду входит эклектика. Аранжировщики пытаются совместить вещи, на первый взгляд, несовместимые. Старинные национальные мелодии исполняют с элементами джаза, рока, кантри. Залине такие эксперименты не близки.

– Видимо, это не мое, – говорит она. – Мне кажется, смешивать разные стили и направления музыки не стоит.

По натуре она человек коммуникабельный. Круг общения певицы достаточно широк – начиная с известных эстрадных исполнителей и заканчивая людьми далекими от профессионального вокала. Свободное время она предпочитает проводить с родственниками. Ездит в горы, с удовольствием гуляет по нальчикскому парку или просто смотрит телевизор. Канал «МузТВ» в ее доме практически не выключается. Кроме того, Залина смотрит «Культуру», всевозможные познавательные программы, местные телеканалы. К отечественному телевидению она относится неоднозначно. Считает, что наряду с пошлостью и бессмысленностью есть немало интересных и увлекательных передач.

В завершение нашей беседы мы задали певице вопрос: «С кем бы вам хотелось спеть дуэтом?» Немного подумав, она назвала несколько фамилий исполнителей, включая Ольгу Сокурову. Это вполне осуществимо – певиц связывают не только общие взгляды на искусство, но и теплые человеческие отношения.

Опираясь на анализ материалов трех книг адыгских авторов: Эмили Шейджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» (Москва, Майкоп, 2010), труд Фатимы Озовой «Очерки политической истории Черкесии» (Пятигорск, Черкесск, 2013) и сборник публицистических публикаций «В поисках утраченного смысла» Мадины Хакуашевой (Нальчик, 2013), С. А. Арутюнов излагает свою современную версию истории адыгов, которая впечатляет непредвзятостью и независимостью авторских оценок...

Based on the analysis of materials of three books adygskih authors: Emily Sheudzhen «Circassians (Circassians) in the space of historical memory» (Moscow, Kursk, 2010), the work of Fatima eskers «Essays on the political history of Circassia» (Pyatigorsk, Cherkessk, 2013) and a collection of journalistic publications «In search of lost sense «Madina Hakua sheva (Nalchik, 2013), S. A. Arutyunov presents his modern version of the history of the Circassians, which impresses an impartial and independent assessments of copyright ...

Сергей АРУТЮНОВ,
 зав. отделом Кавказа Института этнологии
 и антропологии РАН, доктор исторических наук,
 член-корреспондент РАН, профессор МГУ

ТРИ ЖЕНСКИХ ВЗГЛЯДА НА АДЫГОВ И ИСТОРИЮ

(обзор)

Сегодня на Кавказе, как и везде в мире, а может быть, как нигде более в мире, ярко виден всплеск интереса к своей истории и к своему месту в истории вообще, отражающийся в массе нарративов, публикаций, мифов и просто сюжетов для повседневных разговоров, споров, поисков и сомнений. Он затронул все народы, даже самые малые, которые в силу своей малочисленности и отсутствия до недавнего времени и даже до нынешнего дня своей письменности, еще не так давно и не задумывались вообще о наличии у них какой-либо истории. Этому немало способствовала иногда никак не озвучиваемая, а иногда и широковещательно высказывавшаяся концепция о том, что у народов Кавказа до включения в политическую орбиту России, а то и до установления советской власти, истории как таковой вообще не было, и что лишь с установлением социалистического строя началась их истинная история, равно как и культура во всех ее высоких проявлениях. Труды серьезных историков, освещавшие на документальном материале глубокую историческую древность и многообразие культурных связей этих народов на протяжении тысячелетий, не поощрялись, подвергались преследованиям, шельмованию, а иногда и прямым запретам. Примером может служить замечательный труд В. Кузнецова «История

алан» и ряд аналогичных научных работ. Пожалуй, больше всего не везло и вызывало наибольшее сопротивление чиновных блюстителей «правильности» литературы тем направлениям в отечественной исторической науке, которые стремились дать объективный всесторонний анализ истории адыгского народа и отдельных его племен и подразделений, и это не случайно.

Адыги – один из самых многочисленных, а в отдельные исторические периоды, пожалуй, самый многочисленный народ Кавказа. Кроме того, наряду с классическим народом диаспоры – евреями, это – народ с наибольшей долей проживающих на чужбине и в рассеянии (по некоторым оценкам до $\frac{9}{10}$ общей численности), народ, вынесший основную тяжесть борьбы с колониальной политикой русского царизма, а с другой стороны, это народ, добившийся среди других кавказских народов наибольших и самых явственных успехов в восстановлении и создании заново своей культуры, письменности, устного и литературного языка и многогранной исторической традиции.

Недавно кавказская и общемировая общественность отметила памятную дату – 150-летие окончания Кавказской войны. В ней участвовали далеко не только адыги, но именно адыги понесли в ней наибольшие потери и жертвы, именно на их долю выпала печальная участь и честь сыграть основную роль в ее последнем акте, который означал одновременно начало многолетней цепи махаджирства, то есть вынужденного ухода потерпевших поражение в изгнание. Опять-таки махаджирство было уделом массовых контингентов разной этнической принадлежности, но первыми, наиболее многочисленными и понесшими самые тяжкие потери были именно адыги. Дополнительную и явно непредвиденную остроту вопросам этой грани адыгской истории придало и то обстоятельство, что по случайному хронологическому совпадению годовщины и места сражения в урочище Кбаада со значительным событием мирового значения – Сочинской зимней олимпиадой, 150-я годовщина этих событий получила широкое мировое освещение. Надо сказать, что и подавляющее большинство черкесских (адыгских) публичных персонажей и руководства России во главе с президентом РФ В. В. Путиным нашли в себе достаточно силы и воли, чтобы с достоинством избежать переходов дискуссии вокруг этого совпадения в какие-либо формы конфронтации, не говоря уже об эксцессах, хотя кто-то, возможно, и строил на них свои расчеты.

Среди множества как научно обоснованных, так и часто спекулятивных публикаций, появившихся в печати по разным аспектам этой темы, следует особо отметить три книги трех талантливых авторов, удачно дополняющие друг друга. Все три написаны женщинами-учеными, черкешенками молодого поколения. Это книга Эмилии Шеуджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» (Москва, Майкоп, 2010), труд Фатимы Озовой «Очерки политической истории Черкесии» (Пятигорск, Черкесск, 2013) и сборник публицистических публикаций «В поисках утраченного смысла» Мадины Хакуашевой (Нальчик, 2013).

Все эти книги так или иначе посвящены не просто проблемам истории адыгов, а именно исторической памяти народа. Книга Эмили Шейджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» соответственно так и озаглавлена. Она писалась несколько раньше, чем две другие, и является частью общего проекта Минобрнауки «Историческая память народов Северного Кавказа». Автор подчеркивает, что историческую память можно трактовать и как индивидуальную память о прошлом, и как коллективную память, но сама она ее рассматривает, прежде всего, как память социальную, отражающую пределы воображения и представления об общественных нравах, ценностях и идеалах как давно прошедших эпох, так и непосредственно предвещающих современность.

У адыгов, до некоторого времени бесписьменного народа, историческая память интегрировала индивидуальную, коллективную и собственно историческую. Наряду с историческими источниками, записанными на иных языках и в основном относящихся к исторической памяти народов-контрагентов (русских, грузин, арабов, тюркских народов Кавказа и сопредельных областей), она в огромной мере базировалась на коллективной и даже индивидуальной памяти, сохраняемой в песенных, эпических и иных фольклорных произведениях, в семейных и генеалогических преданиях, в постоянно живущих в памяти народа представлениях о прошлом, о его событиях и отраженных в них ценностях.

Современные технологии коммуникаций (печатная культура, средства массовой информации), как отмечает сам автор во введении к своей книге (стр. 11), не восполняют негативных тенденций развития исторической памяти, к которым «с полным основанием можно отнести: ослабление внимания общества к проблемам сохранения и развития исторической памяти, отсутствие адекватных научных оценок исторического прошлого, искусственное «конструирование исторической памяти в зависимости от сиюминутных этнополитических интересов отдельных групп населения».

Последующие десять глав труда Э. Шейджен собственно и посвящены противодействию этим негативным тенденциям. Первая глава «У истоков исторической памяти» рассматривает богатейшее фольклорное наследие адыгов и, прежде всего, Нартский эпос не столько как исторический источник, в каком качестве это сравнительно мало что может дать, сколько как эталон устной памяти и оценок, содержащихся в основных блоках ее передачи.

Вторая глава «Античные свидетельства. Первый опыт письменной фиксации» посвящена отображению сложных процессов формирования этнической карты Северо-Западного Кавказа в античное время и опосредованному вхождению кавказских народов, находившихся на периферии Древнего мира, в историческое сознание соседних народов.

Третья глава «Расширение пространства и времени исторической памяти» захватывает уже эпоху Великого переселения народов и со-

бытия раннего Средневековья, когда адыги под разными именами – касогов, черкесов, зихов и др., выступают уже активными деятелями исторического процесса на Ближнем Востоке.

Особое внимание автор уделяет периоду XIII–XV вв., когда параллельно событиям Крестовых походов в Леванте, Причерноморье появляются итальянские (генуэзские) торговые фактории. Крайняя северная оконечность Черного моря и низовья Дона становятся «краем Европы» и процессы взаимного влияния исключительно пестрого населения этого региона находят свои отголоски во всем Средиземноморье и Южной Европе. С современной точки зрения, один из важных аспектов средиземноморской торговли того времени, а именно работорговля, получившая большой размах в это время, оценивается как негативный фактор, но нельзя забывать, что эпидемия «черной смерти» в середине XIV в. повлекла за собой демографическую катастрофу в Европе, которая не могла оставаться невосполненной, в том числе и путем импорта «живого товара». До 80% невольников в городах Италии конца XIV в. составляли лица кавказского происхождения.

Культурное влияние выходцев с Кавказа, попадавших в города Средиземноморья, еще предстоит изучить, но что касается итальянского (более всего генуэзского) влияния на культурное достояние народов Крыма и Северо-Западного Кавказа, то оно совершенно явно появляется в лексике, в пище (например, паста), в одежде, в церемониальной обуви, в ряде этикетных обычаев высших слоев горского общества вплоть до начала XX в. Как анекдотический факт можно отметить, что даже в наши дни политические оппоненты президента Абхазии Анкваба связывали приписываемые ему отрицательные черты характера, такие, как коварство, вероломство, корыстолюбие и т.д. с генетической или фамильной традицией, унаследованной от его далеких генуэзских предков.

Коренным образом изменилась конфигурация связи Кавказа с Европой в конце XV века, чему способствовал ряд факторов. Важнейшими среди них были падение Константинополя и начавшийся расцвет Османской империи и сложным образом связанное с этими событиями начало эпохи Великих географических открытий. Трудно сказать, почему Э. Шеуджен лишь очень кратко упоминает важнейшие для исторической памяти черкесов события XVI века, в частности кабардино-русское сближение, скрепленное династическим браком Ивана IV с Марией Темрюковной, сменившееся в более позднее время взаимным отчуждением и даже враждебным отношением.

Четвертая глава называется «Кавказская война: трудные пути памяти» и посвящена, как показывает название, всецело Кавказской войне (1763–1864 гг.).

Кавказская война занимает огромное и чрезвычайно трагическое место в исторической памяти адыгов. Понятно, что ей посвящено немало публикаций как вполне научного, так и публицистического характера. Однако текст Э. Шеуджен существенно отличается на общем фоне подчеркнутым стремлением к объективности. Имеет смысл в

этой связи привести довольно большую цитату из рассматриваемой книги: «В практику входит размещение в Интернете специально подобранных документов, дающих фрагментарное, более того, искаженное представление о событиях на Северном Кавказе» (стр. 126).

«Для усиления аргументации авторы подобных заявлений стремятся собрать как можно больше свидетельств жестокости, «зверств», проделанных как той, так и другой стороной, используя именно их в дискуссиях на форумах в Интернете. При таком подходе не учитывается, что проблема не в том, чтобы восстановить в исторической памяти как можно больше трагических фактов, а скорее в том, чтобы проанализировать все сохранившиеся свидетельства»...

Пятая глава «Трансформация исторической памяти», так же, как и четвертая, – самая большая в книге – обе по 37 страниц. Это и понятно, так как она отразила перелом в историческом сознании адыгов и, прежде всего, той их части, которые не ушли в махаджирство, а оказалась в составе Российской империи. Именно в этот период появляются многочисленные письменные сведения и воспоминания о военных и послевоенных событиях, очень тяжело переживавшихся народом, а в общую совокупность адыгской культуры входит такой компонент, как книжность, а к началу XX в. еще и пресса.

Но наибольшее внимание уделено с полным на то основанием творчеству Хан-Гирея и Шоры Ногмова.

Последующие пять глав сравнительно невелики. Шестая глава посвящена «революционизации» исторического сознания и изменениям в исторической среде в связи с общими революционными изменениями всего образа жизни. На это время падает и коллективизация села и «социалистические преобразования» общественного быта. Надо сказать, что хотя автор достаточно критично оценивает эти преобразования – «духовная жизнь общества теряла единое начало», «делались попытки переноса даже теоретически недостаточно осмысленных моделей модернизационного общественного развития в условия региона, не готового осваивать эти нововведения» (стр. 194), тем не менее, она не рисует эти преобразования исключительно черной краской, а достаточно объективно, хотя очень кратко и конспективно обрисовывает их несомненное прогрессивное значение.

Глава седьмая посвящена языковому строительству и осознанию значимости письменности и культурного развития. При всей краткости в главе достаточно внимание уделено и негативному влиянию весьма сумбурных идей Н. Я. Марра в вопросах преобразования языковой и письменной культуры и высокой ценности идей и работ Н. Ф. Яковлева, зачастую подвергавшегося разнузданному и совершенно необоснованному шельмованию.

Достоинством книги можно считать наличие довольно подробной восьмой главы, посвященной развитию краеведения. Э. Шеуджен пишет: «...в современной науке сложилась недооценка начального этапа становления исторической науки на Северном Кавказе» (стр. 226); «Думаю, что этот этап явно недооценивается. Именно в эти годы

усилиями краеведческих организаций и отдельных энтузиастов была проделана значимая научно-исследовательская работа по адыгской истории и этнографии, налажено сотрудничество с научными центрами и известными учеными, собран и систематизирован значительный фольклорно-этнографический материал, изданы работы по истории и этнографии» (стр. 226).

Заключительные девятая и десятая главы книги посвящены встречному движению комплекса народных представлений о своем прошлом и научной историографии, а также проблеме «конструирования» и исторической памяти. Автор с сожалением отмечает, что большинство людей сильно недооценивает важность сохранения памяти о своем генеалогическом древе, не считает нужным придавать серьезное значение сохранению дневников, рукописей, фотографий предков. Дети и внуки склонны продавать их ордена и медали, награжденные знаки, так как за них дают хорошие деньги. И мало кто проявляет заботу о сохранении своей родословной, создает и хранит семейные архивы, которые являются бесценными источниками информации о прошлом народа (стр. 268).

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что у большинства народов Российской Федерации и, прежде всего, у самих русских в этом отношении дело обстоит еще хуже, чем у адыгов и других народов Северного Кавказа.

Книга Фатимы Озовой «Очерки политической истории Черкесии» (Пятигорск-Черкесск, РИА-КМВ, 2013) построена совсем иначе и повествует частично о тех же событиях, в том числе о таких, которые в народной памяти не нашли глубокого отражения, но представляются автору ключевыми для политической истории всего адыгского региона.

Первый очерк «К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии» (стр. 19-60), посвящен проблеме возникновения черкесского великокняжеского дома. В нем говорится о времени и обстоятельствах сложения верховной династии Черкесии, связанной, прежде всего, с внешними угрозами адыгскому этнополитическому массиву в течение всего средневековья. По мнению автора, в 1204–1205 годах такое верховенство стало принадлежать Шегакскому княжескому дому, положившему начало династии Инала Светлого (Инал Неху), а роль столицы закрепила за древним культурным, торговым, политическим и даже культовым центром – Таманью, известному также под именами Тьмутаракань, Матарха, Тамтарха, Матрега и т.д. Разнообразие этих названий объясняется разнородностью источников, их использующих, и исключительной языковой и этнической мозаичностью населения древней Тамтархи-Тамани. Это время и в последующие века было временем чередования противоречивых тенденций то к консолидации, то к новому дроблению в целом единого северо-западного кавказского ареала, в котором в любое время адыгский компонент все же играл доминирующую роль. Именно на этом отрезке средневековья сходные по своей противоречивости процессы наблюдаются повсеместно, с ана-

логией, порой доходящей до тождества, на разных участках Евразии, и картина стремящихся к единовластию и никогда не достигающих его сильнейших лидеров повторяет и картину вечной междоусобной борьбы Рюриковичей на Руси, непрекращающейся грызни Чингизидов в Золотой Орде и средневековой Средней Азии и, если угодно, протянувшейся с XI до конца XVI века княжеской междоусобицы в Японии.

XIII–XV века были временем активных выступлений на черноморской торговой сцене итальянских, прежде всего генуэзских колоний и факторий. Трудно переоценить значение культурных и деловых связей с Италией для формирования последующей адыгской культуры, где ушедшие в Италию в далекое прошлое нормы, обычаи, стили и нюансы моды сохранились вплоть до конца XIX в. Этот век для Италии стал временем воссоединения и создания единой государственной и национальной жизни, а для черкесов, напротив, временем уничтожения так и не обретшей чеканных форм государственности и изгнания большей части народа из отчизны. Этим вопросам посвящен очерк «Черкессо-итальянские исторические пересечения и параллели» (стр. 61-116).

Последующие два очерка посвящены событиям середины XVI в. Это очерки «К вопросу о союзах Ивана Грозного с князьями Черкесии», которые последовательно заключались с черкесскими князьями из правящего дома Инала в 1552, 1555 и 1557 годах, об их трансформации к 1562 году и о причинах их последующего разрыва. Все это время и даже после разрыва в Москве находились сыновья нескольких владельческих князей Бесленя, Жане и Кабарды под именем Петра, Александра и Михаила Черкасских. Это было дипломатическое заложничество, известное в русско-кавказских отношениях как аманатство, но именовались они не аманатами, а воспитанниками и статус их был максимально высоким, «у самого царского приближения по их достоинству» (стр. 154).

Ф. Озова подробно разбирает дальнейшую судьбу этих княжичей-аманатов – как оставшегося в России Петра, потомство которого пресеклось уже на рубеже XVII–XVIII веков, так и других, совершивших много подвигов в составе польской армии в сражениях против войск Османской империи. Об этих событиях повествует очерк «Черкесские князья при дворе Ивана IV в 1553–1554 годах» (стр. 151-165). Ф. Озова показывает, что высокий статус черкесских воспитанников был отражением бытовавших тогда представлений о равновеликом статусе Рюриковичей и Иналидов.

Очерк «Причины и последствия сражения на реке Малка 12 июля 1641 г.» (стр. 166-205) посвящен событию, предопределившему почти на целое столетие вектор развития кабардино-русских отношений. В этом сражении стрелецкий отряд головы Артемия Шишмарева и союзные дружины ряда промосковских князей и ногайских мурз потерпели поражение от князей Кайтукиных и мурз Малого Нога. «После Малкинского сражения, несмотря на то, что княжеские кланы Кабарды находились между собой в состоянии конфронтации по причине меж-

доусобных счетов, фактически все начинают придерживаться одной позиции во внешней политике – политики нейтралитета в отношении третьих сил и поддержания по возможности дипломатических отношений со всеми соседними странами» (стр. 197). С одной стороны, в результате Малкинского сражения влияние России на Северном Кавказе существенно ослабло, с другой стороны, последующие 30 с лишним лет до 1673 г. прошли в Кабарде без междоусобных войн.

Последующие четыре очерка посвящены некоторым аспектам Кавказской войны. Особенно большое значение имеют данные, приводимые Ф. Озовой в очерке «О новациях войны в законодательстве России» (1820-1864 гг.).

Последние три главы книги Ф. Озовой посвящены завершению Кавказской войны, ее до сих пор непрекращающимся тяжелым последствиям и самому главному из них – махаджирству, то есть исходу потерпевших поражение кавказских горцев из Российской империи в Османскую империю. Как и все другие явления, порожденные столкновением европейской цивилизации, пусть и в своеобразной ее российской форме, с протоцивилизацией кавказских горцев, построенной на совсем иных стадияльных и культурных началах, все эти явления и события отличались бросающейся в глаза двойственностью. Кто был русский офицер? Высококультурный, образованный, гуманистически воспитанный человек, несший достижения просвещения в дикие ущелья Кавказа, или же жестокий, гонящийся за деньгами и почестями тупой крепостник, стремившийся поработить благородных насельников этих ущелий? И кто эти самые насельники? Благородные свободолюбивые носители естественного права и бесстрашные рыцари или кровожадные дикари, грабители и головорезы? В источниках этой эпохи нет недостатка в свидетельствах в пользу как одной, так и другой точки зрения. И обе эти диаметрально противоположные концепции живы сегодня и прилагаются к оценкам современных контртеррористических операций, к деятельности любых сепаратистов и террористов, фанатиков ислама и не менее фанатичных его гонителей. Нет нужды говорить, что любая из этих крайних точек зрения, как впрочем, и любая доведенная до абсурда крайность, отражает лишь малую часть объективной и сложной реальности, но именно их мы видим на повсеместно развивающихся знаменах, на экранах тенденциозно политизированного телевидения и в опусах продажных журналистов. Поэтому показ двойственности, сопровождавшей Кавказскую войну полутора столетней давности, полностью сохраняет свою актуальность и сегодня и далеко не только на Кавказе.

С другой стороны, ни одна из этих гипотетически допустимых концепций не может оправдывать колониальных характер завоеваний Северного Кавказа со стороны царской России.

Как показывает Ф. Озова (стр. 222 и далее) источники говорят о ряде новаций периода конца Кавказской войны в законодательстве России. Еще в воинском уставе Петра I 1716 г. четко ограничивался произвол, который возможен в военное время. Через почти сто лет в

1812 г. эти положения были развиты в «Полевом уголовном уложении», а в 1839 г. был издан Первый свод военных постановлений, который действовал вплоть до реформ 1869 г.

Надо сказать, что традиционные формы и представления черкесов о правилах ведения войны были во многом сходны с представлениями, сложившимися в Европе в XVII–XIX веках, хотя они и не были декларативными по своей форме. Так что, как отмечает Ф. Озова (стр. 227) «Совершенно необоснованно считается, что именно обычаи войны кавказских народов спровоцировали дегуманизацию, варваризацию войны на Кавказе, заключающуюся, в частности, в отступлении российской армией как от норм своего устава, так и от общепринятых на то время правил ведения войны» (стр. 227).

Целый ряд новаций, введенных в XIX веке, привел к тому, что действия, прямо запрещавшиеся уставом, написанным для европейских войн, стали в Кавказской войне основной целью боевых действий. «На последнем этапе Кавказской войны, когда началось массовое выселение черкесов в Османскую империю, в статусе военнопленных оказалось практически все население Западной Черкесии» (стр. 234).

Реализация законов о военнопленных, пожалуй, как ничто другое способствовала массовому исходу автохтонного населения из этого ареала.

Безусловно, изгнание большинства черкесов из пределов их исконной территории не входило в первоначальные планы русского царского правительства, и Ф. Озова пишет в этой связи о двух диаметрально противоположных планах – генерала Г. И. Филипсона и генерала Н. И. Евдокимова. Ф. Озова подробно разбирает обстоятельства, которые предопределили выбор Александром II и его правительством плана Евдокимова, приведшего к экспатриации подавляющего большинства черкесов в Османскую империю, в основном, в 1861-1864 годах.

Последняя глава книги посвящена отражению этой трагедии в историко-героических песнях черкесов «*гыбзэ*». «В диаспоре сложилось несколько направлений в черкесской литературе, в которых также отразились темы изгнания. [...] Несмотря на прошедшие полтора столетия, черкесы продолжают очень переживать расчлененность своего народа...] Очевидно, что единственный путь сохранения этого этноса лежит через его воссоединение и возрождение на отчей земле Кавказа» (стр. 310).

Третий предмет рассмотрения в данном обзоре – книга Мадины Хакуашевой «В поисках утраченного смысла» (Нальчик, 2013) – существенно отличается от двух предыдущих по жанру, – на ее обложке и титуле стоит подзаголовок «Публицистика». И действительно, книга состоит из части 1-й в трех параграфах: § 1 – «Статьи, посвященные проблемам культуры» (стр. 11-80), § 2 – «Возвращая потерянную историю» (стр. 81-154) и § 3 – «Международный проект Caucasus Morphus» (стр. 155-234). 2-я часть (стр. 235-288) обозначена как «художественная публицистика», она состоит, соответственно, из отрывков романа М. Хакуашевой «Дорога домой», которые имеют публицисти-

ческую направленность. Они включают в себя фрагменты, написанные в форме притчи, художественных воспоминаний и философских рассуждений автора. Наконец, в книге имеется обширное «Приложение» (стр. 298-381), которое состоит из выступлений, отрывков статей и книг, а также писем других авторов, адресованных как самой М. Хакуашевой, так и другим адресатам. Кроме того, составляющие книгу примерно 60 текстов, заполняющих эти параграфы, имеют объем от 2-3 до 10-15 страниц. Тем не менее, по своему эмоциональному настрою все эти тексты, как и книга в целом, имеют общую тональность и очень созвучны настроениям первых двух авторов.

М. Хакуашева касается большого числа как крупных и общих, так и относительно частных проблем, волнующих сегодня адыгскую общественность. Книга вышла в свет летом 2013 г. Многие поставленные в ней вопросы, казалось, уже получили свои ответы. Прошла с несомненным успехом, красиво и ярко оформленная и, безусловно, высоко результативная Олимпиада в Сочи. Была должным образом отмечена, достойно и без надрыва проведена 150-я годовщина окончания Кавказской войны. Однако на деле большие и малые проблемы, обозначенные в книге, продолжают оставаться животрепещущими. В особенности показателен до некоторой степени пророческий тезис М. Хакуашевой о критической ситуации в вопросе изучения родных языков (стр. 82-85). Еще в 2009 г. на праздновании 70-летнего юбилея журнала «Дружба народов» говорилось о том, что все северо-кавказские языки объявлены ЮНЕСКО умирающими. В частности, прогноз существования кабардино-черкесского языка – от 25 до 50 лет. «Приходится констатировать лучшие условия для изучения адыгского языка в некоторых адыгских диаспорах по сравнению с подобными возможностями на исторической родине адыгов» (стр. 83). «Весьма показательна динамика урезания мест для абитуриентов по кабардинскому языку и литературе в КБГУ: 75 мест в 1970-1980-е гг., 38 мест в 2012-2013 годах» (стр. 149).

И вот через год после констатации этих ужасающих фактов по состоянию кабардино-черкесского языка (как и по другим региональным языкам РФ), министр культуры В. Медынский предлагает усилить преподавание русского языка за счет часов, отведенных на преподавание иностранных и региональных языков, хотя, казалось бы, речь должна идти совершенно об обратном.

Под огнем убийственной критики М. Хакуашевой оказываются губернатор Краснодарского края А. В. Ткачев, председатель «антифальсификационного комитета при правительстве РФ» С. А. Марков, атаман Терского Казачьего войска И. Логвиненко, директор Департамента межнациональных отношений А. Журавский и многие другие публичные лица, так или иначе склоняющиеся к шовинистическим позициям, широковещательно выдаваемым за русский «патриотизм».

Не следует думать, что как комментарии М. Хакуашевой, так и сами цитируемые ей выступления носят исключительно критический характер. Автор-филолог отмечает многие позитивные тенденции в

литературе и культуре как международного, общероссийского, так регионального и республиканского уровня, в частности, черкесская выставка в Риме, инициативы российского «толстого» журнала «Дружба народов», ФСЭИП, усилия которых направлены на интеграцию национальных культур РФ. В письме М. Крайсветного (с. 353-354) выражается горячая признательность президенту Д. Медведеву за помощь Южной Осетии и Абхазии в борьбе против «грузинской агрессии», а заодно и надежда, что столь же благородная позиция будет занята и в отношении оценки Кавказской войны.

Поскольку книга Хакушевой, как и Озовой, публиковалась в 2013 г., незадолго до знаменательной годовщины завершения Кавказской войны, высокая эмоциональная тональность их понятна, как понятно и то, что сейчас, когда пик злободневности всех релевантных событий и действий уже позади, их обсуждение хотя и продолжается, но идет в гораздо более сдержанном ключе. Однако меняется тональность, но не сама тема, которая, как и тема геноцида армян в Османской империи, останется актуальной на протяжении еще как минимум пары поколений. Актуальной останется и тема покаяния и искупления прегрешений империалистических (включая социал-имперские) и колониалистских (включая патерналистские) идеологий и практик. Это требование самого времени, а отнюдь не горстки националистически напряженных интеллектуалов, и оно никуда не денется. Но не только время требует покаяния, но и покаяние тоже требует времени, хотя понятно, что чем дольше его придется ждать, тем больше возможностей мы предоставим *врагам единой России для их подрывной и злокозненной деятельности*. Конечно, по большому счету точка невозврата пройдена давно, и возврата не может быть не только в VII век, но даже в XIX век. Об этом достаточно красноречиво говорит самый факт появления таких книг, как те, что рассмотрены в данном обзоре. Но вопросы национальной истории, национального достоинства, национальной культуры, национального языка продолжают оставаться очень злободневными, зачастую болезненными, требуют особого внимания и такта. Приходится вновь и вновь напоминать, что россияне – куда более широкое понятие, чем этнические русские, и что наши соотечественники – это не только русские в Канаде или Аргентине, но и тувинцы в Сийнцзяне, и буряты в Шэмэхэне, и адыги в Сирии, Египте или Объединенных Эмиратах, – по крайней мере, до тех пор, пока они сами хотят так считать. И это должно быть понятно и журналистам, и министрам, и неокзакам и даже губернаторам.

ЮРИЙ ХАМЗАТОВИЧ КАЛМЫКОВ

Многим, кто в сознательном возрасте пережил переломный момент истории нашего государства на рубеже 80-90-х годов прошлого века, это время представляется в виде яркой вспышки, высветившей во мраке тоталитаризма невиданные горизонты и породившей самые смелые надежды. Тогда в фокусе общественного внимания оказалась целая плеяда ярких, незаурядных личностей, ставших олицетворением грядущих перемен, героями своего времени. Уже многие из них ушли из жизни, но их мысли, их дела подобно свету погасших звезд указывают нам верное направление нашего движения к провозглашенным ими идеалам.

Одним из таких людей, несомненно, был Юрий Хамзатович Калмыков. И дело не только в том, что он, как юрист высочайшей квалификации, принимал участие в закладывании основ правовой системы демократического государства. Юрий Хамзатович обладал именно теми качествами, которые люди хотели видеть в представителях юридического сообщества, – нетерпимость к любым проявлениям несправедливости, политическая неангажированность, неукоснительное следование букве закона. Именно такое представление о юристах делало их особенно популярными в то время. Не случайно среди народных депутатов СССР, избранных в 1989 году, было очень большое количество юристов. Но далеко не все из них смогли соответствовать этим ожиданиям.

Бурные события того времени подобно воронке втянули Юрия Хамзатовича в политические процессы, хотя к политике, да и к политикам, он всегда относился настороженно. Народным депутатом СССР он стал отнюдь не по разнарядке парткома, а скорее вопреки противодействию партийных структур и не очень порядочного конкурента. В выступлениях Юрия Хамзатовича на съезде народных депутатов СССР, в Верховном Совете Союза ССР, в возглавляемом им (1989-1991 гг.) комитете по законодательству, в СМИ последовательно прослеживались профессионализм, четкость, продуманность каждой фразы. Красной нитью всей его деятельности в высшем законодательном органе СССР было стремление законодательно оформить происходившие коренные изменения политической и экономической системы страны. Это заметно контрастировало со стремлением высшего руководства решать проблемы путем многочисленных реорганизаций умиравшей административной системы в духе создания «управления по управлению всеми управлениями СССР».

Одновременно с работой в комитете Юрий Хамзатович был членом Конституционной комиссии Съезда народных депутатов СССР. Следует также перечислить связанные с его именем союзные законы, такие как «О конституционном надзоре в СССР» (1989 г.), «Об общественных объединениях граждан в СССР» (1990 г.), «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» (1990 г.), а также проекты Конституции России (1993 г.) и Жилищного кодекса России (1994 г.). Однако все же главным итогом его парламентской деятельности в Верховном Совете СССР и на Съезде народных депутатов СССР можно без преувеличения назвать работу по подготовке в 1990-1991 годах новых Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, которые явились безусловным прорывом в развитии цивилистической науки в нашей стране. Ю. Х. Калмыков был не только формальным руководителем группы, созданной Президиумом Верховного Совета СССР для разработки проекта Основ, не только ее защитником и представителем во всех властных структурах, но и душой авторского коллектива ученых-юристов и практиков, непосредственно готовивших текст проекта¹.

Моральный авторитет Юрия Хамзатовича был высок не только среди юристов. Прожив большую часть своей сознательной жизни вдали от своей малой родины, он не утратил с ней связь. Не случайно он был избран президентом Международной Черкесской Ассоциации и председателем Конгресса кабардинского народа. В беспокойные для Кабардино-Балкарской Республики дни осенью 1992 года именно авторитет Юрия Хамзатовича позволил избежать развития событий по трагическому сценарию.

После распада Советского Союза Калмыков продолжил работу над кодификацией гражданского законодательства, начатую в Союзном парламенте. Был создан Исследовательский центр частного права, где «кипела» работа над созданием нового Гражданского кодекса. Если сегодня знающий человек зайдет в Исследовательский центр частного права, он легко вспомнит, что в кабинете справа Станислав Антонович Хохлов работал над Конституцией и Гражданским кодексом Российской Федерации, а в кабинете слева работал Виктор Абрамович Дозорцев, в следующем – Юрий Хамзатович Калмыков, чуть дальше – Гайнан Евгеньевич Авилов и Петр Иванович Седугин. Здесь работала Раиса Осиповна Халфина, Михаил Исаакович Брагинский, Георгий Давыдович Голубов... Кто-то скажет: «Какой-то цивилистический некрополь!» и в чем-то будет прав. Но именно в чем-то, поскольку все в тех же кабинетах продолжается работа над кодификацией гражданского законодательства, происходит обучение молодых коллег частному праву, готовятся экспертные заключения по проекту законодательных актов.

Если бы не Юрий Хамзатович Калмыков, Сергей Сергеевич Алексеев, Станислав Антонович Хохлов, Вениамин Федорович Яковлев и Александр Львович Маковский, современного Гражданского кодекса и

1 См.: В. Ф. Яковлев в книге «Калмыков Ю. Х. Избранное: Труды. Статьи. Выступления» / предисловие; Сост. О. М. Козырь, О. Ю. Шилохвост. Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 1998. С. 7.

гражданского законодательства на рубеже веков мы бы не увидели. Конечно, можно сказать, что это была объективная необходимость. И это правда, но другого коллектива с таким знанием предмета и юридической техникой подготовки законопроектов в тот момент среди цивилистов не было. В данном случае ключевое слово – коллектив, который, конечно же, был гораздо шире только что названных ученых.

В 1993 г. Юрий Хамзатович возглавил Министерство юстиции Российской Федерации. Он не был чиновником, как говорят, «по жизни». Никогда не держался за чиновное кресло. И его стремление значительно расширить полномочия Минюста диктовалось не чиновничьими рефлексам, а стремлением создать полноценную правовую систему в нашей стране. Некоторые из его проектов, например, передача в Минюст пенитенциарных учреждений, создание службы судебных приставов, службы государственной регистрации впоследствии претворились в жизнь. Однако, выразив свое несогласие с введением войск в Чеченскую республику в конце 1994 года, Юрий Хамзатович посчитал для себя невозможным оставаться в составе правительства и подал в отставку. Проработав министром юстиции недолго, он, тем не менее, оставил о себе память выдающегося государственного деятеля, мудрого, требовательного, но не злого руководителя, своим примером показавшего, как надо работать, в том числе над законопроектами.

Впервые я увидел Юрия Хамзатовича еще в студенческие годы, в Свердловске. Он выступал с докладом на конференции по гражданскому праву. Это было во второй половине 80-х годов. Запомнилось не только содержание доклада, но и то, как досталось от Калмыкова так называемым хозяйственникам, то есть представителям науки «хозяйственного права». Будучи студентами, мы пошли послушать выступления Калмыкова, Алексеева, Яковлева. Следует признаться, остальных мы не стали слушать, хотя состав был весьма «звездный». Впечатлений было «море»: как Юрий Хамзатович держался, владел аудиторией, каким великолепным знанием предмета он обладал. Он знал практически всех присутствовавших коллег, в общении с ними проявлял великолепное чувство юмора.

В начале 1993 года я работал в Главном управлении жилищной политики Госстроя России. Станислав Антонович Хохлов пригласил меня поработать в Исследовательский центр частного права при президенте Российской Федерации над проектом Гражданского кодекса, что для меня, молодого человека, было большой честью. Именно в Центре частного права я и был представлен Юрию Хамзатовичу.

В Госстрое шла подготовка проекта Жилищного кодекса. По предварительным планам мы должны были его подготовить для внесения президентом в Государственную Думу до конца 1993 года. Согласование с министром юстиции было поручено мне. Юрий Хамзатович проявлял к законопроекту не свойственный министрам интерес, и мы обсуждали соотношение гражданского и жилищного законодательств, наличие и качество частноправовых норм в проекте и т.д. и т.п.

В сентябре 1993 года при очередном обсуждении проекта Жилищ-

ного кодекса Юрию Хамзатовичу позвонил исполнительный директор Центра частного права и по совместительству советник министра юстиции Станислав Антонович Хохлов. Обсудив ряд проблем, неожиданно для меня и, возможно, для Станислава Антоновича, Юрий Хамзатович сказал: «Здесь у меня в кабинете Крашенинников сидит. Я его беру на работу в Минюст». По окончании разговора, уже обращаясь ко мне, министр юстиции произнес: «Вы поняли, что я вас на работу приглашаю?» – на что я ответил что-то невнятное, но утвердительное. Как ни странно, но в Минюсте не было подразделения по гражданскому законодательству. Это упущение Юрий Хамзатович исправил, назначив меня начальником соответствующего управления. Главной задачей вновь образованного подразделения стало обеспечение подготовки Гражданского кодекса, подготовка и экспертиза проектов законов, указов, постановлений правительства в сфере гражданского законодательства.

С момента моего прихода в Минюст и до ухода Юрия Хамзатовича из жизни, наверное, я был одним из тех, кто больше всего общался с Юрием Хамзатовичем. Через день я приходил к министру с докладом, и каждый день, бывало не по одному разу, мы общались по телефону, обсуждали политические и правовые вопросы. Наше общение продолжалось и после отставки Юрия Хамзатовича.

Министерство юстиции располагалось тогда в двух зданиях: на улице Обуха (ныне Воронцово поле), где был кабинет министра и ряд подразделений, и на улице Ермоловой (ныне Большой Каретный), где находились два заместителя министра и основная часть законотворческих управлений. Юрий Хамзатович был в хорошем смысле «буквоедом» и требовал тщательной подготовки документов и практически под каждую букву проекта или заключения – правовое основание. Поэтому на доклад я приезжал с большой дорожной сумкой, набитой необходимыми действующими нормативными актами, международными договорами, иногда фрагментами прикладных исследований. Юрий Хамзатович приходил на работу где-то за час до начала рабочего времени. Увидев эту самую сумку, он говорил: «Уже здесь? Пусть заходит». Кстати, дополнительные материалы, как правило, не требовались: Юрий Хамзатович досконально знал правовую литературу, нормативный материал и международные акты. Но я был спокоен – если что, всё при мне. Вспоминается случай, когда был подготовлен доклад председателю правительства. Все, кому следует, завизировали документ. Из десятистрочного текста вызвала вопрос только запятая. Юрий Хамзатович не поверил своим лингвистам, другим сотрудникам, в итоге задействовали «внешнюю» экспертизу – лингвистов Госдумы. И он оказался прав.

Также интересен пример по подготовке проекта закона «О Правительстве». Текст был подготовлен одним из наших управлений, но был раскритикован на заседании коллегии, в том числе министром. После чего за ночь Юрий Хамзатович его практически полностью переписал, и проект был внесен в правительство, а затем в Государственную Думу.

Юрий Хамзатович добивался, чтобы в правительстве Минюст либо возглавлял работу над кодексами, либо говорил «последнее», решающее

слово по поводу судьбы того или иного законопроекта. Так, в то время в министерстве готовились Гражданский, Жилищный, Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный кодексы, активное участие принималось при подготовке Уголовного, Семейного, Земельного кодексов. Кстати, что касается подготовки Земельного кодекса, то разработка сопровождалась постоянными конфликтами, иногда скандалами. В частности, на одном из последних, как считали тогдашние аграрии, совещаний, перед внесением правительством в Государственную Думу проекта Земельного кодекса, которое проходило у заместителя председателя правительства Заверюхи А. Х. с участием председателей колхозов и директоров совхозов, все ведомства отрапортовали, что текст готов, и только два ведомства – Госкомимущество в лице Васильева Д. В. и Минюст в лице вашего покорного слуги – выступили против государственной собственности на землю, против недопущения новых (на тот момент) организационно-правовых форм в сельское хозяйство. Тогда на совещании поднялся не просто шум, но и свист с нецензурной бранью в наш адрес. На следующий день, а это было перед внесением первой части Гражданского кодекса в Государственную Думу, Юрий Хамзатович сказал мне, что Заверюха требует увольнения «бородатого молодняка» с работы. Юрий Хамзатович посоветовал не ходить на пресс-конференцию, посвященную внесению проекта первой части Гражданского кодекса и в течение месяца не появляться в Белом доме. Через полгода С. А. Хохлова и меня включили в рабочую группу по подготовке Земельного кодекса, но и этот проект тоже не увидел свет, но как говорится, по другим причинам.

Октябрина Рамазановна Калмыкова с начала 60-х годов была верным спутником и опорой Юрия Хамзатовича в семье. Политически и профессионально (в последнее время она работала в Конституционном Суде) всегда мужа поддерживала. «Сначала мы учились – я студентка, он – аспирант, потом работали и растили без всякой помощи троих детей. И при этом у Юры – бесконечные встречи, конференции, поездки в другие города в качестве оппонента, председателя ГЭК. Но самое чудесное в его жизни – это общение с людьми. Чужую беду, чужое горе и нужду Юра воспринимал как свои, а может быть, и ближе. Он радовался как ребенок, когда у нас собирались гости, много гостей»¹, – вспоминает Октябрина Рамазановна.

Юрий Хамзатович, в отличие от многих тогдашних руководителей, да и современных, понимая, что Россия это не Москва (и не Петербург), тщательно готовился к выездам в регионы, придавал большое значение как официальным, так и неофициальным мероприятиям. Иногда министр брал меня в командировки. Особенно мне запомнились конференции, посвященные проекту Гражданского кодекса, в Магнитогорске и Пскове.

Подготовка и согласование Гражданского кодекса, как до внесения в Государственную Думу, так и после, шло очень тяжело и нервно. Были и акты саботажа, и угрозы. Известно, что текст пришлось разбивать вначале на две, потом на три и, наконец, на четыре части. Поэтому любой этап или

1 О. Р. Калмыкова. Мои воспоминания о Юре. В кн.: Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы: Воспоминания. Статьи. Интервью. – М.: Статут, 2003. С. 306.

даже шаг принимался с радостью и надеждой. Не удивительно, что когда первая часть была принята в первом чтении, Юрий Хамзатович позвонил и сказал: «Бери, что у тебя есть в сейфе и беги ко мне!» В то время в сейфе обычно хранили коньяк.

Юрий Хамзатович с огромным почтением относился к судебной системе, к судьям и их решениям. Известно, что во многих странах работа судьи считается вершиной карьеры юриста. Он сам после окончания Ленинградского государственного университета, с 1957 по 1959 гг. работал судьей Хабезского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края и хотел завершить юридическую карьеру также на судейском поприще, однако в итоге выбрал научно-педагогическую карьеру.

Когда президент предложил Совету Федерации кандидатуру Калмыкова на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации, казалось, это назначение будет достойным венцом его карьеры. Однако верхняя палата, припомнив ему работу в национальном движении кавказских народов, проголосовала против. Юрий Хамзатович переживал, но свои убеждения проводил достаточно последовательно. Он был настоящим кавказцем и внутренне, и внешне. Чего стоил один только его орлиный взгляд. Юрий Хамзатович, будучи членом Совета безопасности, выступил против ввода войск в Чечню, предлагал воспользоваться мирными способами решения возникшего конфликта.

В декабре 1994 г. Б. Н. Ельцин подписал Указ об отставке Ю. Х. Калмыкова, который был опубликован в Российской газете вместе с первой частью Гражданского кодекса Российской Федерации. После отставки Юрий Хамзатович вернулся в Исследовательский центр частного права и до последних дней участвовал в подготовке Гражданского кодекса. За день до вылета в Минеральные воды работал в группе по наследственному праву – третьей части ГК.

Умер Юрий Хамзатович 16 января 1997 года, в аэропорту, от остановки сердца. Похоронен в ауле Абазакт в Карачаево-Черкессии. Перед моей отставкой с поста министра юстиции я побывал на могиле Юрия Хамзатовича. Там в любое время года лежат живые цветы, а рядом течет река. Камешек-голыш с берега этой реки всегда лежал на письменном столе Юрия Хамзатовича.¹

Для тех, кто знал Юрия Хамзатовича, кому посчастливилось работать с ним, он навсегда останется путеводной звездой, моральным и профессиональным ориентиром. И пусть о нем знают и помнят его все, кто решил посвятить себя служению праву.

¹ См.: В. Сысоев. Жаль, что дважды не живут. Российская газета, 18.09.1998 г.

БЕССТРАШНЫЙ ПОЛИТРУК

С каждым днем все дальше отдаляются от нас самые мрачные и страшные дни в истории человечества – трагические лихолетья Второй мировой войны. Прошло уже 70 лет со дня ее окончания, но людская боль до сих пор не стихает, кровоточит, миллионы людей оплакивают безвинно убиенных своих родных – отцов, матерей, сыновей, сестер и братьев. Не все тайны этой мировой трагедии раскрыты, раскопки, проводимые во многих странах, документы и письма, хранящиеся в государственных и частных архивах, открывают нам все новые страницы, свидетельствующие о беспримерном подвиге советского воина, мужественно защитившего независимость и свободу своей родины.

В архиве талантливого кабардинского писателя, незабвенного Хачима Теунова недавно нами были обнаружены несколько интересных писем нашего земляка, бесстрашного политрука Мамиши Наурузова, прошедшего боевой путь от Нальчика до Берлина. Эти письма, написанные в канун великого торжества нашей страны, – наглядный пример бесстрашия советских людей в годы Великой Отечественной войны, яркий документ, свидетельствующий об агонии фашистской Германии в последние дни захвата последнего оплота фашистов – столицы рейха.

В ноябре 1941 года руководство республики направило в состав 115-й кавдивизии заведующего военным отделом ВЛКСМ КБАССР Мамишу Хапитовича Наурузова, он был зачислен в ее состав в качестве старшего политрука. Наурузов принимал активное участие в боевых действиях дивизии на территории Ростовской области и Калмыцкой АССР, с первых же дней показал себя не только мужественным воином, но и превосходным воспитателем как рядового состава, так и командиров. О его личном мужестве свидетельствует донесение его командира, где сказано, что «Старший политрук М. Наурузов проявил исключительную храбрость, мужество и умение бить фашистов, сам лично уничтожил расчет ручного пулемета противника, убил одного унтер-офицера».

*Справа – гвардии майор
М. Х. Наурузов*

При первой встрече с фашистскими войсками 115-я кавдивизия, где служил М. Наурузов, понесла тяжелые потери, но она не стухевалась, устояла перед превосходящими силами противника и нанесла ему

При первой встрече с фашистскими войсками 115-я кавдивизия, где служил М. Наурузов, понесла тяжелые потери, но она не стухевалась, устояла перед превосходящими силами противника и нанесла ему

значительный урон. В одном из докладов командования, высоко оценивая ратные подвиги этой дивизии, записано следующее: «Несмотря на исключительно трудные условия боев, огромный перевес противника в живой силе и, особенно, в технике, личный состав 115-й кавдивизии бился с фашистами стойко, мужественно, не жалея своей жизни для выполнения боевого приказа командования. Командный состав показал себя исключительно стойким, являя пример храбрости и отваги, увлекая за собой подчиненных. Командиры и политруки, как правило, возглавляли бой своих подразделений. Из всех командиров, их заместителей и политруков строевых подразделений остались лишь 6 человек, остальные убиты или ранены».

На базе оставшихся в живых воинов 115-й кавдивизии в октябре 1942 года был сформирован 4-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, вошедший в состав 4 кавалерийского корпуса. Заместителем командира по политчасти дивизиона был назначен М. Наурузов, бойцы которого принимали затем участие в разгроме фашистских войск под Сталинградом. Глубоко понимая значение исторической битвы под этим славным городом, в те тяжелые дни он записал в своем дневнике такие пророческие слова: «Того, кто храбро и мужественно будет сражаться за родной Сталинград, не забудет наша необъятная Родина, наш героический советский народ. Я счастлив тем, что мне тоже выпала доля этой чести. Защищая Сталинград, мы защищаем родной Кавказ, Кабарду и Балкарию, всю нашу страну». Удивляет и то обстоятельство, что, находясь в аду боев, ни днем, ни ночью не высыпаюсь, он находит время поздравить своих соотечественников в связи с освобождением любимой столицы республики от фашистских оккупантов. В разгар сталинградской битвы от имени воинов дивизиона его командир Г. Гериев и старший политрук М. Наурузов обратились с такими словами к жителям родного города: «Сообщение Совинформбюро об освобождении советскими войсками родного города Нальчика встречено нашими бойцами как радостная весть. Это сообщение нас воодушевило на новые боевые подвиги.

Сыны кабардино-балкарского народа в боях с врагом показали стойкость и мужество, свойственные каждому патриоту социалистической Родины. Они с честью выполняют свой долг перед советским правительством и народом.

В самые трудные минуты жестоких боев мы помнили ваш наказ биться с заклятым врагом насмерть. Мы помнили, что нас послала цветущая орденоносная республика защищать независимость советской Родины. Выполнение этой священной задачи нас воодушевляло и помогло нам побеждать.

Принимая непосредственное участие в наступательной операции в районе юго-восточнее Сталинграда, громя оккупантов на подступах к городу-герою, мы знали, что били врага и на территории родного Кавказа».

После победоносного завершения знаменитой сталинградской

битвы храбрые воины дивизиона принимали активное участие в сражениях на многих фронтах Отечественной войны. И их неизменным летописцем оставался их неутомимый политрук, гвардии майор М. Наурузов, который, как это ни парадоксально, получал номера «Социалистической Кабардино-Балкарии», знакомил своих земляков с материалами, появлявшимися на страницах газеты, более того, являлся ее корреспондентом, печатал свои очерки, посвященные землякам-однополчанам. В одном из писем, адресованном Х. Теунову, он просит проследить за очерком, посланным в редакцию на имя А. Паперной. Очерк был посвящен сослуживцу – М. Дохову, проявившему мужество и отвагу в одном из боев и героически погибшему в борьбе за родину. В другой его статье, опубликованной на страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии», он рассказывает о незаурядном подвиге пулеметчика Сарби (должно бы быть, Сараби – Х. А.) Пшицукове. Как отмечается в ней, «три немецких танка обрушились на окоп смельчака. В этот критический момент Сарби проявил железное самолюбие, исключительное мужество и решительность подлинного мастера боя, он выхватил противотанковое ружье у лежащего рядом тяжело раненого товарища и открыл огонь по танкам.

В этой ожесточенной борьбе молодой черноглазый Сарби из селения Куба Кубинского района истребил свыше 40 немцев и подбил три танка».

Не оставил без внимания М. Наурузов и ратный подвиг своего друга, начальника штаба гвардейского кавалерийского полка М. Герандокова, с которым он служил. Интересно отметить, что Герандоков, как и М. Наурузов, в трудные дни бесконечных боев находит время, чтобы поздравить своих односельчан со значительными успехами в восстановлении родного колхоза. Вот это интересное письмо: «Председателю колхоза «Вторая пятилетка» тов. Хакуашеву Б. К., секретарю парторганизации тов. Дудуеву Ж. Б. Декабрь, 1943 г.

«...62-й гвардейский кавалерийский полк имеет 75 % всего личного состава полка награжденными, полк честно выполняет свой долг перед Родиной. (...) Наш полк в своем личном составе имеет много кабардинцев, которые при форсировании реки Днепр показали образцы мужества и награждены орденами Союза ССР.

Желаем вам большого успеха в колхозном строительстве. Общими усилиями разгромим заклятого врага!

Командир 62-го гвардейского Черниговского кавалерийского полка Маркарян, начальник штаба полка М. Герандоков».

Глубоко скорбя по поводу своего земляка, М. Наурузов решил запечатлеть его беспримерное мужество на малой родине, посвятив ему очерк, который чуть позже был напечатан на страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария». В нем он так описывает последний бой славного сына кабардинского народа: «Гвардии старший лейтенант Мухарби Герандоков из селения Плановское вместе со своим полком в течение одного дня отбил десять ожесточенных

атак противника. За мужество он награжден орденом Кутузова 2-й степени. Недавно в одном из кровопролитных сражений он погиб смертью храбрых. Его подвиг и его имя будут звучать в сердцах воинов нашей части как призыв к мести, борьбе и победе».

М. Наурузов был не только отважным воином, горячим патриотом своей родины, но и чутким, сердечным человеком, хотя сохранить эти качества в условиях войны удавалось далеко не каждому. На правах друга он пишет матери М. Герандокова специальное письмо, желая в какой-то мере смягчить ничем невозполнимое горе матери, потерявшей родного сына.

«Неустрасимый политрук вместе с бойцами 16-го гвардейского дивизиона прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина. На подступах к нему, в боях за город Ландберг 22 апреля 1945 года он героически погиб. Он был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

О гибели славного сына кабардинского народа в республике стало известно сразу же. Одним из первых на его героическую смерть откликнулся народный поэт Амирхан Хавпачев, который посвятил ему стихотворение «Мамиша Наурузов». Подробности, приводимые автором в этом стихотворении, подтверждают, что он заранее тщательно ознакомился с обстоятельствами смерти своего героя, по-видимому, встречался с его однополчанами. Например, в нем отмечается, что М. Наурузов погиб под Берлином, преодолевая какую-то водную преграду, что он был кавалеристом, его коня звали «Зауром», в момент гибели его сопровождал Тлеужев Сихатджери, а сына его зовут Заурбеком.

Подвергать тщательному анализу его письма нет необходимости, они понятны и без комментариев, однако их текст убедительно свидетельствует, что автор был мужественным воином, беспримерным патриотом своей Родины. Находясь вдали от родного очага, он постоянно интересовался жизнью своих соплеменников, крайне критически оценивал деятельность республиканского руководства, свободно владел русским языком и, по всей вероятности, мечтал стать журналистом.

Отдавая дань памяти своему другу и желая в какой-то мере популяризовать его имя, Хачим Теунов свою первую пьесу «Испытание», написанную в конце Отечественной войны, посвятил своему незабвенному другу.

Некоторые фашиствующие политики в наши дни начали перекраивать на свой лад историю Второй мировой войны, открыто утверждают, что от коричневой чумы Европу спас не Советский Союз, а какие-то неизвестные силы. Письма бесстрашного комиссара М. Наурузова, обнаруженные накануне 70-летия нашей великой победы, документально подтверждают, что славные сыны Кабардино-Балкарии, бойцы 115-й кавдивизии не только дошли до Берлина, но и принимали деятельное участие в разгроме последнего оплота

нацизма.

Наши отцы и деды, беззаветно защитившие нашу отчизну и без раздумий отдавшие свою жизнь за нашу свободу, заслуживают большего внимания, нынешнее поколение, ради которого они сложили головы, должно не время от времени, а постоянно сохранять память павших героев. В этом смысле для бесстрашного политрука сделано вроде немало: в родном Нартане его именем названы средняя школа-интернат и улица. Но столица республики, где он жил и работал, которую очень любил, могла бы назвать одну из улиц его именем. (Сделать это в наши дни не очень трудно, ибо многие улицы названы ничего не значащими словами, такими, например, как «Нартух», «Самотечная», «Рудничная», «Промпоезд» (подобные названия в городе носят, если не ошибаемся, больше 20 улиц). Славное имя верного сына своего народа, бесстрашного политрука, гвардии майора Мамиши Наурузова должно быть известно молодому поколению республики, оно должно быть записано в историю народа золотыми буквами.

Письма Мамиши Наурузова Хачиму Теунову

Здравствуй, дорогой мой друг!

Дорогой Хачим, получил твое письмо. Оно доставило мне душевное удовлетворение. Спасибо тебе, друг, за все. Душа радуется, когда получаешь письмо от близкого друга, особенно в напряженные дни, в дни, когда ведешь смертельную борьбу с фашистскими злодеями.

Хачим, ты прав тысячу раз, когда говоришь, что наша орденоносная трудолюбивая республика спасена от катастрофы. Совершенно идеальное решение нашего Союзного правительства по поводу этих крохоборов, делег. Особенно я имею в виду его величество... Ведь он же буквально был безразличен к судьбе республики (мне кажется, он больше беспокоился за свое личное благополучие).

Будучи в отпуску, мы с тобой и с Мурой, помню, делились впечатлениями по этому вопросу. Все это чувствовалось. Нужно прямо признаться, что у нас в республике очень много подлиз – подхалимов, с которыми надо вести жесточайшую борьбу. Наш народ всегда презирал подхалимов, даже осуждал их, мне совершенно непонятно, откуда же взялись эти отдельные людишки, которые не трудом, не умением руководить и не знаниями заслуживали уважение и, как результат, выдвижение на руководящие посты. Мне кажется, ты меня понял. Эти люди, видимо, тоже будут наказаны новым руководством. Хачим, мне в голову не укладывается мысль, чтобы даже простые, рядовые люди нашей могучей родины в наше время, когда страна превратилась в единый военный лагерь, занимались тем, чем занимался этот с позволения сказать деятель. А ведь он же был облечен большой властью и доверяем. С позором провалился.

Дорогой Хачим, в отношении Музачира я переживаю очень много. Как самому близкому другу говорю тебе, что он – Муза – заслуживает большой правительственной награды. Трудно передать словами или описать его подвиги. Муза – незаменимый мой товарищ. Ты, как человек, имеющий дело с пишущим народом, должен бы взять на себя миссию показать его нашему кабардинскому народу. Кое-что о его замечательных делах ты найдешь в обкоме ВЛКСМ. Еще в феврале 1942 года я оставил у них богатый материал. Если Муза займет свое заслуженное место в руководстве республикой, я буду очень рад. Передай ему от меня самый наилучший привет с пожеланием крепкого здоровья и успеха в работе.

Хачим, у меня большая просьба к тебе. Я послал в редакцию «Кабардинской правды» небольшой очерк о мужестве и отваге т. Дохова М., погибшего в боях за родину. Ты посмотри его и сделай так, чтобы его напечатали. Материал сырой, нужно его обработать. Учтите, что я плохой писатель, и помогите показать этого замечательного сына кабардинского народа. Материал направлен на имя т. Паперной А. Надеюсь, что сделаешь.

О себе. Живу по-старому. Правда, приходится больше работать, готовить людей к последним, решающим боям. Мы чувствуем, что предстоящие бои потребуют напряжения всех сил и энергии, чтобы с честью выполнить приказ вождя. Но нужно прямо сказать, что мы к этим серьезным испытаниям готовы, как никогда. Игъащ!эм апхуздиэ 1эщэрэ техникэрэ дзэм я!эу слъэгъуакъым. Все налицо, нужно только бить, а бить мы умеем. Нужно надеяться, что мы и сумеем доколотить армию немецко-фашистских разбойников. Лъатэрэ къэзыпщыхъхэмрэ хуэдэу мыбы шы!эр трудно себе представить.

Прошу передать горячий привет с благодарностью за поздравления Нине.

До свидания, дорогой Хачим. Обнимаю и крепко целую.

Мамиша

09.12.44 г.

Здравия желаю, дорогой Хачим!

Вот и проклятая берлога фашистской Германии. Четвертый день, как я вступил в это логово зверей-кровопийц. Эта страна противна так же, как и сами немцы. Смотрю на все то, что немцы бросили в панике, отступая со своей грабительской армией, и среди этого добра вижу богатство всей разграбленной Европы. У каждого рядового немца имеются вещи, вывезенные из России, Франции, Польши и др. стран. Сотни девушек и ребят с нашими справками об их освобождении из каторги направляются на пересыльные пункты, чтобы поехать домой к родным. Эти юноши и девушки, истощенные недоеданиями и нечеловеческими условиями жизни, встречают нас со слезами радости на глазах. Они показывают свои фотокарточки 1940-41 гг., какими они были, и говорят: «Посмотрите, товарищи, кому мы нужны теперь».

Германия – страна убийц, страна злодеев трещит, она уже испытывает все на себе. Она испытает на своей грязной шкуре всю горечь затеянной ей войны.

Дорогой Хачим, за то время, пока ты получишь мое письмо, произойдут большие изменения. Обо всем этом ты узнаешь и по радио и из газет, но я все же хочу, чтобы ты знал все, что творится в первые дни вступления на территорию Германии. Наши конногвардейцы дают знать о себе этой «белой» расе. Такого наступательного порыва, как сейчас, я не видел за все время войны. Каждый воин – рядовой, сержант и офицер – хочет сам быть первым в Берлине.

Дорога наша усеяна трупами и техникой немцев так, что тыловые подразделения вынуждены расчищать ее, чтобы проехать вперед к границам Германии. Выполнив свою освободительную миссию – освободив Польшу – мы пришли в Германию мстить, судить и карать злодеев.

Хачим! Мне кажется, лучше, чем кто-либо, ты понимаешь наше чувство, в частности, мое чувство. Ведь почти четыре года я мечтал только об одном – перешагнуть границу Германии и отомстить за все и за всех. Многие думают и мечтают о своей личной славе, но я почему-то не думал о ней. Моя заветная мечта была – оправдать доверие нашей партии, народа и вернуться к вам, друзьям, с полной победой над врагом. И вот я очень рад, что в этом победоносном наступлении принял практическое участие.

Трудно себе представить силу и мощь, наступательный порыв наших войск. Меня, хотя все время участвовал в боях, поражает все то, что я вижу.

Немцы, плененные нашими частями, как правило, заявляют только одно – «мы отступаем потому, что у нас мало танков и самолетов». Паника царит среди всех кругов фашистской Германии. Все дрожат, никто уже не хочет воевать, но животный страх заставляет их упорно сопротивляться. В общем, И. Эренбург был прав, заявив, что «война родилась в Германии, она там и умрет». Да, действительно, война умрет в Германии, но вместе с ней умрет и сама Германия.

Дорогой Хачим! Хочется описать тебе все и обо всем. Но это трудно, да и невозможно. Мы очень рады, что наш Константинов отмечен т. Сталиным три раза за время этих наступательных боев. Теперь все внимание и стремление мы сосредоточим к штурму Берлина.

Годовщину Красной Армии мы отметим новыми боевыми делами. Поздравляю тебя с этим праздником. Надеюсь, что это письмо к этому времени дойдет до тебя.

Привет всем друзьям и товарищам. Привет твоей супруге и сыну.

Обнимаю и целую тебя крепко, дорогой.

Твой М. Наурузов

01.02.1945 г.

**Письмо М. Наурузова матери Мухарби Герандокова.
20 декабря 1944 г.**

Здравствуйте, уважаемая мамаша Тах!

Трудно описать славный боевой путь, который прошел мой близкий друг – Ваш сын Мухарби...

Мухарби был любимцем рядового, сержантского и офицерского состава кавалерийской части, где он работал начальником штаба. Его любили за простоту, мужество и бесстрашие в боях с немецко-фашистскими извергами, за его жгучую ненависть к врагам и страстную любовь к нашей великой Родине.

Мухарби часто вспоминал Кабарду. Он много рассказывал мне во время товарищеских бесед о его родных и близких. Он говорил: «Люблю я свою родную Кабарду. За кровавые следы немецко-фашистских разбойников на территории нашей республики отомщу врагам». И действительно, он, сын нашего героического кабардинского народа, – истреблял немецко-фашистских захватчиков с достоинством и честью.

За личную храбрость и умелое руководство боевыми операциями Мухарби был награжден Советским правительством четырежды, а командование наградило его именным оружием.

...В январе 1944 года, принимая участие в ожесточенных боях за западнее города Мозырь Белорусской ССР, Мухарби, воодушевляя личный состав части своим геройством и отвагой, повел их на штурм одного укрепленного рубежа. В этом бою пал смертью храбрых.

Гвардии старший лейтенант Мухарби Герандоков похоронен с воинскими почестями, бойцы и офицеры его части поклялись отомстить врагу за смерть любимого командира, истреблять живую силу и технику врага, как это делал Мухарби.

Ваш сын Мухарби отдал свою молодую и дорогую жизнь за счастье нашего народа, за честь и свободу нашей социалистической Отчизны. Наш народ и Родина не забудут своего замечательного сына.

С приветом и уважением,

гвардии майор М. Наурузов

ОТЛИЧНЫЙ АРТИЛЛЕРИСТ

Л. К. Абазов

Лостан Кургокович Абазов родился в селении Урвань. Едва окончив семь классов сельской школы, он начал трудиться в колхозе. Ему не было и восемнадцати лет, когда его оставили ответственным за весь колхозный скот – все взрослое население Урвани трудилось на оборонительных сооружениях под городом Прохладным. В декабре 1941 года его призвали в действующую армию.

Свой боевой путь он начал с Дальнего Востока. Летом 1942 года Лостана Кургоковича направили на Сталинградский фронт. Здесь он получил настоящее боевое крещение. Артиллерист, командир орудия старший сержант Абазов проявил в знаменитой Сталинградской битве силу и мужество

горца. Сколько раз миновала его вражеская пуля, сейчас он только удивляется тем случаям, когда был на грани смерти. Вокруг все было охвачено огнем, снаряды взрывались под самым носом, но никакая опасность не могла остановить руки артиллериста, которые выпускали очередной снаряд в фашистов. За мужество и стойкость, за отличные боевые действия, за умелое обращение с орудием старший сержант Абазов получил звание «Отличный артиллерист».

Сражался Л. Абазов в составе 3-го Украинского фронта за Бендеры и Берислав, Белгород и Будапешт. Был участником августовских боев за овладение городом и портом Констанца (Румыния). Он также был участником сентябрьских операций Красной Армии в Болгарии в составе войск 57-й армии.

Весть о победе дошла до нашего земляка не 9, а лишь 11 мая.

«Немцы еще больше озверели, – вспоминает Абазов, – в последние дни войны, у себя на родине. Мы еще не знали о завершении войны и находились в Австрии, в окрестностях Вены. У нас завязался бой, после продолжительных перестрелок нам удалось окружить небольшую группу фашистов и захватить их. Когда мы вместе с двадцатью военнопленными подошли к нашему командному пункту, сквозь громкие возгласы наших однополчан и залпы в воздух слышались слова «конец войне!», «мир!». Оказалось, спустя три дня после войны мы еще дрались за нашу победу».

Это и есть тот случай, когда говорят – дрались до победного конца, и среди тех мужественных солдат, кто добивал фашистов в их логове, были и наши земляки из мирной, цветущей Кабардино-Балкарии, в том числе и Лостан Кургокович Абазов. Дома его ждали молодая жена и сын Володя, которого он еще не видел. Так получи-

лось, что Маржан Исуфовна и Лостан Кургокович поженились перед самой войной, 6 июня 1941 года. Ровно 4 года прождала Маржан своего мужа. Короткие письма и редкие весточки от него облегчали тяжелые годы ожидания. Не успела она нарадоваться его возвращению после окончания войны, всего двадцать дней побыл Лостан Абазов в своей семье, а маленький сын не успел привыкнуть к отцу, как он вынужден был вернуться обратно в далекую Австрию. И лишь в декабре 1945 года Л. Абазов закончил службу.

Высоко оценен героизм Л. К. Абазова в годы Великой Отечественной войны. Его грудь украшают орден Отечественной войны I степени, три медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За взятие Будапешта», «За взятие Белгорода» и другие.

По возвращении домой у него не было возможности отдохнуть от тяжелой военной четырехлетней жизни, ему предстояло приступить к ликвидации последствий войны и восстановлению колхоза. Нужно было кормить семью, которая прошла через тяжкие годы. Много лет проработал он в колхозе, был председателем сельского Совета, заместителем председателя колхоза, заведующим колхозным складом, а затем являлся уполномоченным в Министерстве заготовок, трудился в Урванском лесничестве и на опытной станции садоводства.

Сегодня Лостан Кургокович и Маржан Исуфовна лишь изредка вспоминают о тех днях и трудностях того времени. Вырастили они пятерых замечательных детей – троих сыновей и двух дочерей. Дочки замужем. Старший сын Володя до выхода на заслуженный отдых работал в Министерстве сельского хозяйства начальником отдела, уважаемый в республике человек. Руслан в данное время является начальником службы безопасности в КБГСХА, а младший сын Валера – начальник ГАИ 2 ОВД г. Нальчика.

«Я не дожил бы при моих ранах и контузиях до сегодняшнего дня, – говорит Лостан Кургокович, – если бы не мои дети. Их внимание, уважение ежеминутно окружают нас».

В тот день, когда мы беседовали с Лостаном Абазовым, младший сын Валера был дома, он сам ухаживал за больной матерью, оказывал медицинскую помощь и одновременно рассказывал об отце, показывая боевые награды, и невольно в голову приходила мысль: «Так вот за что пришлось воевать нашим отцам и дедам. Значит, стоило идти в бой за Родину, за землю, за матерей и жен. И, конечно же, за детей, которые в старости будут рядом и оплатят за весь труд, вложенный в них».

НАРОДНЫЙ ПЕДАГОГ

Широко известному в нашей республике и Карачаево-Черкесии ученому-методисту и педагогу-исследователю, автору многих школьных учебников, учебных пособий, справочной и методической литературы на кабардино-черкесском языке, прекрасному организатору народного образования Аслану Кошевичу Эржибову в 2015 году исполняется 85 лет.

Родился он 10 августа 1935 года в живописном уголке нашей цветущей республики – в большом селении Урух, расположенном на правом берегу одноименной бурной реки. У его родителей было десять детей, однако до совершеннолетия дожили лишь пятеро.

Аслан в семье был третьим ребенком, у него было два брата и две сестры. Старший брат Султан и младший Александр – ученые-агрономы. Султан – заслуженный агроном РСФСР и КБАССР, заслуженный кукурузовод КБАССР, кандидат сельскохозяйственных наук, известный в стране селекционер, имеет 18 авторских свидетельств по выращиванию гибридных сортов кукурузы, автор 76 работ, в том числе 5 книг. Старшая сестра Афиян – активистка колхоза имени К. И. Ворошилова селения Урух. Младшая сестра Таужан – педагог с высшим образованием, проработала около 30 лет учителем русского и кабардинского языков и литературы в Нальчике. Она заслуженный учитель школы КБАССР, отличник народного образования РСФСР.

Детство и юность Аслана прошли в родном селении, здесь он в числе лучших учащихся в 1951 году закончил Урухскую среднюю школу. Во время учебы принимал активное участие в общественной жизни: был председателем учкома, старостой класса, литературного кружка, секретарем комсомольской организации школы, членом сборной команды по легкой атлетике (бегал спринт).

После окончания десятилетки два года работал в родной школе старшим пионервожатым и учителем рисования, являлся классным руководителем 6-го «А» класса, руководителем танцевального кружка школы, был на хорошем счету.

Педагогическая работа увлекла его и предопределила его дальнейшую судьбу. В 1953 году Аслан на «хорошо» и «отлично» сдал вступительные экзамены на русско-кабардинское отделение историко-филологического факультета Кабардинского государственного педагогического института и был зачислен с выплатой стипендии. С оценкой «три» тогда стипендию студентам не платили. Без стипендии он не имел бы возможности учиться.

Аслан Эржибов был примерным студентом, учился на «хорошо» и «отлично». Четыре года подряд он получал повышенную стипендию, и все эти годы его фотография висела на Доске Почета

пединститута. Он был членом бюро ВЛКСМ факультета, заместителем секретаря, секретарем факультетского бюро комсомола, членом профкома института, старостой первой группы курса, членом сборной команды института по легкой атлетике. В 1955 году в Ленинграде на стадионе имени С. М. Кирова, где проводилось первенство РСФСР по легкой атлетике среди вузов, в беге на 100 метров он занял третье место.

В 1958 году – после реорганизации пединститута в университет – Аслан Кошевич в числе лучших студентов закончил КБГУ и был направлен в Старо-Урухскую среднюю школу на должность учителя русского языка и литературы старших классов. Однако позже по рекомендации тогдашнего министра просвещения КБАССР Ф. Арсаевой был переведен в аппарат Министерства просвещения КБАССР на должность инспектора-методиста по учебникам и родному языку. В этой должности Аслан Кошевич проработал шесть лет (1958–1964), затем в другом отделе работал инспектором школ (1964–1967), заместителем министра просвещения КБАССР (1967–1980), директором Кабардино-Балкарского филиала Московского НИИ национальных проблем образования (1980–2003), доцентом кафедры начального и дошкольного образования КБГУ (2003–2006). Все эти должности взаимосвязаны между собой.

С 2006 года Аслан Кошевич находится на заслуженном отдыхе, однако продолжает активную творческую работу: пишет проблемные статьи на разные актуальные темы в местные газеты и журналы на кабардино-черкесском и русском языках, которые появляются на страницах местных газет («Адыгэ псалъэ», «Кабардино-Балкарская правда», «Советская молодежь», «Газета Юга») и журналов («Гуашхъэмахуэ», «Архивы и общество», «Литературная Кабардино-Балкария»); совершенствует ранее изданные им школьные программы, учебники и учебные пособия по кабардино-черкесской литературе для начальных (1–4) и старших (5–11) классов; сотрудничает в области истории, теории и методики преподавания кабардино-черкесской литературы со школами и Нальчикским педагогическим колледжем.

На всех участках трудовой деятельности он показывал образцы профессионализма и трудолюбия. Это факт, который очень трудно опровергнуть.

Являясь служащим аппарата Министерства просвещения КБАССР, Аслан Кошевич успешно занимался научно-педагогической деятельностью. Он является соавтором двух школьных программ по кабардино-черкесской литературе для начальных (1–4) и старших (5–11) классов; редактором школьной программы по русскому языку и литературе для 4–10 классов; автором шести школьных учебников для 2, 6, 7, 8, 10 (учебника и хрестоматии) классов; пяти монографий; четырех методических руководств к учебникам по кабардино-черкесской литературе для 2, 4, 5, 6 классов; пяти пособий по кабардино-черкесской литературе для внеклассного чте-

ния во 2, 3–4, 4–7, 5–8, 7–8 классах.

Общий объем созданных А. К Эржибовым работ составляет около 700 (семисот!) авторских листов. Если данное количество перевести на число книжных страниц, то в активе Аслана Кошевича будет 11 326 книжных страниц.

Кроме того, он является автором 396 газетных и 49 журнальных статей по истории, теории, методике преподавания кабардино-черкесской литературы в общеобразовательной школе, а также по организации народного образования в республике.

В разное время им отредактированы школьные программы на кабардино-черкесском и русском языках для начальных и старших классов; учебники, учебные пособия на кабардино-черкесском языке; учебные планы книжонками для служебного пользования; брошюры по комнатному цветоводству; сборники стихов на кабардинском языке.

В начале трудовой деятельности им отредактировано 56 грамматических таблиц на кабардино-черкесском языке для 5–9 классов и многое другое.

За плодотворную научно-методическую и педагогическо-исследовательскую деятельность Аслан Кошевич награжден орденом «Знак Почета», пятью медалями, Почетными грамотами Верховного Совета Кабардино-Балкарии и Дагестанской республики, Министерства просвещения РСФСР и КБАССР, ЦК профсоюза, ВЦСПС, обкома профсоюза работников просвещения РСФСР и КБАССР, значками «Отличник просвещения СССР», «Отличник народного образования РСФСР».

Аслану Кошевичу в 1973 году присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы Дагестанской АССР», что явилось знаменательным и радостным событием в его жизни.

Многие недоумевали, почему Эржибову присвоено это почетное звание? Данный секрет раскрывает текст Почетной грамоты, который гласит: «Уважаемый Эржибов Аслан Кошевич! За заслуги в деле обучения и воспитания дагестанских детей из районов, пострадавших от землетрясения 1970 года Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР Указом от 4 июня 1973 года присвоил Вам почетное звание Заслуженного учителя школы Дагестанской АССР».

А. К. Эржибов к своей работе всегда относился очень ответственно, этого требовал и от своих подчиненных, был вежлив в обращении с сослуживцами, уважительно относился к ним, потому и сам пользовался всеобщим уважением среди работников народного образования республики и всей общественности.

Заочно в Москве он закончил аспирантуру и в марте 1973 года в родном НИИ защитил диссертацию, став кандидатом педагогических наук. В 1980 году Аслан Кошевич с поста заместителя министра окончательно перешел на научно-исследовательскую работу. В 1990 году ему присвоено ученое звание старшего научного сотруд-

ника, что в вузе соответствует званию доцента.

В становлении и формировании А. К. Эржибова как личности важную роль сыграли такие замечательные люди, как Ф. Арсаева, Н. Багов, Х. Бербекев, Х. Гяургиев, Х. Дзасежев, М. Керефов, Г. Кешева, Дж. Коков, И. Темроков, Ш. Чеченов и другие.

У этих прекрасных людей многому можно было поучиться, и Аслан Кошевич успешно пользовался этим. Он часто говорил: «Если во мне есть что-то хорошее, то я этим обязан моему старшему брату Султану и тем замечательным людям, с которыми сводила судьба».

Было бы несправедливо не вспомнить школьных учителей Аслана: Елену Антоновну Баранову (5–7 классы) и Ольгу Ивановну Тогузаеву (8–10 классы). Именно они привили мальчику любовь к литературе, к знаниям, заложили прочную основу для получения глубокого и стабильного образования по всему гуманитарному циклу. Вспоминает добрым словом Аслан Кошевич и своих вузовских преподавателей: Р. Ф. Великанову, Е. М. Воронцову, С. В. Зуеву, М. М. Квитинского, В. Ф. Пипиниса. К великому сожалению, их уже нет в живых.

Трудовая деятельность истинно народного просветителя Аслана Эржибова, по моему глубокому убеждению, заслуживает внимательного изучения, квалифицированного обобщения и внедрения в практику. Его труды должны стать непреложным достоянием научной и педагогической общественности, чтобы и дальше служить делу обучения и воспитания молодежи, сохранения и дальнейшего развития родного языка.

РАЗВЕДЧИКИ

Командировка в столицу

Суровый 1942-й. Весна в тот год пришла рано, уже в середине марта поля покрылись зеленой травкой. По-летнему тепло, на небе ни единого облачка. Но красота природы сейчас не затрагивает души людей – идёт война, и многие семьи уже получили похоронки на отца, брата, сына...

Сводки Совинформбюро не радуют: разгромленные под Москвой фашисты с новой силой рвутся к столице нашей Родины.

В один из этих тревожных дней молодой комсомольский работник из Чегемского района Исхак Ахкобеков был вызван в обком комсомола. В кабинете секретаря обкома Хафисат Атакуевой он увидел знакомого парня из Сармаково – Токбаева, тоже комсомольского вожака. Девушка куда-то вышла, оставив их одних в кабинете.

– Нахата, и ты здесь? Не знаешь, по какому вопросу нас сюда вызвали? – проговорил Ахкобеков, пожимая руку товарища из Зольского района.

– Понятия не имею, раз пригласили нас сюда, значит, мы для чего-то нужны.

Их разговор прервала секретарь обкома, обратившись к ним приветливым мягким голосом: «Ну, мальчики, следуйте за мной!» Она их повела к секретарю обкома партии Зуберу Кумехову. Он встал, поздоровался с ребятами за руку и ошеломил их неожиданным сообщением: «Вы поедете в Москву – в Центральный штаб партизанского движения. Это всё, что я могу вам сказать. Остальное узнаете на месте...»

На грузовой машине ребята поехали в Орджоникидзе, там к ним присоединился молодой человек по фамилии Газаев. Не могу сказать по каким соображениям, но ребят почему-то отправили в Куйбышев. Оттуда поездом – в Москву. В кабинете первого секретаря ЦК ВЛКС Михайлова собралось 18 человек. Здесь им открыто сказали, по какому делу они вызваны в столицу. Через два дня ребят подвезли к большому дому на Ленинградском шоссе, где помещалась разведшкола.

...Приемная комиссия. Сидят трое в гражданской одежде. Принимают по одному. Их пропускают через три комнаты. На стене первой комнаты крупными буквами не то плакат, не то лозунг, трудно понять, написано: «Помните, немецкая разведка заставляет разговаривать голые стены». На стене следующей: «Подрывник ошибается только один раз». Третья предупреждает: «Если ты не убьешь фашиста, он убьет тебя».

Начиная тщательную проверку на пригодность к службе в разведке, за дело взялись врачи. Они установили, что парни с Кавказа – Исхак Ахкобеков и Нахата Токбаев – абсолютно здоровы, их серд-

цебиение после проверки нормальное. Итак, они стали курсантами первого отдела разведшколы, который готовил разведчиков для работы в тылу врага.

Встреча с легендарным Кузнецовым

Начались занятия. Начальник школы Илья Старинов прежде всего познакомил будущих разведчиков с преподавателями. Первой предстала перед курсантами красивая женщина средних лет – княгиня Волконская, преподаватель этики. Она обучала ребят и девчат (половина учащихся разведшколы были девушки, окончившие десятилетку) правилам поведения в обществе: как вести себя за обеденным столом, как держать ложку, вилку и т. д. Была организована встреча с известными писателями Фадеевым, Эренбургом, командирами партизанских соединений Ковпаком, Сабуровым.

Через два-три дня вместе со Стариновым в школу пришел мужчина высокого роста, крепкого телосложения. Начальник школы, обратившись к слушателям, сказал: «Познакомьтесь, начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко». Курсанты, все как один, встали и стоя приветствовали высокого гостя.

Пономаренко коротко рассказал о трудной и опасной работе разведчиков, требующей беспредельной стойкости, большого мужества и героизма. Выразил надежду, что выпускники этой школы с честью оправдают оказанное им доверие.

Затем, обратив взор к сидящим в зале, Пантелеймон Кондратьевич спросил: «Здесь есть кто-нибудь из Кабардино-Балкарии?» Ахкобеков и Токбаев встали. Пономаренко обратился к ним на кабардинском языке, что, конечно, не могло не удивить наших земляков. Он рассказал, что некоторое время жил в Зольском районе, там и научился кабардинскому языку. Знал Калмыкова, Гемуева и других известных людей Кабардино-Балкарии.

– Вот так, ребята! Вы можете считать меня своим земляком. Вы – горные орлы, и я надеюсь, что с честью и достоинством выполните свой долг перед Родиной. Не забывайте, что вы кавказцы! – сказал на прощание Пантелеймон Кондратьевич.

Что и говорить, до глубины души взволновали представителей Кавказа слова известного в стране человека. Ахкобеков и Токбаев, вдохновленные наставлением партизанского главаря, дали ему обещание, что они с честью выполняют порученное им задание.

Одновременно с учебой курсанты обязаны были нести караульную службу в помещении школы. Однажды, когда на посту стоял Ахкобеков, в длинном коридоре школы появился немецкий офицер в чине обер-лейтенанта. У Исхака перехватило дыхание, он не мог шевельнуть языком, лишился дара речи. Какой ужас! Гитлеровский офицер свободно ходит по коридорам школы! Не сон ли это? Тем временем немец медленно, уверенным шагом подходил к дневаль-

ному. Ахкобеков, насколько хватило духу, крикнул «Хальт!» и направил пистолет на невесть откуда взявшего врага. Не тут-то было, немец с быстротой хищного зверя набросился на дневального и его руку с оружием крепко придавил к столу. На шум выбежал начальник школы Старинов. Он куда-то отвел немца и через минуту-две вернулся к дневальному. Строжайше предупредил часового, чтобы тот держал язык за зубами. Никто не должен знать об этом инциденте.

Впоследствии Исхак и Нахата узнали, что немецкий офицер, который разгуливал по коридорам школы, был не кто иной, как легендарный разведчик Николай Кузнецов. Они гордились тем, что учились в той же разведшколе, где учился знаменитый Кузнецов. Срок его заброски в тыл врага истек, а он всё еще находился в школе. Задержка имела серьезную причину: Николай Иванович во сне разговаривал по-русски. Долго возились с ним, в конце концов добились того, чтобы он во сне говорил по-немецки.

Обер-лейтенант Пауль Зиберт, который среди белого дня расстреливал важных гитлеровских чиновников, и был Николай Кузнецов.

Охота на диверсантов

...Аэродром Тушино. Поползли слухи, что в районе стоянок самолетов ходят какие-то подозрительные люди. Начальство обратилось за помощью к Старинову. Курсанты разведшколы по его приказу поочередно ходили на дежурство в Тушино. Это было не столько помощью аэродромной охране, сколько проверкой курсантов в деле. Дошла очередь и до наших земляков.

Старинов никогда не разделял их, вместе посылал с любым поручением. Вот и в Тушино также они пришли вместе – Ахкобеков и Токбаев. Ночь темная, не видно ни зги, к тому же щедро лил дождь. Ребята зашли в крайний домик близ аэродрома. Кроме старухи никого там не было. Не раздеваясь, легли на полу.

– Трудно поверить, что найдутся дураки, которые в такую погоду выйдут из дома, – сказал Исхак перед сном товарищу.

– Как раз такая погода и нужна преступным элементами, – вставил своё слово Нахата.

Как в воду глядел Токбаев – третий их товарищ, дежуривший у дома, сообщил, что по направлению к аэродрому движутся три тени. Исхак и Нахата быстро поднялись, они были вооружены пистолетами и ножами. Диверсантов было трое. Они шли, укрывшись брезентовыми куртками. Их брат будет нелегко, ведь на диверсию посылают подготовленных, хорошо владеющих приемами рукопашной схватки.

Ахкобеков как старший наряда решил открыто встретить врагов. Он с двумя товарищами шагнул навстречу незванным гостям и громко крикнул: «Руки вверх!» Но те не подчинились. Пришлось

стрелять, двоих убили, одного взяли живьем. Говорили, что диверсанты, засылаемые в наш тыл, в основном русские предатели, а этот, которого Ахкобеков с товарищами привел к Старинovu, оказался чистокровным немцем.

Начальник школы перед строем курсантов объявил им благодарность.

Четверо с неба

Вот и настал долгожданный час прощания со школой. Четверо разведчиков – Исхак Ахкобеков, Нахата Токбаев, Александр Сергеев и Александр Поляков – темной ночью на «Дугласе» полетели в Белоруссию в тыл врага с особым заданием. В Гомеле немцы подготовили списки пяти тысяч человек для отправки на работу в Германию. Необходимо было эти списки уничтожить. В условленном месте разведчики один за другим покинули самолет. Внизу горели костры. Все приземлились удачно, недалеко друг от друга. Согласно ранее разработанному плану ребята несколько дней находились в отряде Константина Заслонова. Там у опытных разведчиков ребята прошли краткосрочную стажировку подпольной работы во вражеском тылу. Научились многому, в том числе пользоваться магнитными минами.

Переодевшись в старую красноармейскую форму, выдавая себя за окруженцев, желающих сдаться в плен, разведчики добрались до Гомеля. Недалеко от здания биржи труда, где готовились списки людей, подлежащих отправке в Германию, находилась сапожная мастерская, в которой разведчики устроились на работу. Ребята спешили, со дня на день немцы могли увезти обездоленных на чужбину. Днем и ночью следили за зданием биржи труда. Установили порядок смены часовых, время их нахождения на посту. В результате узнали одну очень важную деталь – биржа охраняется не очень строго. Видимо, немцев успокаивало то, что Гомель – глубокий тыл, вряд ли дотянется сюда рука противника. Тем не менее дотянулась.

Под покровом ночи разведчики подкрались к зданию биржи, часовых не было видно. Всё надо было делать очень быстро и без шума. Ахкобеков и Токбаев с канистрой бензина и магнитной миной вошли в дом. Поляков и Сергеев остались у порога, один возле дверей, другой чуть дальше. Прикрепив к сейфу магнитную мину и облив пол бензином, Исхак и Нахата выбежали во двор, и все четверо исчезли в темноте. Было за полночь, когда оглушительный взрыв разбудил всех спящих, и пламя горящего дома осветило всю округу. Немцы всполошились, забегали туда-сюда, не зная, что предпринять. Деревянный дом в считанные минуты превратился в пепел. Разведчики довольные, списки уничтожены, задание выполнено.

С рассветом гитлеровцы устроили широкую облаву. Обшарили все дома, все углы и закоулки, всех, кто попадался, стариков, женщин, детей, согнали на городскую площадь и выстроили в шеренги.

Все четверо наших разведчиков также оказались в этом смертном строю. Фашистский офицер, широко расставив ноги перед обреченными, объявил: если не выдадите тех, кто поджег дом биржи труда, каждый десятый будет расстрелян. Люди молчали. Он ещё раз повторил сказанное и, не получив ответа, приступил к кровавому действию. Держа в руках парабеллум, стал считать: один, два, три, четыре... Десятому выстрелил в голову. Снова считает: один, два, три, четыре, пять... Какой ужас! Ахкобеков десятый! Вдруг рядом стоявшая старая женщина передвинулась чуть вправо и стала на место Исхака. Так она стала десятой и, получив пулю в лоб, упала под ноги Ахкобекова. Остальным ребятам повезло: ни один из них, к счастью, не был десятым.

Привести приговор в исполнение

С чувством исполненного долга разведчики вернулись в Москву. Здесь их ждали с нетерпением. Дело было неотложное. Известный всей стране знаменитый разведчик полковник Мамсуров подготовил спецгруппу из тридцати человек для поездки на Северный Кавказ. Двенадцати из них было поручено пробраться в оккупированную гитлеровцами Кабардино-Балкарию

Эту группу возглавлял майор Хижняк. Ему вручили запечатанный пакет со строгим предупреждением – вскрыть только по прибытии к месту назначения.

1 декабря 1942 года группа Хижняка, в которую входили наши земляки Ахкобеков и Токбаев, высадившись из самолета в Баку, на автомашинах прибыла во Владикавказ. Оттуда разведчики на лошадях, минуя населенные пункты, добрались до Вольного Аула. Здесь Хижняк вскрыл пакет, в нём были обозначены фамилии и имена девяти человек, приговоренных военным трибуналом к смертной казни за измену Родине. Разведчикам предстояло их ликвидировать.

Но, к сожалению, они не смогли привести приговор в исполнение, вернее, не успели. Немецкие войска спешно отступали, а их холуи раньше своих хозяев унесли ноги.

После этой несостоявшейся операции разведчики в составе 2-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии освобождали от врага территорию Кабардино-Балкарии. В районе Малки пять дней шли жестокие бои, в которых участвовали Ахкобеков и Токбаев.

...Они снова на приеме у Кумехова. Первый секретарь обкома горячо поздравил ребят с успешным выполнением боевого задания Родины и сообщил, что они отозваны из армии для продолжения комсомольской работы в республике. В этот момент в кабинет входит Мамсуров и говорит: «Да, мы так решили...»

Да будет земля ему пухом, Нахата Токбаев, к сожалению, рано ушел из жизни. Сармаковцы должны гордиться своим земляком, верой и правдой служившим Отечеству.

Ахкобеков, к счастью, жив и сегодня. Много лет проработал

в партийных и советских органах Чегемского района. Часто вспоминает товарищей по разведшколе, искренно сожалеет, что Нахата Токбаев так мало прожил на этом свете.

Хочу привести один эпизод из воспоминаний бывшего разведчика. Ахкобеков отдыхал в Кисловодске. Его поместили в двухкомнатный люкс. Он, по натуре общительный человек, хотел, чтобы рядом был кто-то. Одному скучно, не с кем пообщаться, побеседовать. Возвращаясь с вечерней прогулки по парку, сам себе говорит: нет, так нельзя, завтра же попрошу, чтобы меня перевели в однокомнатный номер или поселили ко мне кого-нибудь. Открыв дверь, Исхак обрадовался – на второй кровати кто-то лежит. Слава Богу, вдвоем будет веселее.

Познакомились, хотя они давнишние знакомые, пока этого не знает ни тот, ни другой. Ведь прошло тридцать лет после войны.

Вдруг новый сосед чуть приподнялся и говорит: «А я вас знаю». Исхак был крайне удивлен.

– Вы, наверное, путаете меня с кем-нибудь, я вас никогда не видел, – промолвил Ахкобеков.

– Напряги память и вспомнишь.

– Увы, нет, не помню.

– Тогда слушай. Я Алексей Иванович Петров, тот летчик, который в 1942 году темной ночью на «Дугласе» вёл группу разведчиков в тыл врага. Вы были в этой группе. Почему я вас запомнил: во-первых, по кавказской наружности; во-вторых, когда ваши товарищи покинули самолет с парашютами, вы как-то замешкались у люка, тогда вас толкнули в спину.

– Да, было такое дело, – подтвердил Исхак, и бывшие фронтовики дружелюбно обнялись.

СИЯНИЕ ВЕЧНОСТИ

*Цель сотворения человека –
в приведении его к
совершенству и вечности.*

«И-Цзин» (Бааль Сулам, «Книга перемен»)

Народному писателю Осетии, поэту, драматургу, публицисту, литературоведу, переводчику, академику, главному научному сотруднику Югоосетинского НИИ им. З. Н. Ванеева, доктору филологических наук, члену-корреспонденту Академии наук Грузинской ССР, лауреату премии «Яблоко нартов» Нафи Григорьевичу Джусойты исполнилось 90 лет. Художник высокой гражданской позиции, он в своих произведениях с особо пристальным вниманием рассматривает непростые национальные и интернациональные отношения, глубоко переживая судьбу и жизнь России, её многоязычных народов.

Нафи Джусойты – автор 500 научных работ и художественных произведений объемом около 700 печатных листов. Это исследования (монографии, учебники, справочники), художественные произведения (романы, пьесы, повести, очерки, рецензии, статьи по художественному переводу), которые внесли огромный вклад в национальную культуру. Наиболее известны и популярны циклы исторических романов и повестей, которые охватывают время от скифской эпохи до XIX в.: от эпоса периода военной демократии до первых осетинских просветителей конца XVIII и начала XIX в. Другой цикл – посвящен современной истории осетинского народа.

Известны также и его художественные переводы.

Нафи Джусойты перевел на родной язык стихи М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, произведения Ф. И. Тютчева, А. А. Блока, Софокла, Шекспира. Огромен диапазон блестящего переводческого творчества Н. Джусойты. Щедрый талант Нафи Григорьевича ярко проявился в его поэзии и прозе.

Поэтический мир Нафи Джусойты сложен и многогранен, и трудно войти в него без литературоведческого сопровождения и без знания осетинского языка. Но когда войдешь в этот мир, сразу увлекаешься красотой и благородством поэтической мысли и чувства, сиянием гор, ощущением величия мира и человека в нём, которое вселяет в сердце веру и любовь.

Мир Нафи Джусойты сложен и многослоен. В нем есть и горе, и скорбь, но чувствуешь себя свободно, как в родных горах. И вселяется в сердце надежда, что с Нафи Джусойты можно пересилить любую боль, любое горе и выйдешь к свету, к солнцу.

Нафи Джусойты вернул поэзии подлинный лиризм откровения и мысли: *«Пусть осаждает жизнь меня упорно. Я не укроюсь за хребтами гор»*; *«Я – сын немногочисленного рода»*; *«Народ мой мал, но горд и правомочен не менее великого народа»*.

Кайсын Кулиев, друг и соратник по перу, верно подметил главную особенность лирики поэта: «Он глубоко чувствует неповторимость облика родной земли, хорошо знает характер своего народа, его исторические судьбы и умеет говорить о них по-своему, образно и проникновенно... В стихах поэта живут смелые и благородные люди, готовые на подвиг, готовые в любую минуту помочь другим, люди труда, с чистым сердцем и совестью, глубоко уважающие радость и горе других».

Основной мотив лирики Нафи Джусойты – мотив унаследования моральных заветов предков, который расширяется в мотив исторической памяти, в то, что пережили и чувствовали прошедшие поколения.

В любовной лирике поэта лирический герой предстает как рыцарь с чувством обязанности и вечной вины перед женщиной, с её жертвенностью и ответственностью за любовь. В поэзии Нафи Джусойты развиваются и другие темы: тема «малой родины», тема «поэта и поэзии», тема «судьбы», тема «старости и детства».

Неистребимое пристрастие поэта к горам, горному пейзажу – в описаниях невыразимо прекрасной Осетии, а также в своеобразном поэтическом голосе, по которому безошибочно узнаешь горца, кавказца. Это особый нравственный акцент, особый сплав мягкости и мужества, природной доброты и застенчивой скромности.

Вся поэзия Нафи Джусойты пропитана духом осетинской истории, а мысль его строго исторична. Он всегда, обращаясь к общественным явлениям, ясно видит их причинно-следственные связи в динамической протяженности.

Если в поэзии Нафи Джусойты судьба народа отражается через призму субъективного мира лирического героя, то в прозе – через объективные картины жизни. Историческая память, историческое прошлое – это возвращение к детству человечества. Нафи Джусойты исследует процесс исторического взросления человечества – от детского восприятия мира.

Лирико-философское эссе Нафи Джусойты «Песня на два голоса» – одна из лучших в творчестве писателя, имеет глубокий гуманистический и культурный смысл. Историческая память, сочетающая свое прошлое и будущее, живет в самосознании народа, и благодаря такому слиянию народ достигает духовной зрелости.

Значительные изменения, произошедшие в нашей стране в последние десятилетия, позволили ученым и писателям ознакомиться с неизвестными архивными материалами и историческими фактами, прежде всего связанными с Кавказской войной, изображение которой в современных произведениях стало обретать качества объективности.

В 40-50-е годы XX века в литературе появились негативные тенденции отрицания исторического прошлого осетинского народа. В произведениях этого периода воспевались достижения социализма, утверждалась партийная идеология, использовались контрастные описания картин темного прошлого и светлого будущего. В этой ситуации Нафи Джусойты в центральной печати защищал народные традиции, что вызвало негодование в партийных кругах, и литературные власти ополчились против непокорного писателя. Именно в напряженной политической атмосфере создавался исторический роман «Кровь предков» (1965).

Его исторические произведения – художественное переложение истории осетинского народа. Нужно было иметь гражданское мужество, чтобы преодолеть требования официальной идеологии и обратиться к теме Кавказской войны. Из множества нравственно-философских проблем в качестве главной выделяется проблема моральной оценки трагического исхода осетин в результате Кавказской войны. Именно в художественном осмыслении темы войны наиболее ярко и глубоко обозначились нравственно-философские ориентиры в эволюции национального самосознания. Вехи её развития обозначены, имена северокавказских авторов и названия произведений, в том числе роман «Кровь предков», к началу XXI века стали знаковыми.

Произведение Нафи Джусойты, обращенное к теме Кавказской войны, положило начало гуманистическому осмыслению важнейшей вехи истории осетин, воссозданию процесса пробуждения патриотического сознания народа.

Роман «Кровь предков» – своеобразная эпическая драма. Главная сцена – земля, на которой живут осетины, действующее лицо – народ, на фоне повествования о нём крупным планом изображено целое поколение кавказского и русского общества. Отсюда и полифоничность романа, так как в нем нашли отражение события и люди как из далекого горного аула, так и царского двора, простые крестьяне, министры и крупные военачальники. Масса людей разных социальных групп, возрастов и национальностей взаимно связана темой войны на Кавказе с ее разноречивыми оценками.

В романе «Кровь предков» речь идет о событиях 1830 года – периода окончательного покорения и усмирения Осетии царским самодержавием.

Писатель в своем первом историческом романе создал достоверную картину народной жизни, связанные с карательной экспедицией генерала Ренненкампа в ущелья Южной Осетии. Кроме установления колониального режима, царизм преследовал еще одну цель: укрепление позиций в важном военно-стратегическом районе, обеспечивавшем связь с Закавказьем – Военно-Грузинскую дорогу. Нафи Джусойты показывает широкую панораму горской действительности, борьбу осетинского крестьянства за свою честь и достоинство. Есть в романе пролог, в котором горы обрели символиче-

ский характер и принимают участие в действии романа, как в древнегреческих трагедиях, сопровождавшихся песнями, являющихся увертюрой к произведению. Эпилог романа трагичен. Фольклорные героические песни вплетены в художественную ткань романа «Кровь предков» и служит автору выявлению исторической и художественной правды. В романе показана широкая панорама военных действий, которая составляет основную часть произведения.

В жанровом отношении исторический роман Нафи Джусойты «Кровь предков» может характеризоваться как роман-судьба, окрашенный философским осмыслением самого сложного и трагического этапа в жизни горцев Южной Осетии. Вместе с тем, «Кровь предков» можно причислить к жанру панорамного романа, так как в нем историческая судьба народа широко, многомерно исследуется с позиции гуманизма.

Нафи Джусойты показывает национальные характеры людей, которые прежде всего дорожат своей честью и свободой. Таковы герои романа – Ака, Бега, Кандил, Солтан, Бабе, Кулой, Темла. Ака – самый старший и самый любимый автором образ, он похож на обломок скалы. Внешне очень суровый горец, но на самом деле – веселый и добрый человек, он очень похож на фольклорных героев. Его сыновья – Ака и Бабе под стать своему отцу. Ака воспитал своих любимых сыновей согласно кодексу горцев, которому он сам следовал неукоснительно. Он напоминают нам героев эпоса. Бега, любимый племянник Ака – истинный потомок нартов, Ака относится к нему как к родному сыну, ценит его силу, мужество и юмор. Всех героев романа объединяет стремление к свободе и справедливости. В романе есть привлекательный образ русского солдата Орлова, который перешёл на сторону повстанцев.

Помимо этого в романе действуют сотни безымянных героев, чьи судьбы воспроизводит писатель и наблюдает за их движением в конкретной исторической обстановке. Все герои романа ощущали драматизм безвыходного положения, но стояли за свободу и честь до конца. Они пытались спасти себя, свой народ, свою землю, но их трагическая участь была предрешена ходом самой истории.

Таким образом, проблема Кавказской войны, притянувшая писателя Нафи Джусойты, отразила переломный этап истории осетинского народа. Главные вопросы: о сущности духовных качеств человека, участвующего в освободительной борьбе, влияние драматических коллизий войны на нравственный мир людей, проблема нравственного выбора, ответственности человека за мир и благо близких, рода, племени, всего народа – были поставлены и обрели философское звучание.

Людмила ЗАГАШТОКОВА,
заслуженный работник культуры КБР,
член Союза писателей РФ

ВОЕННЫЙ ПУТЬ МОЕГО ОТЦА

Х. И. Бозиев

Весной 1941 года им было по девятнадцать лет. Они были счастливы, ожидая своего первенца. Радость жизни переполняла их души. Молодость, счастливая совместная жизнь двух любящих сердец, планы на будущее, задорный счастливый смех... И всё это оборвалось в один миг. 24 июня 1941 года он ушел на фронт в 530-й запасной стрелковый полк, дислоцированный в Грозном, в качестве стрелка.

Так начался военный путь моего отца – Хамзета Исуповича Бозиева, из селения Аргудан Лескенского района Кабардинской АССР, оставившего жену, которая носила под сердцем их первенца.

20 декабря 1941 года отец был зачислен курсантом в Урюпинское пехотное училище СКВО. 13 мая 1942 года, после окончания курсов, его назначили командиром стрелкового взвода в 361-м стрелковом полку 2-й Гвардейской строевой дивизии Северо-Кавказского фронта.

3 декабря 1943 года Хамзет Исупович был тяжело ранен при взятии города Керчь в правый глаз и был отправлен на лечение в эвакогоспиталь № 5431, который находился в Пятигорске...

Отец не любил рассказывать про войну. Очень редко мы слышали его воспоминания. Было видно, что ему тяжело говорить о своем военном пути и о своих однополчанах. Стесняясь своих слез, он прерывал начатый разговор. Папа считал своим вторым днем рождения 9 мая 1945 года. И мы, его дети, всегда окружали его в этот день. За мужество, проявленное на фронте, его наградили орденом Красной Звезды (№ 3592016), многочисленными медалями и знаком «Победа в Великой Отечественной войне».

Отец вернулся с войны, оставив на поле боя под Керчью правый глаз. Но он вернулся и смог обнять своего первенца, который родился 11 марта 1942 года, а потом родились мы. Один из сыновей, Аскербий, погиб после войны от взрыва мины – её нашли дети в поле и взорвали.

Осколки этой мины до сих пор носит под сердцем наш старший брат Хасанбий, который чудом остался жив, ему оторвало пальцы

на руке и ноге, а осколки под сердцем врачи не решились убрать, был слишком большой риск для жизни. Ему было суждено жить, и он «выжил всем смертям назло». Окончил Орджоникидзевский финансовый техникум, а потом и институт. Много лет он работал начальником Налоговой службы города Нальчика. В данное время подполковник Налоговой службы Хасанбий Хамзетович Бозиев на пенсии, живет в Нальчике.

Отец ушел из жизни 25 января 1981 года. А мы, его дети, – Хасанбий Бозиев – 1942 г.р., Марина Бозиева – 1947 г.р, Люда Загаштокова-Бозиева – 1950 г.р., Асланбий Бозиев – 1953 г.р, Барасбий Бозиев – 1960 г.р., Хасби Бозиев 1962 г.р., и многочисленные внуки и правнуки стараемся быть достойными нашего отца, деда, прадеда. Эти стихи я посвятила памяти моего отца Хамзета Исуповича Бозиева.

Увечье

Не знаю, отец, на какой ты земле
Себя ощутил вдруг во мгле...

Лишь знаю о том, что оставило след:
Нешадное пламя, укравшее свет,

Пустую глазницу всё жжёт до сих пор,
Остаться увечным – судьбы приговор.

И всё же ты то, что не мог увидеть,
Способен был светом души отыскать!

Я от всей души поздравляю оставшихся в живых наших дорогих ветеранов, детей войны с 70-летием победы над фашистской Германией! Желаю всем крепкого здоровья, чистого неба над головой, внимания и понимания близких людей.

И В БОЯХ, И В ТРУДЕ...

Т. Бозиев

На той войне один день был равен веку, один миг стоил целой жизни. И потому любой человек, который прошел этот путь, достоин зваться героем. Это сказано о них, защитивших нашу землю от фашистской чумы.

Совсем мальчишкой ушел на фронт из родной Жемталы Тахир Бозиев. До этого успел поработать на Нальчикском маслозаводе рабочим, одновременно учась в политпросветшколе. А с февраля по 1 декабря 1940 года он – курсант аэроклуба в Нальчике, один из лучших и бесстрашных. До войны оставалось полгода...

Стойкость юного кабардинца не была напускной, она имела глубокие корни и начиналась с трудного детства. Ему было шесть лет, когда умер отец. Шестеро малолетних детей остались на руках матери. Она не выдержала удара, слегла, и после двух лет тяжелой болезни ушла из жизни. За старших в семье остались сестра Халимат и брат Канокко, которые ненамного были старше самого Тахира. Соседи жалели осиротевших детей, но сами они, вмиг повзрослевшие, не рассчитывали ни на кого, а затянули пояса потуже и стали выживать. Конечно, помогали и родственники, и соседи, кто чем мог. Сами дети стали работать в колхозе, добывать себе хлеб.

Окончив семилетку в сельской школе, Тахир уехал на работу и учебу в Нальчик, и вот тогда-то ему улыбнулось счастье. Кто из мальчишек не мечтал летать? Аэроклуб он стал посещать, еще учась в политпросветшколе. А по окончании школы так и остался в клубе – по-настоящему учиться на летчика.

Минутами наивысшего счастья для курсантов были самостоятельные подъемы в воздух. Но они же были и самыми волнительными, как для самих ребят, так и для инструкторов. «Ведь с самолетами в воздухе могло случиться все что угодно, а у курсантов не было ни парашютов, ни связи для переговоров с землей, – вспоминал Хаиль Жигунов, в те годы начальник аэроклуба. – Но полеты проходили без происшествий, курсанты взлетали и садились. А мы, как водится, с трепетом следили за каждым взлетом и посадкой».

Начальник аэроклуба рассказал об одном полете, который он запомнил на всю жизнь. Все начиналось нормально. В воздух поднялся курсант Тахир Бозиев, с ним еще один парень по фамилии Чеченов. И вдруг на глазах наблюдавших у самолета отвалилось одно колесо на шасси. Конечно, началась паника: скоро надо будет

садиться, а как? И помочь нельзя ничем.

Тут кто-то предложил: натянуть по одной стороне посадочной полосы толстый канат, как опору для крыла. Самолет сможет какое-то время бежать по трассе, не заваливаясь, до снижения скорости. Держать концы каната будут человек двадцать самых дюжих ребят. Но мы сразу отказались от такой идеи. Ведь, спасая двоих, можно было положить десятки жизней.

Пока мы совещались, самолет сделал круг и пролетел над нами, и из кабины упал какой-то белый предмет. Подняли – листок бумаги, в который для веса завернули медную монету. Читаю вслух: «Товарищ начальник, я знаю, что случилось, не переживайте, я смогу сесть». Все всполошились еще больше. Что он собирается делать? Как возможно на одном колесе посадить самолет?! Делать нечего, руководитель полетов дал с земли сигнал – разрешение на посадку. Мы тут всех подтянули – скорую помощь, пожарных. Оставалось следить за посадкой, затаив дыхание.

И вот Бозиев снизился. Самолет коснулся земли уцелевшим колесом, раза два подпрыгнул и покатился дальше – на одном колесе. И на самом конце полосы накренился на крыло – и остановился! Как было тут не вспомнить о легендарном летчике Коккинаки, который посадил на одном колесе истребитель И-16. Я о нем уже говорил своим воспитанникам.

С Тахиrom мы обнялись, будто не виделись целую вечность. И он мне говорит: «Знаете, товарищ начальник, когда я понял, что колесо упало, я сразу вспомнил о Коккинаки, про которого вы нам рассказывали».

За смелость и находчивость, проявленные в экстремальной ситуации, Тахиру Бозиеву тогда объявили благодарность от управления авиации ОСОАВИАХИМ СССР. Вскоре курсанта без экзаменов зачислили в Сталинградскую авиаистребительную школу. Окончил ее в апреле 1942 года. И вот Бозиев на фронте: ему двадцать лет, он в звании старшины роты стрелкового полка № 753. Так начался его фронтовой путь... Правда, вопреки ожиданиям, он попал не в авиацию, а в сухопутные войска. В военном активе нашего земляка – участие в Сталинградской битве. В 1943 году – памятная Орловско-Курская дуга, освобождение Орла, Смоленска, Орши.

Какой день более других запомнился фронтовику? Трудно сказать. Потому что каждый день стоил целой жизни. Вот один из них. Группа бойцов, среди которых был и Бозиев, выдвинулась в атаку на укрепления фашистов. Бой был жестоким. Немцы отстреливались сплошным огнем, но нашим удалось преодолеть линию и прорваться к окопам врага. Много фашистов уничтожили в том бою, немало polegло и наших солдат. Уцелевшие в бою вернулись к своим, прихватив немецкого офицера в качестве «языка». Командир части объявил, что за этот подвиг подаст рапорт о награждении орденом Красного Знамени всех членов группы, и Бозиева в их числе. Однако Тахир не дождался награды: через два дня его тяжело ранило, и

он попал в госпиталь. После выздоровления был откомандирован в другую пехотную часть.

Период наступления для советской армии был не менее трудным. Тахир Бозиев вспоминал один из боев на этом пути освобождения, который и стал его последним боем в этой войне:

– Немцы заняли круговую оборону. Эшелоны тянулись сплошной полосой. Все выгодные позиции были заняты врагом, и наше расположение было видно им, как на ладони. Наши позиции находились в низине, в болотах, и ни одной высоты в распоряжении! Нас обстреливали, рядом взрывались снаряды и мины. И это было самое страшное. Я не о смерти говорю – на войне как на войне. Но в бою знаешь, куда и ради чего идешь на смерть. А тут – неожиданная и нелепая смерть...

По приказу командования был образован разведбатальон, который должен был прорвать оборону противника и добыть информацию о расположении огневых точек немцев. Бозиев был в этом авангарде.

– Если есть ад на земле – этот день можно было назвать адом, – рассказывал Тахир спустя много лет. – Едва мы выдвигались – фашисты открывали по нам шквальный огонь. Им виден был каждый наш шаг. Неся потери, мы все же продвигались вперед, то поднимаясь в атаку, то бросаясь на землю. И вот мы в последнем окопе перед линией врага. Казалось бы, еще немного... Но тут находившийся рядом танк подбили термитным снарядом, и осколок угодил мне в голень, раздробив кость, и в левый плечевой сустав. Потемнело в глазах, и подумать я успел только об одном: смогу ли еще раз взглянуть на родное село с зеленого холма... И все. Ребята вытащили меня с поля боя, очнулся в полевом госпитале. Ногу обработали, потом перевели меня в госпиталь в Орехово-Зуево, и там я провалялся довольно долго...

За проявленный в своем последнем бою героизм Тахир Бозиев был награжден медалью «За отвагу». После выздоровления он просился обратно на фронт, но медкомиссия решила иначе. Теперь его ожидал другой фронт – трудовой.

Истерзанное немецкими оккупантами село предстояло восстановить, залечить раны родной земли. И Тахир взялся за дело с тем же рвением, что проявлял на поле боя. Заведовал сначала колхозным складом, потом занял пост заместителя председателя. В 1946 году возглавил партийную организацию колхоза и проработал в этой должности шесть лет. В любом деле он был в гуще событий, как это было в недавнем боевом прошлом. Послевоенная жизнь налаживалась со скрипом. Бозиев рассказывал, как в одну весну колхоз остался без семенного фонда – нечем было засеять с таким трудом вспаханные поля. И ему пришла спасительная мысль – собрать в лесу кедровые орехи, продать их на базаре и закупить семена. Все село вышло на сбор. Благодаря крестьянской смекалке колхоз в том году не остался без урожая.

1952 год. Тахиру Бозиеву доверяют новую должность – председателя колхоза «Заря коммунизма». Это были очень тяжелые годы, но Бозиев не привык сдаваться – колхоз нужно было в буквальном смысле вытягивать. И пусть все чаще давали о себе знать старые раны, боль не могла остановить человека, который привык всегда быть первым.

Дальше – отстающий леспромхоз в Бабугенте. В продукции этого хозяйства крайне нуждались все организации, занятые преодолением послевоенной разрухи. Тахиру Бозиеву и здесь удалось наладить работу. Следующий этап – Лескенское механизированное лесное хозяйство, куда он был назначен директором. Только успел получить хорошие результаты и собирался немного перевести дух – его бросают на другой провальный участок – ОРС «Водстрой». К его приходу товарооборот организации составлял 900 тысяч рублей, продукция пылилась на складах. Прирожденному бойцу было не привыкать, и он вновь засучил рукава. Результат – размер товарооборота вырос до 4 300 000 рублей! Министерство мелиорации СССР торжественно вручило некогда отстающему хозяйству переходящее Красное знамя. А в активе организации уже было переходящее Красное знамя от Министерства мелиорации РСФСР, еще ранее – КБАССР.

Война оставила неизлечимые раны в душе и на теле этого человека. Но они не сломили его боевой дух. Он вырастил достойных детей, которые нашли себя в этой жизни, обзавелись хорошими семьями. На почетном месте в семье фронтовика хранятся дорогие сердцу награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны», «Ветеран труда», многочисленные юбилейные медали в честь Дня Победы

Не это ли называется счастьем: и землю от врага защитить, и на войне уцелеть, и успеть вырастить детей и внуков? А главное – суметь быть первым всегда, в бою и в труде. Таким и оставался Тахир Бозиев до конца своих дней.

НЕ КОМАНДОВАТЬ, А РАБОТАТЬ В КОМАНДЕ

С. В. Пшибиева

Кандидат медицинских наук. Диссертация на тему «Научное обоснование мероприятий по совершенствованию деятельности медицинских сестер амбулаторно-поликлинических учреждений (на примере Кабардино-Балкарской Республики)» выполнена в Российском государственном медицинском университете Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию. Защита состоялась на заседании Диссертационного совета при Государственном учреждении Научный центр здоровья детей РАМН.

Окончила КБГУ, работала врачом-терапевтом в г. Горьком, врачом выездной бригады станции скорой помощи г. Нальчика, заведующей отделением скорой помощи в Терской центральной районной больнице. С 1997 года – главный специалист Министерства здравоохранения КБР. В 2003 году перешла на работу в аппарат Совета безопасности КБР. С 2004 года является директором медицинского колледжа Кабардино-Балкарского госуниверситета.

Лауреат всероссийского конкурса «100 лучших средних специальных учебных заведений России» в номинации «Директор года – 2007».

Награждена почетными грамотами КБГУ, Министерства труда и социального развития КБР, Министерства здравоохранения КБР, Парламента КБР, Министерства образования и науки Российской Федерации, Президиума Российского Красного Креста, благодарственной грамотой секретаря ПС КБРО партии «Единая Россия».

Награждена нагрудным знаком «За верность выбранной профессии» Международной наградной палаты, член Общественного совета при Управлении внутренних дел г. Нальчика.

Воспоминания о сказке

«Огромная благодарность всему преподавательскому составу Нальчикского медколледжа КБГУ, особенно директору Пшибиевой С. В. и в прошлом моему куратору группы Шаривовой И. М. Годы учебы оставили неизгладимый след в моей душе, наградив массой приятных воспоминаний. Лекции, семинары, практические занятия проходили очень интересно. Помимо основного учебного процесса была уйма мероприятий, приуроченных к самым разным праздникам.

Все ждали их с нетерпением...»

Тёплых благодарных слов от бывших студентов немало на сайте учебного заведения и соцсетях. Вот другая выпускница пишет: «В жизни каждого человека есть особые события, о которых вспоминаешь с удовольствием. Жаль, что всю прелесть этого периода понимаешь только спустя какое-то время, и тогда очень хочется вернуться в прошлое. Но, увы, чудесные превращения и удивительные перемещения существуют лишь в старых добрых сказках».

С главным «сказочником» медколледжа – директором Светланой Пшибиевой – удалось поговорить только после работы, поздно вечером.

Профессионалы

«Коллектив у нас замечательный, люди работают профессиональные, они-то и определяют успех дела. Большинство, конечно, женщины. Бывают и эмоции, и слёзы, но мы друг друга понимаем, ведь давно работаем вместе.

Все как один мобилизуются, когда надо выполнить задание, реализовать очередной проект. Я благодарна коллегам за понимание важности нашей миссии – как преподавателей, так и воспитателей. Одна я, конечно, ничего не сделаю. Трудовой и студенческий коллектив – более сотни преподавателей, свыше 1200 студентов – вот сила.

Наши преподаватели всю душу вкладывают в студентов. Готовят прекрасные презентации к занятиям. Все наглядно, занимательно, увлекательно. Успевают и наукой заниматься, печатаются в научных журналах. Очень интересные конференции проводят со студентами. Наши студенты принимают участие в научно-исследовательских студенческих конференциях медицинского факультета и занимают призовые места. А какие тематические вечера готовят преподаватели вместе со студентами!

Не только не позиционирую, но и не чувствую себя кабинетным чиновником. Просто я рядом, вместе с ними, со своими коллегами. Приказаний отдавать не надо – они всё понимают без давления, без окрика. У нас не принято командовать и быть большим начальником. Мы привыкли к дружескому стилю отношений. И у ректора Кабардино-Балкарского госуниверситета Барасби Сулеймановича Карамурзова такой же стиль общения с подчиненными, независимо от того, какую должность человек занимает. Сотрудники ценят такое проявление уважения и к личности подчиненного, и к его труду.

Уже одиннадцать лет я директорствую. Бывает, конечно, и тяжело. Порой не знаешь, как в конкретном случае правильно поступить. Слова не всегда доходят до сознания нерадивого студента, приходится принимать административные решения. И извиняться иногда случается, если чувствуешь, что была неправа. Я этого не стесняюсь, от этого бедней не становишься.

Работа нравится, и основная ее часть – это общение с людьми.

Если начать авторитарно с ними разговаривать, вряд ли что-то хорошее получится. Все наши преподаватели – высокообразованные, духовно развиты, культурные, уважаемые люди. С ними приятно общаться и делать общее дело. Полагаю, что нужно не командовать, а в команде работать».

Женщина-руководитель

По армейским меркам численный состав колледжа – целый полк, а директор, соответственно, полковник. Руководство таким большим коллективом – нелёгкая задача. Светлане Пшибиевой она как раз по плечу.

«Такое сравнение с воинским подразделением не приходило мне в голову, но, наверно, оно по сути верное. Только погон работникам колледжа не хватает.

Скажу о тех женщинах-руководителях, кого знаю лично. На мой взгляд, они, в сравнении с большинством «должностных» мужчин, более сердечные, что ли, более душевные. Если мужчина по сути своей достаточно авторитарный, прямолинейный и непреклонный, то женщина умеет где-то промолчать, может быть даже слукавить (не во вред делу, конечно).

Женщина-руководитель более чутка к семейным, домашним проблемам, неурядицам подчиненных. Это логично и объяснимо природой женщины. Главное – на руководящем посту не потерять своей женской сути. Думаю, что необходимость исполнения служебных обязанностей неизбежно оказывает влияние на личность, несколько изменяет её, ведь иногда приходится проявлять настойчивость, даже быть жесткой. Но мы – люди команды, и это обязывает контролировать ситуацию, обеспечивать должный порядок. Соответственно, и накладывает отпечаток на характер.

Всё что происходит сейчас в образовании, не располагает к оптимизму, не вдохновляет. Но и при этом нужно профессионально исполнять свой служебный долг воспитателя и преподавателя. Верю, что нелегкие времена пройдут, и всё наладится.

И вечная весна

«Три месяца осень, три месяца лето, три месяца зима и вечная весна» – поётся в одной оптимистичной песне. Эти слова вспоминаются всякий раз, когда приближается «Студвесна» – главный студенческий фестиваль года, в котором медколледж неоднократно становился победителем.

Из прессы: «Выступления медколледжа ждали не только студенты, но и зрители более зрелого возраста. Медики показали восемь номеров, из них три придумала директор колледжа Светлана Владимировна Пшибиева».

«Мне нравится такая творческая работа, да и ребятам надо помо-

гать, – сказала в конце мая 2015 года Светлана Владимировна. В этот раз программа посвящена 70-летию Победы. Ребята подготовили литературную композицию, посвященную нашим классикам – балкарскому поэту и писателю Кайсыну Кулиеву и его кабардинскому коллеге и другу Алимю Кешокову. Они вместе воевали на фронте и не раз выручали друг друга на поле боя. На таких примерах взаимопонимания, патриотизма и интернационализма мы стараемся воспитывать наших студентов.

Ещё студенты придумали сценку с подлинными солдатскими шутками времен Великой Отечественной. Есть также номер, посвященный братским среднеазиатским республикам, которые «кормили» фронт, принимали беженцев, эвакуированных с территорий, захваченных гитлеровцами. Стараемся и музыкальное сопровождение составлять на основе лучших образцов отечественной и зарубежной классики. Всё это способствует повышению уровня образованности студентов, духовному воспитанию, ведь в период подготовки к массовым мероприятиям ребята особенно много читают, активно слушают произведения известных композиторов, интересуются событиями истории России.

Хочу похвастаться – мы стали победителями фестиваля художественного творчества студентов КБГУ «Студенческая весна 2015». Это уже четвертая наша победа».

Нести знания и культуру

«Ежедневно общаясь со студентами, приходишь к выводу, что школьники многого недополучают в плане знаний, кругозора, культуры. Приходится навёрстывать в студенческие годы. Поэтому одна из задач нашего педагогического коллектива – открыть молодёжи доступ к кладовой культуры, к накопленным человечеством шедеврам литературы, музыки, живописи.

Безусловно, основное внимание уделяется учебному процессу, преподаванию профильных дисциплин, но ведь в молодости так много хочется успеть, многого достигнуть! Эмоциональная, духовная потребность юношей и девушек в прекрасном должна удовлетворяться, и художественное творчество дарит много счастливых минут, часов, дней.

К сожалению, многие первокурсники мало читают, мало знакомы со своей национальной культурой, с культурой народов Кавказа. Им не хватает понимания разнообразия мира, сложности человеческих отношений. Иногда поведение «зашкаливает», но на студентов стараюсь не обижаться, ведь недостаток воспитания – не их вина. Видимо, молодого человека или девушку не научили общаться, не привили культуру формирования взаимоотношений в социуме. Значит, старшие не уделили должного внимания, не постарались развить интеллект, любознательность, стремление к самосовершенствованию. Случается, что конфликты, недопонимание возникают из-за проблем

в семье, и об этом тоже надо знать педагогу.

Работая со студентами, я по велению души и сердца посвящаю им своё личное неслужебное время. Хочется открыть молодежи дверь в мир прекрасного, высоких помыслов и стремлений, и единственный действенный способ решения этой задачи – вместе с ними делать общее дело».

Личным примером

«В нашем колледже действует основной принцип эффективного руководства – «делай, как я». Ему следуют и все заместители директора – кандидат медицинских наук Бацев Нарзан Мухамедович, Шаваева Мадина Якубовна, Алагирова Жанна Туземовна, Мокаев Ачемез Магометович, а также заведующие отделениями – Аттаева Алимат Каракаевна и Мисхожева Ирина Жабалиевна, начальник учебного отдела Мамбетова Залина Хамидбиевна.

Поскольку мы сегодня в большей степени говорим о воспитательной работе в колледже, особо хочу отметить заслуги Ачемеза Мокаева в подготовке и проведении массовых мероприятий. Очень рада, что мои ожидания он оправдал с лихвой. Зная, что Ачмез – сын замечательного поэта Магомета Мокаева, я в свое время предложила его кандидатуру на должность замдиректора по воспитательной части, и не ошиблась. Ачемез Магометович не только отлично справляется со служебными обязанностями, он относится к делу с душой, неподдельным, искренним интересом. Хорошо образован, знает литературу, прекрасно пишет, великолепно поёт... В общем, личным примером вдохновляет студентов на творческие поиски».

Планы – работать

– Светлана Владимировна, вы в колледже – практически круглые сутки. Удаётся активно отдыхать, посещать театры?

– Очень редко. Но стараюсь быть в курсе культурных событий. После длительного ремонта открылся Музыкальный театр, и это радует. Вместе с друзьями бываю на премьерах. Люблю стихи, хорошую музыку, в том числе и классическую.

– Где удаётся слушать?

– В основном в машине или пока работаю, у меня хорошая коллекция дисков. Специально посвящать время прослушиванию музыки не удаётся.

– Планами поделитесь?

– Планы – работать. Со студентами интересно, хотя порой и нелегко. Их уважать надо. Пусть они будут лучше нас, старших. Может быть, и кто-то из нынешних преподавателей, педагогов, руководителей тоже превзошёл своего учителя. Значит, хорошо нас учили.

ХАСАНИ

Ты иди, сынок, иди, небо твой отец, смотри, а земля – родная мать, ты иди, сынок, иди. Видишь, как земля цветет, а тебя в руках несут, те, кто жизнью дорожат и привыкли уважать тех, кто к нам идет с любовью. Ты иди, сынок, иди, любопытный и уютный, полный светом и желаний, чтобы, сидя в колеснице, огонек принес ты в душу, что невзгоды превращает в пыль, забвенные суеты.

Ты иди ко мне, сыночек, где простор души, как чудо, шепчет миру свой напев и сливается волнами в чудеса плывущих праздно, то с улыбкой без печали, то с печалью улыбаясь, путь к надежде открывая, вдохновляя, призывая, пробуждая к чувствам страсти, в плясках света и теней, воскрешающих узоры ожидания и тоски.

Ближе, ближе, мой любимый человечек, подойди.

Я твой путь усыплю песней, снаряжая в дальний путь, где вся жизнь священным даром все вплетет в узор судьбы, где свиданья, расставанья в безграничной суете познают друг друга в маске и творят душевный след.

Ты иди, иди, сыночек, где добро и зло дерутся; где бессмертье и мгновенье кружат мир в потоке вечном; где движение разрушает, где движение созидает; где волнуется народ; где сиянье ослепляет, темнота порыв рождает; где призывы и угрозы как твердыни и безверье.

Лишь игра нас забавляет, страх, беда и радость спорят, бранный мир кичлив и страстен, смысл во всем и цели скрыты, в буднях сердце утомляя, все, терзая, утомляет непосильной суетой.

Ты иди, сынок, иди, – где и грозы и ненастье принимаются как счастье, а в границах пониманья затерялось мирозданье; где дыханье и цветенье в прах ведут с дарами рока; а дороги, как тревоги, одолеет лишь избранник по неведомым путям...

Ты иди, сынок, иди, где судьба плетет узоры, где творят душевный след, где волнение разрушает, где порыв призыв рождает, снаряжая в дальний путь. Ты иди, сынок, иди...

Ты ниспослан в мир с надеждой, где волнение и безмолвье, где трепещет безмятежность, где безумства и уныние переполнены, как чаша.

Ты иди, сынок, иди, я дарю тебе свой мир, где и сладость, и восторги, где слеза не дремлет тайно, где и любят и зовут, где душа пылает праздно. Ты иди, сынок, иди...

Вечер был такой волшебный от сияния россыпи звезд, когда ты молилась просящей рукой, чтобы Он даровал тебе жемчужный мир, какой бывает только у влюбленных. Ты своим дыханием тревожил спокойствие

мира, и сама красота бытия улыбалась тебе, замороженная твоей мечтой. Щедрость твоего сердечного тайника, отвечая ей сладострастным трепетом, незримо разливала нежнейшие чувства, как ответное послание хранителям мира свое невыразимое чувство, плывущее, как бесцветное облако. Напевы твоих чувств создавали благоуханье, щедро одаривая небесную чистоту музыкой души, наполненной тревогой и томленьем.

О, эти руки, просящие неба, так были пронизательны, что казались они летящим сердцем с крыльями, унося в бесконечный простор взволнованный трепет молитв и надежд.

О ты, просящая так ласково небо, кто ты и о чем просишь незримую вечность восторженным дыханием?! Ты будто плывешь навстречу заре в тайну пробужденья, и твой горящий взор искрится пламенной песней, благословляя торжество сердца ликующей пляской. Откуда ты, разносчица песен сердца?! Ты шествуешь по сердечным мирам, ошеломляя остывших своим волшебным напевом. Ты – как долгожданная волшебница, несущая радость, омытую слезами. Твой зовущий голос – как благоухающий сад, что живет в душе тайной молитвой в безмолвии брызг рассветных цветов, рисуя в немоте вечной красоты свое благословение.

Да кто же ты, избранница заклинанья, что приносит и уносит избавленья, что зовет и не прощает, что, пробуждая, соединяет и, наполняя, проливает слезами?! Кто ты, идущая во тьме светом надежд и молитвой растревоженной мечты?!

Разве можно спасти сердце от любви! И как его спасти от нее? Она из династии звездных колоколов, идущая неслышно и не спрося благословения. Когда она находит в сердце уют, она шепчет, чтобы поведать, какой нрав у нее.

Никому не выпутаться из ее объятий, так как ее капризы требуют служения, и это часто приносит досаду. Забота о ней постоянно приводит к размышлению, якобы ее бескорыстное служение наполняет душу ароматом непреходящего дара. Разве кто-нибудь откажется от такого благодетельного проникновения?!

Юность для нее – пища, а старость – краски, удерживающие отцветание юношеской поры, которые пронесли на крыльях страстей. Она приносит и уносит, теряется в глубинах отрешенности, но, обретая себя вновь, появляется изумленно, принося с собой лекарство от страдания. Она возвращается, облегчая бремя горести и печали. Эта странствующая посланница пробуждает и побеждает, она, владея тайной силой сердца, проходит с ним суровые испытания в изменчивой жизни, рождая долг и заботу.

Радость от нее – как мелодия, созданная непониманием, а смысл – как голос, возвещающий свое обретение в дарах вечного волнения надежд и прикосновений.

Восторг для нее – как песня, не спетая еще никем, но удерживающая трепет власти чар.

Что она приносит и что она уносит, трепеща от радости обновления и волнуясь от своей расточительности, превращая предназначение в наказание. Для нее иной раз мгновения – как вечность, и вечность – как мгновения. Кто ты, расплескивающая жизнь и повелевающая сердцу изобилием нежности и печали? Ты – сокровищница щедрот или затаенная горечь ослепленного тобой сердца?! Ты – послание или добыча неизъяснимого желания.

Где притаились чудеса, и тьма ликует сонной страстью, звучат напевы, щедрой властью, великодушием полны. Земные горести исчезли, благоуханно мир цветет, и, будто свечи, ровным светом в моленьях шепчут знак судьбы.

А у подножия Христова стоит и крестится дитя, судьбой гонимое рабыней любви, страдания и чувств. Оно в слезах молитву шепчет, и лик над ней дары творит, неведомым проникновеньем, потоком, льющимся из глубин.

О ты, неведомая тайна, восторгом истинная явь, ликуй надеждой и волненьем, даруй порыв воркующим чутьем! Даруй рассвет, где буйная весна всю землю осыпает вдохновением, где красота рожденья, как шепот мира, зовет мелодией упоения.

О ты, неведомая тайна, что шепчет в душу радость и тоску, зачем несешь надежду с грустью нежной, где свет и тьма танцуют без конца.

О, жажда обновленья и тревоги, родник причин, рождающий судьбу, ты – чудо или беспощадность мрака, несешь ты жребий неба и земли.

Открой мои пути, о тайна мира, в неведомый тайник моей судьбы, где чистота и совершенство святы, а заблужденья – краски чувств моих.

О ты, волшебное виденье, нектар любви и красоты, зачем скрываешь лик прелестный – печать причудливой игры?! Ты – как плывущая надежда, узор страданья наших чувств; ты – изваянье и раздумья, благословенье и призыв.

О ты, которую я ждал, приди, приди и благослови идущего! Освети его сиянием вечной любви, чтобы ее мгновения проходили нескончаемой вереницей творенья. Я слышу песни твои, о чудное прикосновение! Они – как вечный зов заблудшего сердца. О, приди! Приди!

Мое сердце снова наполняется пьянящим хаосом ликующего желания, пленяя муку пробуждения восторженным гимном души. Волшебная печаль превращается в нежную муку, и какая-то безмолвная посланница торопится войти в мое сердце неведомым таинственным зовом, озаряя томящуюся взаперти надежду. Душа наполняется возвещающей музыкой и проникновенно молится, как ангел за свою подопечную. Мольба потрясает заклинанием, направляясь в вечную бескрайность.

Я чувствую, будто в душе рождается дыханье тайного родника, иду-

щее с торжественным величием в необъятный простор моего прозрения. И в этой таинственности я начинаю различать нежные звуки, возвращающие очарование заблудшей любви. Кажется, что просыпается новая жизнь, как в вечном потоке весны, стремительно принося с собой тепло и радость. Однообразное сновидение уходит вдаль и рассеивается, как белое облачко в небе. Утомленное сердце ждет свежего утра, где, может быть, озарится заколдованный покой.

О могущество дня, торопись, приди из глубины ночи, блистая своими лучами солнца. Пусть уставшая в ожидании душа плещется в этой могучей поступи жизни.

Мрак души очищая звенящим рассветом, ты идешь, устремляясь в скопления чувств, чтобы снова найти в моем мире ожившую память и мой вечный язык, собирающий пламень и чувства.

Не одну я молитву сплетал для тебя, как гирлянды, и приветственный звон погружал в тишину немотой, я, как путник надежд, заблудился в затерянных чувствах, будто в прятки играл со своей неразлучной судьбой.

Я в твореньях твоих поклонялся простору и краскам, созерцал беспокойство в очертаниях тайной мольбы, брызги жизни твоей ощущал я в затерянных чувствах, где в разлуке печаль превратилась в щемящую боль. А разносчик любви где-то странно смеется и листает страницы бесчисленных лет, а мой берег далекий, погруженный в потоках, молчаливо бушует, как надежда во сне.

О ты, которая далеко от сердца, но близка к глазам! Почему все твои тревоги передаешь мне, сея вокруг меня неповторимую суету? Ты – как вещий тревожный сон, то возникаешь, то исчезаешь, принося и унося с собой мимолетный порыв ликующего волшебства. Ты – как цветник печали, вяжешь в сердце букет унынья и немимым языком нарушаешь воплощенную красоту мечты, создавая образ зовущего сердца. Ты – как пробужденная дрожь, льешь вокруг себя холодные песни и благословляешь печаль таинственной красотой, созидая и вновь разрушая разлуку своим упоительным волнением. Да кто же ты, которая рада приближаться и рада отдаляться, оставляя за собой надежды и сомнения, радости и тревоги, разрушая мечту порывами и упованьем обрекая неутоленность в угасающее чувство.

Я стою на берегу красоты бытия и разглядываю границы вечных тайн, где сливается жизнь с бесконечностью, застилая душу дарами обновлений и потерь.

О ты! Да кто же ты, которая струится в глазах и прячется в сердце?

Ты попала в сеть моей души во время путешествия по звездам, и твое сердце прижалось ко мне ликующим вдохновеньем. Ты кто, чей облик похож на весну, а свет твоих глаз струится, как свет новорожденной луны. Ты несешь с собой надежду или плетешь страданье?

В садах моих надежд ты можешь распустить свои чувства, и пусть они расцветут, одеваясь нарядами буйной весны, где радостно смеются краски пробужденья, звеня животворным волшебством. Пусть в этом вспыхнет предчувствие, ласково облетая просторы торжествующего сердца, ты порхала, как нежная песня среди звезд, и я остановил тебя сетями моего светильника и принес в свой сад озарений праздником надежд.

О мое благословенное совершенство! Ты шествуешь в моем сердечном мире с запахом звезд, благословляя мои дороги щедрыми дарами вечной красоты, пробуждая напевы далекой и близкой черты.

О моя молитва, мой шепот, рожденные нуждами надежд, распахните лепестки своих бутонов и впустите в ваши просторы незримое благоухание очарованного скитальца.

Ты мечтаешь превратиться в загадку с черными бровями вразлет, и обжигающими очами впериться в мое сердце неведомой гордыней, превращая разлуку и тоску в плывущий издалека зов, как эхо двух берегов, струющийся песней печали. Ты – пробужденное желание весны или мерцающая мечтательница, как свет далекой манящей звезды, льющей свой свет сквозь пелену земных страстей?! Твоя гордыня не знает пощады, ты покоряешь всех своим очарованием, ты – награда для одних и презренье для других, ты осуждаешь и пренебрегаешь, печать твоей души, скрывая твое лукавство, окутана волшебным нектаром праздности, ты несешься причудливой игрой, как молодая луна среди бесконечно плывущих облаков. Ты иногда исцеляешь сердобольную душу, создавая благодать вокруг щемящей тоски, изнуренной страхом и надеждой. Ты рисуешь узорами жизни воплощения, не раскрывая вершину освобождения от скрытого смысла бремени счастья, открывающего врата ослепительного чувства и благословенного горенья. Ты – дар любви, как песнь свирели, пьянящий взор рассвета и заката, исчезающая и появляющаяся, как свиданья и расставанья в тайных загадках неуловимых мгновений?!

Ты – посланница изумлений, ты – песня ветров, окутанная красотой и восторгом недосказанных тревог весны?!

Да кто же ты, вышедшая из трепетного мира и идущая в душу безвестным путником озорной юности?! Ты – порыв или наслаждение?! Кто ты?!

В воспоминаниях мерцает прикосновение звонких дней, где вдалеке разлука плачет, не зная о своей судьбе. Все это сказкой пробежало по жизни юности моей, где каждый след – как чудо жизни, и брызги слез, и радуги любви.

Открой теперь светильник жизни, свои щедроты и пути, я жизнь отдал тебе в подарок, с недорожденной мечтой. От берегов воспоминаний до берегов миражных дней плыву дорогой горизонта в неведомых волнах зари. Судьба – как весть, любовь – как пламя, незримо строят и плетут узоры взлета и падения, как бы посланьем волшебства. Оно порой терзает душу и увлекает сердце вдаль, где суета зовет, не дремля, в распахнутую настежь дверь.

Быть может, там воспоминанье, мерцающая, льет свой свет и тьму, расплескивая в брэнном мире благоуханье бытия.

О ты, далекая отрада, и близкая тоска в груди, ты шепчешь, шепчешь днем и ночью, надежду опьяняя вновь. Ты кто – заря, спешащая в душу, или темница щедрых дней, что разрушает, создавая из пустоты порыв и взлет.

Когда поет моя свирель и темнота в лучах искрится, из глубины моей души мерцающее дней узор рисует. А ты в узоре светотьмы блуждаешь путником-виденьем, то воскрешая, что прошло, то приближая то, что будет.

Ты – как листочек в ручейке, несешься в снах моих, как ангел, то терпеливо торопливо, то застывая и ликуя. Неужто ты цветок разлуки, цветущий в мыслях звездным сном и уходящий вдаль безвестно тропами сполохов судьбы.

Скажи, посланница блаженства, откуда страсть твоя такая – все время лезть в мой сон кромешный и звать куда-то в мир другой, где сон и явь играют в прятки и надо мной колдует смех. В том мире, видимо, незримо ликуют смех и грех тайком, и пляской их меня чаруя, зовешь в пучины забвения. Зачем сердечный мир тревожишь и в недрах тайны зов свой шлешь, зачем, волнением пробуждая, лишаешь торжества души?

О ты, которая приносит и вдаль уносит смутный сон, кто ты, откуда ты являясь, несешь волшебную тоску? Призыв твой – как благоуханье, как растревоженный цветок, что светит, как светильник в храме, и нежным взором открывает суровый занавес души. А волшебство непостижимо, и образ твой непостижим, ты сон мечтою будоражишь, как будто мрак находит свет.

Ты кто, пьянящий сладкой властью, что как мерцающий порыв, ты, как неведомый пришелец, свиданье строишь из разлук.

О, сколько роз осыплется в дороге, которой ты идешь, где не распутать сеть забвения благоуханьем и тоской. Ты приплываешь ниоткуда и уплываешь в никуда, ты – как светильник грустной ночи

и образ будущего дня. Я не пойму, кто ты, спешащий, чтобы прийти, чтобы уйти, ты кто – мое воспоминанье или безвестная мечта, ты так окутана пыланьем, что в сновиденьях душу жжешь, ты, открывая мир волшебный, из забвения в порыв зовешь: кто ты, неведомый, далекий, зовущий в мир несбыточных надежд, кто ты, из мира сновидений, дитя земли, дитя светил?!

О, слезы твои – голубой ручеек, а песня – застывший узор на окошке, как сладостный звук предвечерней порой, не зная преграды к печали. Забытые чувства вновь песней зовут куда-то, где годы мерцают, а месяц глядит, луноликий такой, рисуя твой образ с волненьем. Он будто зовет приголубить тебя, пригожая даже в печали, он любит, он нежный и радуется взору, и музыки в нем переливы. Чуднейшая сладость, а в сердце тоска, года тишиною объаты, бездонные мысли, виденье в слезах, надежда томится в неволе.

И где-то почтительно вдруг полилась небесною флейтой надежда, и память открыла все двери судьбы, что были упрятаны в маски. Тоскует ли сердце, скорбит ли душа, тревожит щемящее чувство, в волненьях искрится таинственный зов и образ мечты освещает. В уставшей душе – и порыв, и покой, в распахнутом сердце – смятение, а где-то улыбка и радость цветут, бутонами роз, с шипами.

О, слезы твои из глубоких глазниц, они как алмазы страданья, они как сокровище тайных щедрот, дарящие трепет и ласку. Смирной тревогой ты ищешь судьбу, где – слезы, веселье, страданье, несобранном словом блуждает порыв, окутанный дымом забвенья.

О женщина, слез и творенье любви, что вся – ожиданье страданья, ты вся изумлением чуда горишь, объятая пламенем страсти.

Ликующий месяц творит для тебя наряды влюбленного сердца и в путь снаряжает, где звездный дворец в лучах освещает надежду.

Надежда, надежда, царица теней, художник желаний и воли, ты – нить, что связует прилив и отлив божественной властью посланца...

Внемли ее сердцу, надежда, внемли, раскрой ее счастье бутонном, и пусть восхождение приносит покой, удары судьбы растворяя...

НАРТШАО И ДУНЕЙ

1. Дуней

Как сказывают и пересказывают, рассказчик не прибавляет, слушающий не забывает, и если не ложь в его словах, то уж, конечно, правда.

Жил когда-то в далеком от морских вод ауле старый пщы¹. И была у него дочь – красавица Дуней. Не было в округе лучшей рукодельницы. Вышивала она золотыми нитями, словно песню пела. Каждый узор из-под ее пальцев получался плавным и ярким. Вышитые Дуней башлыки, кисеты впору было класть посреди комнаты, вместо лучины.

С тех пор как мать Дуней ушла к дольменам и не вернулась, путеводная звезда Вагоба² три раза поднималась из Земли. И когда Вагоба должна была четвертый раз зайти за кроны деревьев, старый пщы сообщил, что не позднее того, как звезда спрячется в земле и ознаменует приход зимы, он приведет в дом новую жену – Гуащэ.

Так и случилось. Старому пщы привезли женщину из приморского аула в день солнечного круговорота. Семь дней и семь ночей длилось пиршество. Одна Дуней была мрачная. Одна Дуней не летала в кяфэ как птица. Она просидела все ночи у дольмена, к которому ушла ее мать, и вышивала золотом веер, который не успела ей преподнести.

Невзлюбила Гуащэ Дуней. При старом пщы она словно медом мазала, расхваливая девушку, а стоило ему уехать на охоту, переставала притворяться и обрушивала на Дуней весь свой гнев и зависть. Девушке приходилось вместе с унаутками³ выполнять всю черную работу. К середине ночи она так уставала, что, обессиленная, засыпала. Времени на то, чтобы вышивать золотом изящные орнаменты, которые днем рождались в ее голове, не хватало. Так пролетели дни холодного месяца.

У Гуащэ была дочь – Дауса. Бедную Даусу не научили ни трудолюбию, ни какому бы то ни было искусству рукоделия. Решила Гуащэ извести Дуней. Загрузила ее работой, держала часами на морозе, отправляла одну на кузницу.

А Дуней не смела жаловаться, да и не приучили ее к этому. Скромная и сдержанная, она обладала терпением и с большим уважением относилась к своему отцу – старому пщы. Лишь дольмену матери, как она его прозвала, она могла доверить свои страхи и обиды. Ей казалось, что душа не вернувшейся матери живет в этом испуне⁴.

Однажды во двор пщы заехали всадники. По истечении трех дней, после оказания всех почестей гостям, старый пщы спросил всадников,

1 Князь (адыгск.).

2 Созвездие Дельфина (адыгск. соответств. Тельцу).

3 Домашняя прислуга.

4 Склеп, дольмен.

какими делами они заняты и чем он мог бы быть им полезен. Среди них оказался посол калмыцкого хана с требованием уплатить большой штраф за то, будто ржание жеребцов пщы помешало ожеребиться кобылицам хана.

Старый пщы не мешкая, собрал всех стариков аула – Седобородых, потому как знал, что старших не окликают, а догоняют.

– Долгих лет вам, отцы! – обратился он к ним. – Без вашего совета боюсь упасть в яму незнания.

Пщы рассказал им о безумном требовании калмыцкого посланника. Но никто не знал, как быть, чем ответить хитрому хану. Опечалился пщы. И впервые после того, как не вернулась его первая жена, пошел к дольменам.

А там сидела его милая Дуней и вышивала золотом кисет при свете луны.

Обрадовался пщы и присел рядом с ней.

– Сюда приходила твоя мать, когда ее тревожило что-то. – Он погладил холодную, покрытую пушистым снегом верхнюю плиту дольмена. Но избегал смотреть на небольшое круглое отверстие. Хотя первые месяцы после ухода жены, когда его никто не видел, он кричал в этот «проход» и задавал вопросы, на которые так и не получил ответа.

– Мне нравится здесь бывать. Словно анэ¹ смотрит на меня. А иногда мне кажется, что ее дыхание путается у меня в косах.

– Ты очень похожа на нее, дочь... Она была достойная женщина, – выдавил из себя пщы. Даже при дочери он не смел показать свою слабость печали.

Дуней заметила, что отца омрачают не только воспоминания.

– Что случилось, отец мой? – спросила она.

Как бы ни хотелось ему быть сильным и иметь ответы на все вопросы, он, избегая смотреть в глаза дочери, рассказал, что его тревожило. Что даже мудрые Седобородые не смогли ему помочь.

Дуней улыбнулась и погладила отца по плечу.

– Ничего страшного, отец мой. Нет на свете такой хитрости, которую нельзя было бы перехитрить.

– Чем же ты можешь мне помочь? – искренне удивился отец.

– Собери самых сильных всадников аула и поезжай к калмыцкому хану. Как только въедете в его аул, начните убивать собак. Когда хан спросит тебя, почему вы это делаете, ты ему ответь, что когда волки напали на наших овец, ты позвал собак хана на помощь, чтобы они разогнали волков, а они не прибежали. Хан не успокоится и спросит тебя, как могли его собаки услышать твой голос, если между нашими аулами такое расстояние. Тогда и ты ответь, что раз его кобылицы услышали ржание твоих жеребцов, то и его собаки не могли не услышать твой призыв.

Старый пщы вскочил на ноги.

– Клянусь смекалкой нартов², ты самая умная дочь на свете! Живи,

1 Мама (адыгск.).

2 Эпические герои адыгов.

дочь моя!

Он направился к аулу, ступая по глубокому снегу, чтобы сообщить Седобородым хорошую новость и приказать собрать лучших из лучших всадников.

Рано утром, пока солнце не встало из моря, отряд готов был отправиться в путь. Все женщины аула вышли их провожать с напутствиями, пожеланиями. Гуащэ кинулась при всех к седлу старого пщы и протянула ему кiset, который Дуней вышивала несколько месяцев.

– Вот тебе подарок, мой пщы. Пусть он освещает твой путь темными ночами. Я начала вышивать его в тот день, когда узнала, что ты прислал ко мне сватов. Вот только вчера и закончила.

Отец узнал kiset, который он видел накануне у дочери. Ум глазам тропу пролагает, а глаза следуют за ним. Но он не показал вида. Решил разобраться с догадками по возвращении. Поискав взглядом Дуней и не найдя ее в толпе, он огорчился.

– Моя дочь должна встречать меня, когда я вернусь от калмыцкого хана, – недовольно бросил он Гуащэ, – а ты проследи, чтобы с ней ничего не случилось.

– Хорошо, мой пщы, – с фальшивой покорностью ответила женщина.

– Вернемся когда Вагоба выйдет из земли. Живи!

Не успел пщы отъехать на три дня пути, как Гуащэ слегла и призвала к себе усарежа¹, которого привезла с собой из родного аула. Ходили слухи, что он был тумой² от нагучицы³. Его все боялись и не смели перечить.

Спустя семь дней он объявил всему аулу, что вылечить Гуащэ может только молодая Дуней, если вышьет серебряными нитями из бороды самого Мазаэ⁴ покрывало. Только серебряный свет такого покрывала сможет вернуть Гуащэ здоровье.

Женщины аула взвыли и заплакали. Они понимали, что если примут слова усарежа на веру, то обрекут красавицу Дуней на верную смерть. Но и перечить Гуащэ они боялись. Седобородые и уорки⁵, оставшиеся в ауле, три дня совещались на хасэ⁶ и решили, что Дуней надо попробовать сходить к самому Мазаэ.

Дуней наскоро собралась, взяла гомыля⁷ в дорожную сумку, накинула отцовский цей⁸ на плечи и отправилась в путь. Злой усареж направил ее в сторону Ошхамахо⁹, сказав, что Мазаэ живет там.

Пройдя всего лишь день пути, Дуней повстречала чернобородого чабана с отарой крупных овец. Она никогда в жизни не видела таких, хотя отары ее отца славились аж до приморских аулов.

1 Колдун.

2 Сын, рожденный вне брака от князя и женщины, ниже его по происхождению.

3 Традиционный сказочный персонаж, колдунья.

4 Бог зимних месяцев.

5 Дворяне.

6 Народное собрание.

7 Еда в дорогу.

8 Род кафтана.

9 Эльбрус.

– Да будет долгой твоя жизнь, тхамадэ¹, – поприветствовала она старика.

Он кивнул головой, оторвал от губ трубку и пригласил к своему костру.

– И твоя тоже, моя девочка, присаживайся. Грейся у огня. И ничего не бойся.

Дуней совсем скоро согрелась. Она открыла свою сумку и предложила чабану отведать вместе с ней гомыля. Он добродушно хмыкнул в черную бороду и не отказался. После того как они поели, Дуней спросила, не может ли она чем помочь ему. На что он пожаловался, что его башлык порвался.

Недолго думая, Дуней зашила его башлык и даже вышила золотой нитью в самом уголке золотую овцу. Чабан долго смотрел на нее, потом на ее работу, качал головой, прицокивал, а потом прямо спросил:

– Кто выгнал тебя из дома в такой мороз, дочь моя?

– Новая Гуащэ отца моего, да продлятся его дни в пути, приболела, и усареж сказал, что только свет от покрывала, вышитого серебряными нитями из бороды самого Мазаэ, вернет ее здоровье.

– Ярэби², дочь собаки, что ли, эта Гуащэ?

– А этого, отец мой, я не знаю, – усмехнулась в кулак Дуней. – Старики три дня совещались, женщины три дня выли и решили, что мне надо попробовать раздобыть эти волосы.

– Уэй, моя Дуней, даже не знаю, чем тебе помочь. Я знаю только, что сама Жыгъгуащэ³ попросила Мазаэ обрушить на нас такую лютую зиму. Она обиделась на супруга своего – Мазытла⁴. И ушла жить на Ошхамахо. Может, средний брат мой тебе поможет? Отправляйся с рассветом в путь и не отпускай взглядом Ошхамахо. К вечеру встретишь моего брата. Передай ему сердечный салам от меня.

– Хорошо, тхамадэ. Живи долго!

– Живи тоже, дочь моя. А теперь отдыхай. Спрячься под моей буркой. А я обойду отару.

К вечеру следующего дня Дуней повстречала золотобородого пастуха. Все коровы в его стаде были такими тучными, что Дуней сильно удивилась. Хотя и стада отца ее – старого пщы, известны были за многие-многие аулы.

– Да будет долгой твоя жизнь, тхамадэ. Брат твой младший просил тебе передать сердечный салам, – поприветствовала она старика.

Он кивнул головой, оторвал от губ трубку и пригласил к своему костру.

– И твоя тоже, дочь моя, присаживайся. Грейся у огня. И ничего не бойся.

Дуней совсем скоро согрелась. Она открыла свою сумку и предложила пастуху отведать вместе с ней гомыля. Он добродушно хмыкнул в золотую бороду и не отказался. После того как они поели, Дуней спро-

1 Уважительное обращение к старшим.

2 Восклицание.

3 Супруга божества леса.

4 Божество леса.

сила, не может ли она чем помочь ему. На что он пожаловался, что его кисет порвался.

Недолго думая, Дуней зашила его кисет и даже вышила золотой нитью в самом уголке коровьи рога. Чабан долго смотрел на нее, потом на ее работу, качал головой, прицокивал, а потом прямо спросил:

– Кто выгнал тебя из дома в такой мороз, дочь моя?

– Новая Гуащэ отца моего, да продлятся его дни в пути, приболела, и усареж сказал, что только свет от покрывала, вышитого серебряными нитями из бороды самого Мазаэ, вернут ее здоровье.

– Гьогмахуэрэ¹, дочь собаки, что ли, эта Гуащэ?

– А этого, отец мой, я не знаю, – усмехнулась в кулак Дуней. – Старики три дня совещались, женщины три дня выли и решили, что мне надо попробовать раздобыть эти волосы.

– Уэй, моя Дуней, даже не знаю, чем тебе помочь. Я знаю только, что сама Жыгьгуащэ попросила Мазаэ обрушить на нас такую лютую зиму. Она обиделась на супруга своего – Мазытла, и ушла жить на Ошхамахо. Она, как и все женщины, очень обидчивая, но такая же и отходчивая. Пока Мазытл сам не придет за ней в края Ошхамахо, Вагоба из-под земли не покажется.

Дуней вскочила. Она испугалась.

– Как так? Мой любимый пщы, отец мой, уехал к калмыцкому хану и обещал вернуться в пору, когда Вагоба выйдет из-под земли!

– Даже не знаю, дочь моя, что тебе посоветовать. Может, мой старший брат тебе поможет? Отправляйся с рассветом в путь и ни в коем случае не отпуская взглядом Ошхамахо. К вечеру встретишь моего брата. Передай ему сердечный салам от меня.

– Хорошо, отец мой. Живи долго!

– Живи тоже, дочь моя. А теперь, отдохай. Спрячься под моей буркой. А я обойду стадо.

К вечеру следующего дня Дуней повстречала седобородого табунщика. Все жеребцы и кобылицы в его табуне были высокими, с тонкими длинными ногами и изящными шеями. Дуней подивилась. Таких табунов у ее отца точно не было.

– Да будет долгой твоя жизнь, тхамадэ. Брат твой средний просил передать тебе сердечный салам, – поприветствовала она старика.

Он кивнул головой, оторвал от губ трубку и пригласил к своему костру.

– И твоя тоже, моя девочка, присаживайся. Грейся у огня. И ничего не бойся.

Дуней совсем скоро согрелась. Она открыла свою сумку и предложила табунщику ответить вместе с ней гомыля. Он добродушно хмыкнул в седую бороду и не отказался. После того как они поели, Дуней спросила, не может ли она чем помочь ему. На что он пожаловался, что чехол на его колчане порвался.

Недолго думая, Дуней зашила чехол для колчана и даже вышила золотой нитью в самом низу изгиб лошадиной шеи. Табунщик долго

¹ Удивленное восклицание.

смотрел на нее, потом на ее работу, качал головой, прицокивал, а потом прямо спросил:

– Кто выгнал тебя из дома в такой мороз, дочь моя?

– Новая Гуащэ отца моего, да продлятся его дни в пути, приболела, и усареж сказал, что только свет от покрывала, вышитого серебряными нитями из бороды самого Мазаэ, вернут ее здоровье.

– Уэй, дочь собаки, что ли, эта Гуащэ?

– А этого, отец мой, я не знаю, – усмехнулась в кулак Дуней. – Старики три дня совещались, женщины три дня выли и решили, что мне надо попробовать раздобыть эти волосы.

– Эх, моя Дуней, я знаю, чем тебе помочь. Да боюсь, что путь предстоит тяжелый и не осилишь ты его пешей. Братья рассказали тебе, что сама Жыгьгуащэ попросила Мазаэ обрушить на нас такую лютую зиму? Она обиделась на супруга своего – Мазытла, и ушла жить на Ошхамахо. Она, как и все женщины, очень обидчивая, но такая же и отходчивая. Пока Мазытл сам не придет за ней в края Ошхамахо, Вагоба из-под земли не покажется.

Дуней вскочила. Она испугалась.

– Как так? Мой любимый пшы, отец мой, уехал к калмыцкому хану и обещал вернуться в пору, когда Вагоба выйдет из-под земли!

– Придется помочь тебе, дочь моя. Хоть я и против всем сердцем. Может, две женщины договорятся, и не придется мужчине, самому Мазытлу, идти на поклон к женщине, Жыгьгуащэ.

– Тхамадэ, обещаю не отступить и сделать все, что в моих силах.

– С рассветом, как загухнет огонь в моем костре, замри под моей буркой. Старайся не шевелиться, но смотреть в щелочку за всем, что будет происходить в табунае. Когда с неба спустится белогривый альп¹, старайся даже не дышать. Он, как и иньжи², не любит человеческий дух и таит большую обиду на ваш род. Всего лишь один раз, пока полная луна еще не уступила место солнцу, альп дыханием метит тех коней, которые станут достойными самих нартов. Пометь и ты взглядом того коня, которого выберет альп, а затем, когда он улетит, выскакивай из-под бурки, накидывай на избранного вот эти узду и седло и скачи, что есть сил в сторону Ошхамахо. Ты должна успеть до той минуты, пока я не вернусь с обхода. Не успеешь, тогда не обижайся.

– Живи долго, отец мой! – поблагодарила девушка старца.

– Не торопись. Не на словах же скакать что есть мочи, я тебе сказал. – Старик засмеялся. – Слушай дальше. Скачи ровно три дня и три ночи. За тобой будут гнаться черные волки, золотые вепри и седые зубры. Не оглядывайся. Не слушай песню ветра. Просто скачи навстречу Ошхамахо. Эта гора всегда идет к тому, кто мчитя к ней.

– Как мне отблагодарить тебя, тхамадэ? – воскликнула Дуней.

– Пускай все вернется на свои места, и Вагоба вовремя выйдет из-под земли. Так и передай от меня Жыгьгуащэ. Большого мне не надо, дочь моя.

1 Сказочный скакун.

2 Сказочный великан.

Дуней не спала всю ночь, ожидая рассвета при царящей полной луне.

Все случилось так, как говорил седобородый табунщик. Освещенный розовыми лучами рождавшегося из моря солнца, словно с самой луны, с неба спустился белоснежный альп. Дуней затаила дыхание. Альп несколько раз тревожно оглядывался, пару раз останавливал взгляд на белой бурке табунщика. А потом, пролетев над табуном три круга, завис над самым чахлым конем и обдал его своим дыханием. Дуней подивилась выбору альпа.

Она выждала некоторое время под буркой, пока альп не улетел в сторону Ошхамахо. Убедившись, что табунщик еще не вернулся, Дуней выскочила и схватила лежавшие у костра седло и удила. Как ни странно, чахлый конь не убежал от нее. Наоборот, повернув морду в ее сторону, ждал, когда она подойдет.

Дуней поскакала что есть мочи, подальше от табуна, по которому пробежало волнение из-за того, что чахлый конь покинул его пределы. Сердце ее билось в предчувствии беды. Так и случилось. Когда солнце клонилось к обеду, она услышала за спиной топот. Оглянуться Дуней не решилась, помня наказ седобородого старика. Но преследователи оказались быстрыми. По обе руки от нее бежали огромные черные волки. Она никогда не видела, чтобы они достигали таких размеров. Их пасти были разинуты и обнажали острые клыки. Их горячее дыхание растворялось в ледяном воздухе. Пару раз ей казалось, что вот-вот и они накинута на ее бедного коня. Но неведомая сила удерживала их на расстоянии. Дуней подбадривала коня, просила скакать еще быстрее, напевала ему песню всадника. Чахлый, которого она в процессе бега назвала Къара, словно слышал ее призывы.

На горизонте показалась полоса леса. Волки сделали еще одну попытку накинута на них, но Къара задними копытами умудрился отбросить парочку далеко в сторону. Дуней заметила, какой силой обладает ее конь. Она тоже делала, что могла. Хлестала черных волков кнутом, кричала им, чтобы убегали прочь, заклинала именем тех, кто живет в дольменах.

У самого леса волки отступили. Невидимая преграда остановила их. Тех, кто все же пытался пробиться сквозь рубеж, поразили стрелы, пущенные из леса. Дуней увидела среди деревьев самого Мазытла. Его правая рука покоилась на рукоятке топора, торчавшего из его груди, а в левой был огромный лук, тетива которого все еще дрожала, издавая хрустальный звон. От этого звона снег посыпался с деревьев и укутал Дуней и коня пушистым покрывалом, вместо отцовской бурки, которую один особенно резвый волк зацепил в прыжке и сорвал с ее плеч.

Къара не останавливал бег.

– Вперед, вперед, к Ошхамахо!

Конь фыркнул, словно давая понять, что услышал ее. Седые столетние деревья странным образом расступались перед ними, открывая новые тропы, извивающиеся непонятным рисунком по всему лесу. Солнце клонилось к закату, когда Дуней вновь услышала за спиной то-

пот. Теперь ее преследовали золотые вепри невиданных размеров, со слепыми от ярости глазами бежавшие по их следам. Столетние дубы, расступавшиеся перед Дуней, смыкались на пути золотых вепрей. Но их невозможно было остановить. Они кромсали стволы старых деревьев, обрушивались ураганом на молодые стволы, покрытые льдом и снегом, и затаптывали ветви, жалобно хрустевшие под их копытами.

Громкое хрюканье и пыхтение злобных зверей было уже совсем близко. Они не боялись ударов ее кнута и возвращались после того, как Къара отбрасывал их высоко, через кроны. Дуней казалось, что конца и края нет лесу Мазытла. Один вепрь, приблизившись к ним, толкнул коня в бок. Но Къара удержался на ногах, в отличие от Дуней. Сила удара пошатнула ее и выбила из седла. Но она крепко держала узду, обвязанную несколько раз вокруг запястий. Къарэ тащил ее по снегу, ни на минуту не останавливая бег. Дуней взмолилась.

– Не оставь меня без помощи, мать моя!

Вепри обогнали их и выстроились впереди грозной стеной. Дуней увидела их краем глаза и поняла, что Къара должен будет перескочить это золотое препятствие, либо им обоим конец.

Так и случилось. Чахлый конь, которого коснулось дыхание самого альпа, взмыл высоко-высоко, выше деревьев. Время словно застыло. Дуней же, висевшая на узде, неведомыми силами была подброшена вверх. Когда Къара перепрыгнул вепрей и большую часть леса, Дуней уже крепко сидела в седле. Она наклонилась и прокричала коню:

– Живи, мой Къара, долго!

Ночь близилась к рассвету, когда они выехали за границы владений Мазытла. Каменные холмы в белоснежных шапках, украшенные по склонам деревьями, мрачно встретили их. Горный колючий ветер, вырывавшийся из расщелин, методично бил воздушными кулаками то коня, то девушку. Дуней, наученная вепрями, держалась в седле еще крепче.

На склоне одного холма показались несколько седых зубров. Даже издали Дуней узнала их по могучей высокой груди. Самый большой бык склонил голову до самой земли, вздохнул в легком беге землю, вспорол рогами кору дерева, вставшего у него на пути, и остановился. Глаза его покраснели, с рогов свисали длинные плети коры.

– Мой Къара, справимся ли мы с этими зверями? – Дуней переживала. Прижавшись к шее коня, она отдалась на волю судьбы.

Топот других зубров раздался позади. Колючий ветер принес с собой снег и женский хохот.

– Это сама Бгыаранэ – повелительница недоступных вершин! Мы пропали! – воскликнула Дуней.

Къара второй раз за весь путь фыркнул. На этот раз он не соглашался с всадницей. Он легко перепрыгнул красноглазого седого зубра и, оставив его позади, поскакал дальше. Дорога становилась все уже и уже, каменные холмы скалами вырастали по обе руки и нависали над ними. Где-то высоко вновь послышался грохот.

– Лавина!

С самого Ошхамахо сорвался белый снежный ком и с огромной

скоростью двинулся им навстречу. Дуней увидела высокую красивую женщину ростом с самого иныжа, стоявшую верхом на лавине. На ней было невиданной красоты фашэ¹ цвета чистого льда, а в руках блестели молнии самого Шибле². Она громко смеялась, не сводя глаз с всадницы. Беспорядочные снежинки в бешеном танце, под звон хрустальных бубенцов самой Бгыаранэ, убыстряли темп и складывались в снежный невод за ее спиной. Дикие звуки горного вихря были похожи на волчий вой. Дуней поняла, что их с Къарой ждет гибель.

– Именем моей матери, ушедшей к самим дольменам, заклинаю тебя – уступи мне дорогу! – что есть силы закричала девушка, отмахиваясь от резких порывов ветра. Они почти приблизились к лавине. Скалы вокруг застонали, деревья пригнулись к корням.

Бгыаранэ остановилась. Улыбка сползла с ее уст. Огромный снежный ком под ее ногами словно жил своей жизнью – он кипел, двигался и пульсировал, изрыгая из себя струи снежинок в сторону всадницы.

– Я еду к Мазаэ, хочу помирить Жыгъгуашэ и Мэзытла, чтобы Вагоба снова осветила путникам дорогу и вернула людям надежду

– Это очень интересно, девочка, – голос Бгыаранэ эхом разлился по горам, потревожив снежные склоны.

– Не мешай, прошу тебя! Если Жыгъгуашэ смилостивится и научит меня вышивать серебром волос самого Мазаэ, я вышью покрывало с твоим именем и подарю людям, чтобы они знали и помнили о твоей силе, – прибегла к хитрости Дуней.

– Ты очень умная девочка, раз смеешь мне такое предлагать. Но я запомню твою клятву, а ведь это клятва? – Богиня недоступных вершин села на пульсирующую лавину.

– Конечно! Именем матери своей, клянусь!

– Но меня больше удивляет твоя решимость. А еще я очень хочу, чтобы эта лесная плутовка ушла из моих краев и освободила лагъунэ³. – Бгыаранэ словно разговаривала сама с собой. – Хорошо, пусть так и будет. Со времен нартов я не имела возможности понаблюдать за человеческой смелостью. Закрой глаза, девочка, и позволь северному ветру отнести вас с конем во владения Мазаэ!

2. Нартишао

Много лет прошло с тех пор, как по Скифскому морю плавали путешественники в поисках Золотого руна. Много раз Вагоба озаряла мореплавателей путь. Не все люди помнят о великих подвигах. Но изумрудные воды Скифского моря хранят память о великих народах и богоподобных нартах. Чернеющее в шторм море каждый раз пытается выплунуть из глубин своих меч всевластия, принадлежавший когда-то мудрому волшебнику Али. Но не родился еще человек, способный достать из морских пучин смертоносное оружие.

1 Одевание.

2 Бог молнии.

3 Спальня супругов.

У берегов этого моря стоял небольшой аул. Случилось так, что жуткое чудовище, владыка рек и озер, Благъуэ, сел посреди Скифского моря и потребовал у жителей аула дань. Они должны были раз в двадцать дней отпускать в море пустую галеру с самой красивой девушкой на борту. Больше десяти витязей аула с тот же день поплыли на бой со свирепым Благъуэ. И ни один не вернулся. Вой кровожадного дракона оповестил жителей об их гибели. Черные воды Скифского моря покраснели.

Сыновья пщы, попросив благословения у отца, спрятались в пустой галере, на которой должна была отправиться на съедение первая девушка. Она была предназначена звездами в жены старшему брату.

Младший брат, Нартшао, так и не рассказал, что именно случилось в море и почему галеру прибило к берегу спустя два дня, без девушки на борту и со смертельно раненым старшим братом. В тот же день воды покрасневшего моря покрылись льдом. Осталась только одна не заледневшая полоса, чтобы галера с красавицей могла проплыть напрямик к Благъуэ.

Пщы не смог простить молчания младшему сыну и выгнал его из аула. Велев не возвращаться без угольков от огня, который когда-то вернул людям сам Сосруко. Согласно легенде, только эти угольки могли бы растопить толщу льда от дыхания Благъуэ. Но не знали люди, что угольки эти нужны были и самому дракону, для того чтобы высушить море и достать со дна меч всевластия.

Не успел Нартшао выехать за территорию грушевых садов аула, как увидел горящий стог сена. Озорные мальчишки с улюлюканьем бегали вокруг него и закидывали камнями. Юноша подошел поближе и увидел на стогу шипящую от боли и извивающуюся змею.

– Оказавшемуся в беде не дают сгореть, – сказал Нартшао и протянул к стогу свой меч. Змея мгновенно проползла по нему и обвила шею юноши. Тот попытался снять ее, но безуспешно. Мальчишки, увидевшие, что случилось с Нартшао, испугались и побежали через сады, в аул, чтобы рассказать пщы о горе, приключившимся с его сыном.

Змея же прошипела Нартшао в ухо:

– Не бойся, потомок великих нартов, я не причиню тебе вреда. Я помогу тебе, а ты – мне. Слышала я о том, какую сложную задачу задал тебе отец твой. Чем ближе ты будешь к исполнению помощи мне, тем ближе ты станешь к месту, до которого тебе надо идти.

– Откуда же мне знать, куда идти! – вздохнул Нартшао.

– Тебе надо попасть на Ошхамахо. Там, под священным деревом хранятся угольки от огня Сосруко, собранные моим народом.

– А кто ты?

– Я – непослушная дочь отца своего, пщы всех испов!

– Не может быть. Ты смеешься надо мной, удых. Испы ушли вместе с нартами и иныжами в верхний семислойный мир, когда люди жестоко оскорбили великих нартов.

– Не все, мой Нартшао, не все. Я послушалась отца своего и вышла замуж за человека. Меня предупреждали, что в день, когда неблагодарный муж мой обзовет меня «маленькой нечестивицей», я и мои сестры

превратимся в змей, – в шипении змеи послышалась грусть. Юноше стало даже жалко ее, хотя он и не до конца верил ее истории.

– Что я могу сделать для тебя? Люди говорят, что нельзя останавливать помощь на полпути.

– Я должна попасть в родные земли. Для этого тебе придется три дня пройти полем, затем четыре дня – лесом. Так ты подойдешь к владениям пщи-шайтанов. У них надо будет выиграть на скачках плетку-шестихвостку. Только тогда ты приблизишься к цели своей.

– Так тому и быть, змея!

Долго ли, коротко ли, но через семь дней Нартшао оказался у высокой скалы, на которой не росло ни одно дерево, и вместо травы склоны были покрыты серым мхом. Внезапно началась буря, и пошел снег. То там, то тут вспыхивали огоньки. Скала словно ожила и задышала. С ее крутых склонов посыпались огромные валуны. Нартшао еле успевал отпрыгивать.

– Будь внимательным, мой Нартшао, – прошипела змея. – Скоро откроется проход. Ты должен проскочить в него. Иначе – придется ждать три года.

Так и случилось, как сказала змея. Мерцавшие то тут, то там огоньки через какое-то время сложились в огненный проход. Скала разверзлась и оголила проход во тьму. Нартшао нырнул в него и угодил прямоком в сети шайтанов. Шайтаны были детьми иных и нагучиц. Ростом они были поменьше отцов своих, но выше человека. А хитростью и способностью к колдовству не уступали матерям своим. Со времен, когда нарты и иных покинули срединный мир, шайтаны не показывались среди людей.

Они отвели юношу к пщи-шайтану. Тот оказался седобородым старцем. Восседая на прекрасном черном жеребце, он спросил, зачем человек пожаловал в его владения. Нартшао не стал ему рассказывать свою историю. Он сразу приступил к делу и поинтересовался, что ему надо сделать для того, чтобы получить плетку-шестихвостку. Пщи-шайтан захохотал.

– А ты очень смелый, человек!

– Я просто знаю, чего хочу, тхамадэ!

– А что ты прячешь под башлыком, у себя на шее? – от зоркого взгляда пщи-шайтана ничего не могло укрыться. – Змею? А, я знаю ее, это дочь испов.

– Это моя змея!

– Я отдам тебе свою плетку-шестихвостку, если ты выиграешь у меня в скачках. Но если проиграешь, я заберу змею с твоей шеи, и тебе придется расстаться со своей головой, человек. Согласен?

– А что мне остается, – крикнул Нартшао. – Только я пеший. Мне нужен конь.

– Есть у меня один паршивый жеребец, из не самого удачного помета любимицы моей, сестры альпов. Ни один шайтан не согласится сесть на него верхом. Но для тебя, человек, он будет в самый раз.

– Выхода нет. Веди его сюда.

Нартшао, как и любой юноша, был славным наездником и умел находить общий язык с лошадьми. Давным-давно, когда отец был к нему милостив, он научил его словам, которые можно нашептать в ухо любому коню, чтобы укротить и подчинить его себе.

Все произошло так быстро, словно время в ауле пщы-шайтанов летело по кругу. Нартшао не заметил, как оказался верхом на белом жеребце. Змея, держась хвостом за его шею, положила свою голову на правое ухо коня. Сам пщы-шайтан скакал впереди Нартшао, оставляя за собой клубы пыли. Юноша задыхался, кашлял, но все равно подгонял коня.

– Нартшао, послушай меня внимательно. То, что пщы-шайтан окутал нас пылью, нам на руку. Сейчас твой конь рванет вперед и догонит его. Тебе нужно будет выхватить из его рук плетку-шестихвостку, пришпорить коня и приготовиться к полету. Как сын альпов, он умеет летать. Он вынесет нас наверх до того, как пщы-шайтан поймет, что искать нас надо не впереди, а наверху. На любую хитрость найдется другая хитрость. Он забыл об этой мудрости.

Летающее в подземном мире время ускользало от Нартшао, но он сделал все так, как посоветовала ему змея, и через какое-то время оказался посреди золотистых лугов, на которых паслись стада тучных овец. Вокруг высились красивые деревья, и воздух, казалось, звенел своей чистотой.

– Это земли отца моего, – шепнула змея.

Не успела она это вымолвить, как послышались топот и звон шпор. Тучные овцы тревожно заблеяли и сбились в белую кудрявую кучу. Откуда ни возьмись показался невиданных размеров огненный петух и пять огромных зайцев. На них восседали маленькие человечки – испы. Они были вдвое меньше человеческого роста. Нартшао в детстве слышал сказки от женщин про это воинственное племя.

Тот, который сидел верхом на петухе, недовольно спросил, зачем человек пожаловал в их последний приют. Нартшао решил, что слова здесь излишни. Он сбросил с плеч башлык, открывая его взору змею, и протянул всаднику плетку-шестихвостку. Раздался гром, сверкнула молния, и все окуталось густым туманом, и невидимые руки сорвали с его шеи змею. Когда туман рассеялся, Нартшао увидел, что всадник, сидевший верхом на петухе, стоит в окружении семи красивых девушек. Их одеяния-фацэ сливались в семь цветов радуги.

Всадники на зайцах вывели Нартшао на поляну, где были дома испов – огромные, обтесанные и прислоненные друг к другу камни. Здесь они показали юноше свое гостеприимство – накрыли стол, ломящийся от яств, наполнили кубки соком ореха.

Отец девушки, пщы-исп снова появился из ниоткуда. Он присел рядом с юношей.

– Дочь рассказала мне о том, что ты сделал для нее. Прими мою благодарность и готовность помочь. Покинуть последний приют мы не можем. Нам придется отправиться в последний путь и присоединиться к тем, кто ушел давным-давно.

Нартшао не знал, что проявить в этом случае – радость или сочув-

ствие, потому что место, о котором говорил пщы-исп, было для него неведомо. Он просто кивнул головой в знак согласия.

– Я дам тебе свирель и выведу на тропу, которая приведет тебя к владениям Мазаэ. Лишь когда сам Мазаэ откроется твоему взгляду, ты сможешь сыграть на этой свирели и увидеть старую сосну, под которой мы когда-то закопали угольки огня самого Сосруко. Они помещены в золотой котелок, и дотронуться до него сможет лишь человек с отважным сердцем, лишенный трусости.

3. *Нартшао и Дуней*

Семь дней и семь ночей скакал Нартшао по тропе к владениям Мазаэ. Преодолевал скалистые препятствия, пролетел над двуглазыми озерами, замерзшими этой странной зимой. А когда вышел из чащи Мазытла, сквозь которые пришлось пробираться, рассекая кинжалом ледяные лианы, увидел огромную снежную гору. У ее подножия, на хрустальном озере, катались и резвились дети тех, кто живет в горах. Их искренний смех разносился по округе и, самое удивительное, не тревожил снежных склонов горы. А ведь даже Нартшао знал, что в горах нельзя кричать и шуметь, потому как можно разбудить саму Бгыаранэ – богиню недоступных вершин. А она славилась своим вспльчивым характером. И уж кто-кто, а дети гор должны были знать об этом.

Приблизившись к ним, Нартшао спешил. Ему было приятно наблюдать за детскими играми, непривычными для него, выросшего на побережье Скифского моря.

В какой-то момент, переведя взгляд на белоснежную гору, он еле сдержал крик удивления, перемешанного со страхом. Гора на самом деле оказалась не горой, а головой самого Мазаэ! Огромной, величественной, с пушистой снежной бородой, кончик которой опускался к самому льду, на котором резвились дети. Каждую минуту Мазаэ осторожно дул на хрустальное полотно под их ногами, словно оберегал от опасности провалиться.

Нартшао обрадовался и стал смотреть по сторонам, доставая при этом заветную свирель пщы-испа. Но не успел он зацепить взглядом золотой блеск по правому белобородью Мазаэ, как послышался детский крик. Один ребенок, неудачно подпрыгнув на льду, провалился в воду и начал тонуть. Дети гор в страхе разбежались. Но кинулись они не наутек, а за длинными палками, как понял Нартшао. Хватило доли секунды, чтобы он принял единственно верное решение. Он кинулся не к золотому блеску, цели своего вынужденного похода, а к проруби, в которую провалился ребенок. От тяжести его веса лед обломился, и воды приняли его в объигающие объятия. Но Нартшао успел схватить тонущего ребенка. Закинув его на край проруби, он начал отталкивать его от себя... И тут увидел девушку. Она оттащила ребенка как можно дальше и вернулась за ним, протягивая длинную рогатину.

Греясь у костра, который развела незнакомая девушка с помощью детворы, Нартшао удивлялся не своей храбрости – а ведь он не умел

плавать – а ее. Кто она, и что делает без мужского сопровождения в таких даях? На женщину гор она не походила не внешне, ни одеждой. И конь у нее был такой масти, что встречается в горах.

Нартшао долго молчал. Лишь когда детвора убежала домой, в аулы, он рискнул заговорить:

– Живи долго, моя спасительница! Если бы не ты...

– Не надо, – засмушалась она. – Это ты заслуживаешь всяческих благодарностей. Ты спас мальчика, рискуя жизнью...

Он обратил внимание, что она чутко умалчивает о его неумении плавать.

– Меня зовут Нартшао. А тебя? И что ты делаешь в этих краях?

– Зовут меня Дуней.

Девушка рассказала ему о своих приключениях. Он вновь подивился ее смелости и бесстрашию. Где-то даже легонько позавидовал девичьей удали. И, считая, что он тоже обязан рассказать ей свою историю, поделился своими приключениями.

Дуней удивлялась, охала и пару раз прихлопнула в ладоши.

– Какой ты смелый, Нартшао! А что же теперь делать? Откроется ли вновь на песню свирели тайник с золотым котелком?

– Надо попробовать. Поутру и рискнем. Вдруг Мазаэ смилостивится надо мной.

– А зачем тянуть до утра. В темноте ночи настоящий блеск увидеть проще, – сказала Дуней. – Тем более, ты доказал своим поступком, что избавился от трусости, прости меня, и приобрел в пути настоящую храбрость.

Нартшао, просохнув под буркой, потер ладони над костром. Действительно, зачем оттягивать. Минуты не приносят успокоения, а мечты не всегда приводят к правильному выбору. Вдруг утром он испугается неудачи и не рискнет сыграть на свирели?

– Стань позади меня, Дуней. Я не знаю, чего нам ждать от мелодии, которую издаст подарок пщы-испа.

Выпрямившись, немного подбоченясь и подбадривая себя внутренними посылами, он поднес к губам свирель. Волшебные трели разлетелись в ночном морозном воздухе, сливаясь в замысловатый рисунок. Дуней, дивясь происходящему, постаралась запомнить узор, чтобы потом воссоздать его на покрывале для Гуацэ.

Послышался глухой вой, недовольный, хриплый. Нартшао продолжал играть на свирели. Хотя прежний Нартшао, каким он был еще пару месяцев назад, наверняка остановился бы, испытав ужас. Дуней положила руку ему на плечо, словно укрепляя в смелости.

Из-за деревьев показался бурый медведь. Он был большой, лохматый, с седыми ушами и боками. И шел в их сторону на задних лапах.

Лошади Нартшао и Дуней забеспокоились. Они начали топтать подтаявший вокруг костра снег, недовольно фыркать и привлекать к себе внимание хозяев. Но ни юноша, ни девушка не слышали их. Они как замороженные смотрели на Мазаэ, а это был точно он, и не знали, что предпринять.

А тоненькие серебристые волны свирели все еще порхали над их головами и костром в замысловатом живом рисунке.

Медведь не дошел до огня. Стал на четыре лапы и снова зарычал. Из леса выскочила тонкая косуля с посеребренной шерстью. В легком прыжке она достигла рисунка над костром и словно растворилась в нем. Дуней поняла, что это все для нее. Что под видом косули к ним вышла сама Жыгъгуащэ. Девушка подошла поближе и подняла руки. Плавно повторяя движениями рук волшебство линий, она напоминала то, что богиня безвозмездно дарила ей. Косуля выскочила из самого центра узора и убежала в лес, а на плечо Дуней упал кончик серебристой нити. Она быстро скатала его в клубок.

– Да продлятся дни почитания тебя, Жыгъгуаща!

Нартшао давно опустил свирель. Он смотрел прямо в глаза медведю. Зверь изучал его сначала издалека. Затем подошел к нему, сторонясь горячих языков костра, обошел три раза вокруг, принохиваясь. Юноша услышал голос Мазаэ:

– Ты изменился, Нартшао. Передо мной не тот человек, который пустился в поход от множества страхов. И собственные глаза могут иногда обмануть, как ты уже понял. Не забывай об этом никогда. У страха всегда глаза велики.

Юноша опустил голову, внимательно слушая наказ.

– Поутру, когда костер уснет и уйдет в недра земли, разгреби золу...

– Благодарю тебя, Мазаэ, – молвил Нартшао.

Медведь фыркнул напоследок и растворился в ночном воздухе. Громкое эхо, словно удивленный вздох Бгъыаранэ, разнеслось по горам.

Нартшао и Дуней смотрели друг на друга, не веря, что поход каждого завершился и они достигли цели.

Утром Дуней помогла ему выкопать золотой котелок с угольками от огня Сосруко. Пожелав счастливой дороги и удачи в бою с Благуэ, она подошла к своему коню. Къара бил копытом в ожидании хозяйки. Ему не терпелось отправиться назад. Лишь когда они ускакали от Нартшао на приличное расстояние, ей в спину ударило настоящее мужское обещание:

– Дуней, я вернусь за тобой. Жди меня!

Конь, добытый у пщы-шайтана летел как птица. Не успели они въехать во владения Мазытла, как зима, царившая там, начала отступать. Деревья оживали на глазах, снеговые покрывала таяли и струйками проникали в мерзлую землю.

– Жыгъгуащэ вернулась домой! – прошептал Нартшао.

Не знал Нартшао и не догадывалась Дуней, что храбростью и мужеством они доказали богам, что в людях есть еще добро и великодушие, благородство и честность. И спор Жыгъгуащэ с Мазытлом касался рода человеческого.

Долго ли, коротко ли, но каждый из них вернулся домой. Нартшао под удивленные, но счастливые возгласы молодежи остановился у дома отца своего. Старик, опечаленный потерей и второго сына, сидел под грушевым деревом. За время отсутствия Нартшао он многое понял и со-

жалел о своем вспыльчивом решении.

– Отец! – Нартшао спешился и кинулся к отцу. – Я нашел! Нашел угольки огня Сосруко!

Слеза скатилась по щеке старика.

– Иди, иди к морю. Не теряй ни минуты. А я так долго ждал тебя, что подожду еще несколько часов.

Не успел Нартшао кинуть на лед угольки, как он стал таять. Раздался вой Благуэ, и показались клубы дыма. Воды Скифского моря ожили и затанцевали в танце бури. Они кидали из стороны в сторону проклятого дракона, пока не утащили вниз, в самые глубины.

– Где много дыма, как правило, мало огня, – молвил Нартшао и побежал в аул, к отцу.

Чем ближе Дуней приближалась к своему аулу, тем ярче по ночам светила Вагоба, вновь показавшаяся на небесном своде. А к тому времени как она вернулась, ее отец, старый пщы, уже оплакивал ее гибель. Хитрая Гуащэ рассказала ему о своей болезни и о том, что только Дуней могла бы спасти ее. Старый пщы решил выждать семь дней, а пока не показывал жене своего недовольства. Он сразу понял, в чем подвох, не смотря на молчание своих уорков.

На исходе седьмого дня он приказал приготовить молодую кобылицу. Злая Гуащэ не догадывалась, какая участь ей грозит. И только возвращение Дуней на рассвете восьмого дня спасло ее от ужасного наказания.

Клубок серебристых волос из бороды самого Мазаэ послужил доказательством того, что она действительно побывала на Ошхамахо.

Злую Гуащэ пощадили, но не позволили остаться в ауле. Их с дочкой отпустили восвояси, наказав, чтобы они никогда не появлялись на равнинных землях.

Дуней вышила покрывало серебристыми волосами из бороды Мазаэ тем самым рисунком, который ей подарила Жыгыуащэ и стала ждать.

А на исходе лета к ним в аул приехали сваты из приморского аула.

ОСТАВИТЬ СЛЕД: СВЕТЛЫЙ И ТЁПЛЫЙ

История (короткая или длинная, богатая или скудная) есть у всего, что есть на свете. И тот, кто ярко выделяется среди других, стоящих рядом, отличается от них глубиной своих мыслей, широтой взглядов, высотой стремлений – оставляет после себя светлый и тёплый след. В истории Второлескенской средней школы памятными стали годы, когда учреждением руководила Нелли Миседовна Тхазеплова. Человек своего дела, талантливый педагог и умный руководитель, она, чувствуя большую ответственность за порученное, отдавала

свои знания, опыт, силы, любовь, всю себя – делу воспитания и обучения подрастающего поколения.

Нелли родилась и выросла в большой многодетной семье Миседа и Чадихан Тхазепловых, которые в уважении и почете жили в селении Старый Черек. Детство Нелли пришлось на послевоенные годы, и она, как и другие её сверстники, рано почувствовала все тяготы жизни. Помогая матери по хозяйству, она также хорошо успевала и в школе, активно участвуя в школьной жизни. Как растение, тянущееся к свету, Нелли душой и сердцем проникала в каждое слово учителя. Отличница и активистка, она была заводилой многих хороших начинаний в классе и в школе. Ученическая производственная бригада под её руководством была передовой не только в Урванском районе, но и в республике.

Окончив среднюю школу с золотой медалью, Нелли Тхазеплова без особых усилий поступила на английское отделение факультета романо-германской филологии КБГУ. Студенческие годы пролетели быстро. Получив заветный диплом о высшем образовании, Нелли с радостью вернулась в родное село и начала преподавать английский язык студентам Старочерекского сельскохозяйственного лицея.

В 1977 году Нелли вышла замуж за жителя с. Второй Лескен Виктора Сомгурова и продолжила работу уже в средней школе этого селения. Молодую энергичную учительницу встретили тепло и открыто. Нелли тоже быстро нашла общий язык с коллективом, достойно воспитавшим немало поколений сельчан. Исполнительную и инициативную Тхазеплову вскоре назначили заместителем директора школы по воспитательной работе, затем и директором. Привыкшая выполнять возложенные на неё обязанности безупречно, без изъяна и в срок, Нелли требовала от остальных такой же

ответственности. Она и её коллектив за короткий промежуток времени добились высоких результатов в учебно-воспитательной работе. К школьным делам новый руководитель привлекала и общественность села. В процесс образования и воспитания детей более активно начали включаться родители. На обсуждение наиболее важных дел приглашались старейшины села. Так поднимался престиж школы и учителя.

Талант, отпущенный Нелли Всевышним, многократно возрос, благодаря её непрерывному титаническому труду, самоотверженному служению педагогической профессии. За своим руководителем, опытным методистом, наставником молодых педагогов, учителем учителей, тянулся и весь коллектив. Продолжая славные традиции предшествующих поколений учителей, коллектив под началом Тхазепловой и учащиеся начали активнее участвовать в различных районных и республиканских предметных олимпиадах, смотрах, конкурсах, турнирах, и занимали в них призовые места. Кроме того, и это было важнее, школа добилась успехов и в воспитательной части. Неуспевающих по различным предметам, опаздывающих на уроки детей стало гораздо меньше. Все почувствовали какую-то особую ответственность за свои школьные дела и за саму школу: работу, учёбу, чистоту и порядок.

Хорошая новость о налаженной работе Второлескенской средней школы быстро разлетелась не только по району, но и по республике. Там проводились районные, республиканские семинары. Чтобы набраться опыта, в передовую по многим показателям школу приезжали руководители и педагоги из других мест. Школа и её директор Нелли Миседовна Тхазеплова были в числе лучших по Кабардино-Балкарии. Поэтому школа и стала победительницей в возобновившемся в середине 90-х годов Всероссийском конкурсе

образовательных учреждений. Ей присвоили звание «Лучшая школа Российской Федерации». Нелли Тхазеплова получила высокое общественное признание. Она стала «Лучшим директором сельской школы РФ». Такие успехи были оценены и руководством нашей республики. Правительство КБР подарило школе автомашину «Волга» и целый компьютерный класс. За высокие показатели в учебно-воспитательной работе Тхазепловой присвоили почётные звания «Заслуженный учитель КБР», «Почётный работник образования РФ». Её благородный труд не раз отмечался различными почетными грамотами.

У энергичной учительницы, опытного руководителя было много целей и задач по жизни и по школе. Многие она успела сделать, но не всему было дано сбыться... После непродолжительной, но тяжёлой болезни, весной 2001 года Нелли Миседовна ушла из жизни...

Педагогическое сообщество республики понесло тогда невосполнимую утрату. Не стало личности яркой, неординарной, масштабной. Все старались поддержать семью, родных и близких Тхазепловой. Казалось, без Нелли осиротела и школа, в развитие которой она вложила огромный труд, знания, душу и сердце.

Светлая память оригинальному мыслителю, блестящему руководителю, талантливому педагогу Нелли Миседовне Тхазепловой. Таких людей общество помнит долго.

Мы жили на обочине ушедшей осени

Посвящается Алиму Алафаеву

Она дымит последними кострами, согревая мой аул. Сдирает краски с почерневших голых деревьев. Ветер из-за перевала срывает пожелтевшие листья. Вершины гор серебрятся первым снегом. Дождь постепенно превращается в липкий мокрый снег, который тут же тает. Была бы земля посуше, да снег откуда ни возьмись повалил бы с голубого неба сухим тополиным пухом – так бывает в горах, – тогда, да, навалило бы, а так надо подождать ещё немножко. Хотя зима уже скребется в скрипучие двери, стучится в ночные окна, просит, чтобы пустили в дом погреться у печки.

Я проснулся и первым делом увидел отца, который, слегка сутулясь, стоял у окна. А за ним наш старый двор. Он живет ещё горькими воспоминаниями о войне, которая турьими тропами добралась и до нашего горного села, теряя по дороге первые похоронки моих односельчан.

Калитка была открыта. Отец, когда был дома, не разрешал нам ее закрывать. «Вам что, забора мало?» – сердился он. Посреди двора, чуть приседая на задние лапы, стояла огромная собака.

– Скажи матери, пусть даст ведро теплой воды.

Мама собак не любила, да и к кошкам была равнодушна. Потому, наверное, эта живность в нашем доме не прижилась. Правда, частенько забегала соседская, которую я подкармливал. Но мама гонялась за ней с палкой.

– Что случилось? Зачем отцу теплая вода?

– Большая собака пришла. Её кто-то сильно покусал.

– Вот говорила же, чтобы закрывали калитку. К соседям не пошла, потому что там все закрыто. Возьми ведро. Смотри не расплескай по дороге.

Отец сидел на корточках и смотрел на рану.

– Похоже, его задрал волк. Слава Аллаху, не секач. Он режет, как бритвой, своими клыками. Помнишь соседского Шерхана? Так его на охоте раненый кабан подрезал. Через день умер, бедолага. Ты держи его за голову, а я промою ему рану. Видишь, он пришел к нам за помощью. А куда ему идти? Только к человеку.

От страха крепко зажмурив глаза, я зарылся лицом в густую мохнатую шерсть. Пахло теплом и мокрым снегом. Я всегда находился рядом, когда отец резал барана.

– Запомни, мужчина должен в своей жизни уметь четыре вещи: разделить барана, нарубить дрова, накосить сена в горах и выкопать могилу: нашу, мусульманскую.

А ведь говорил отец все это неспроста. Впоследствии жизнь так болтанула меня со всем этим...

Промывал содержимое в ведре тщательно, не спеша и очень осторожно.

– Теперь главное – обработать рану. Ты пока посиди с ним.

Я чувствовал всем своим маленьким существом невыносимую адскую боль в его теле. Силы покинули пса, и он лёг на землю. Я опустился рядом на колени. Глаза, залитые кровью, смотрели с мольбой. И вдруг неожиданно для меня он начал лизать мне лицо. Я подставлял под его язык свои глаза, нос, губы. Из пасти пахло волчьей кровью. Я тоже целовал его морду, прижимаясь все сильнее и крепче к его голове, будто боялся, что к приходу моего отца появится хозяин и заберет его у меня, или же он сам уйдет со двора в горы. Вернулся отец.

– Вы, я вижу, подружились. Это хорошо.

В руках иголка с ниткой и большие ножницы, которыми по весне он стриг наших овец.

– Пап, как ты думаешь, он выживет? У него же кишки видны.

– Выживет. Он крепкий парень. Видишь, зубы какие. Да и до раны языком достаёт, а значит всё зализет. Ты знаешь, что у них слюна целебная? Сколько в детстве они мои болячки зализывали, лучше любого лекарства.

Уверенность отца быстро передалась и мне. Я успокоился.

Свою обувь на ремонт мы не носили. Отец чинил её сам. В одно время он решил преподать мне уроки мастерства, но из этого ничего путного не вышло. Я постоянно резал пальцы и пачкался кровью. Мама возмущалась, говорила отцу, что у меня руки растут не из того места.

– Пусть дрова рубит, у него это лучше получается, – голосила она.

В конце концов отец перестал себя мучить, смирился и окончательно похоронил в себе несбыточную мечту – сделать из меня настоящего сапожника. А быть дровосеком в этом богом забытом ауле – дело неприбыльное, подумали мы. На том и порешили.

Соседи знали о пристрастии моего отца. Так, таскали старую обувь, пережившую не одну войну. Обувью-то и не назовешь. Одна кожаная ружлядь. Сандалии, ботинки, тапочки, попадались и армейские сапоги с разорванной пастью. Отец за работу денег не брал. Из принципа. Горцы быстро смекнули, в чем тут дело. Кроме одного небожителя – отцовского троюродного брата по крови –

дяди Нины. Тот в отличие от отца имел настоящую сапожную будку в виде проржавевшего кузова от «аварийки». Это во-первых. А во-вторых, сдирал за свою работу с каждого клиента по полной, как с сидоровой козы. В общем, выходило так, если брать по часам: четыре часа из шести он валялся на куче накопившейся обуви, но дело свое знал, сукин сын, как свои четыре пальца. Мизинец рубанул по пьяни, завернул в газету и к вечеру скормил собаке. Пес, который отведал кус человеческого мяса, жил потом рядом, в ожидании, когда сапожник «даст дуба».

Так вот, насчет дяди Нины, брата нашего по крови. Здесь, высоко в горах, свои законы – законы предков, и не нам их нарушать. Непристойно горцу имя женское носить. Предок его, узнав о рождении, в пьяном угаре в честь любимой бабушки, заменившей ему мать, назвал. Случилось это до войны. А во время войны и не до смеха было. Вот так в горах прижилось еще одно имя.

Дядя Нина часто приходил к отцу ругаться. Отец на правах старшего посылал родственника куда подальше, за горный перевал к братьям сванам. Нина, в свою очередь, призывал к мудрости, совести и к хлебу насущному. Но, в конце концов, опять же, в который раз не договорившись, уставшие, но в предвкушении предстоящего маленького праздничка, усаживались за стол, куда Аллах с небес посылал водочку, лягур и горячую пасту, прямо из котла. После первой накатанной чекушечки отец обещал завязать с сапожным делом. Не отнимать же у брата хлеб! А дядя в свою очередь клялся больше не давать кожу да мелких гвоздей, что являлось в послевоенное время несказанной роскошью. В этот день моим близким и дальним родственникам односельчане объявляли выходной. И всё-таки эти обстоятельства не мешали Нине еще раз напомнить, что он (отец) нехороший человек. Правда, всё это он выкрикивал за калиткой, на улице, на пути к сапожной будке, которая сиротливо смотрела на происходящее вокруг, всё отдаляясь и отдаляясь от пьяного сапожника, который нет-нет да и зацепится за ветхий сгорбившийся плетень, чтобы не упасть. Но всё заканчивалось, как всегда, на пороге у мастерской, глубоким сладким сном под чутким взором голодного пса, который, сука, терпеливо ждал смерти сапожника.

У отца руки хирурга. Швы ложились один в один, как костяшки домино. Пёс от боли закрывал глаза, стонал, но терпел, слегка покусывая мою руку.

– Ну что, дело теперь за ним. Ему отлежаться надо в тепле. Пойду во времянке сено постелю.

Псина тут же, как по команде, вывалила свой огромный язык. Слюней было в избытке, хоть бери лопату и выгребай. Мать пыталась возразить.

– Этого только не хватало. А вдруг укусит? Как я туда заходить буду?

– А ты не заходи. Теперь это их дом.

– Пап, что я там с ним буду ночевать?

– Не оставлять же его одного. Кто-то же должен смотреть за больным. Не нам же с матерью.

А мне пса не поднять. Нужна помощь отца. Он помог тому встать на лапы, а потом с трудом взял на руки.

– Килограмм 80, не меньше. Давно я не таскал такие тяжести.

Дрова в буржуйке потрескивали автоматной очередью.

– Вот тут и будете вместе лежать. Возьми мой овчинный тулуп, поддерживай огонь, тепла хватит на всю ночь, как бы ни пришлось двери открывать. Там осталась шурпа в котле. Принеси ему. Если не сможет глотать, корми из ложки, только вливай сбоку, под язык, чтобы не захлебнулся.

Отец вышел, и мы остались одни. От кусочков вареного мяса он отказался, отворачивал свою лохматую голову, обнажая слегка пожелтевшие белоснежные клыки. Советы отца – кормить бедолагу из ложки под язык – ни к чему не привели. Шурпа, застывшая жирной коркой, оседала на его губах. Я тут же слизывал остатки, при этом он чуточку морщась, подергивал своими усами. И мне казалось, что это действие доставляет

ему удовольствие. Тогда я решился обмазать толстым слоем жира свое лицо в надежде, что и это ему понравится. Так и случилось. Понравилось. Процедура нанесения макияжа привела к очередному успеху. Он начисто вылизал мое лицо, которое пахло шурпой и собачьими слюнями.

Ночь с обрывистых скал, поскользнувшись, провалилась в ущелье и накрыла аул черной буркой. Я сидел рядом на полу, прислонившись к стенке, положив собачью голову себе на колени. Тусклая керосиновая лампа на столе. В чуть приоткрытое окно из черного леса в конце нашего огорода доносился вой волчьей стаи. Соседские дворняги, поджав хвосты, хором старались изображать нечто подобное, но в их голосах было больше жуткого страха, чем уверенности в себе. Всё произошло мгновенно. Я не успел сообразить, как пёс вскочил и бросился в открытую дверь. Я кинулся следом. Мне повезло. Отец оказался во дворе.

– Волки! Давно так близко не спускались в аул. Вот только во время войны, рассказывали, разбойничали. Их гнал голод. Я так думаю, они пришли за ним. Может, самку вожака задрал. Волк хитрее собаки. Они не оставят его в покое. Будут идти по следу, где бы он ни был.

– Пап, раз он такой сильный и не боится волков, давай назовем его Палачом.

– Я не против. Но у него, наверное, есть свое имя. Хотя, раз ты решил, давай так назовем, – отец одновременно успокаивал псину.

Вернулись во времянку.

– Ты смотри, двери на ночь закрывай, а то он может уйти даже в таком состоянии, – отец вышел и закрыл за собой двери.

А я, укрывшись тулупом, примостился рядом с ним. Лежим в обнимку. Его голова на моей груди. Слышу, как часто стучит сердце. Дышит порывисто и очень тяжело. Всунул свой кончик языка прямо мне в нос. Щекотно, текут слезы, хочется чихать. И я про себя думаю, может он принимает меня за щенка, потому что я такой маленький, а может, за своего сына в той, прошлой жизни. Говорил же мой отец, что наши души продолжают жить в людях и разных там животных.

Стая уходила вверх по ущелью. Запоздалые сны мечутся по домам, ищут окна и двери, чтобы успеть до рассвета в постель. В конце аула бредет одинокая собака. Мне хорошо с Палачом. Так хорошо, как с мамой, когда она брала меня к себе. А до рассвета еще несколько часов крепкого сна.

Утром пришла мать. Не побоявшись, зашла во времянку. Отец встал рано и вынес Палача под навес.

– Сынок, всё хочу спросить тебя. Ты уже взрослый. Настоящий мужчина. Вот носились бы вы со мной, как с этой собакой, если бы я вдруг заболела?

Мне от сказанного стало маму так жаль, что я возненавидел Палача, а потом заплакал.

– Ну что ты? Что ты? Не плачь. Я пошутила, – мать подолом фартука вытирала мне слезы. Палач смотрел на меня, чуточку шевеля огрызком хвоста, и улыбался.

– Теперь главное, чтобы он ел и набирал силы, – сказал отец.

Шли дни. Палач шел на поправку. Рана понемногу затягивалась. Если он вдруг уставал лизать, я рукой выгребал его слюни и смазывал огромную болячку. Появился аппетит. Теперь ел самостоятельно. Ночью продолжали приходиться волки.

С рассветом слышались тревожные голоса за окном. Женщина плакала во дворе. Звали отца с матерью. Умер наш сосед – дядя Назир. Жена нашла его мертвым в сарае благодаря Майке. Она мычала, била копытами о деревянный настил, лизала ему лицо, стараясь привести в чувство. Поэтому звали отца, чтобы помог занести его в дом.

С первыми лучами солнца народ потянулся к настежь распахнутым воротам.

Дядя Назир, сколько себя помню, жил со скотиной в сарае. Кормил сеном, поил водой, выгребал навоз, не забывал подкармливать солью. Но не это было главным в его жизни. Главным были долгие разговоры. Детей своих у него не было. Жена не рожала. Выгнать ее на улицу он не мог. Как бы ни настаивала близкая родня. Из-за жалости. Уж больно отменная хозяйка была. Знал, что случись с ним, родня не поможет. А вот она не бросит. Всю жизнь он носил это в себе, ни с кем не делился и как-то гордился ею с первого дня, когда случайно заметил её на свадьбе в соседнем ауле.

Назир, в отличие от многих других, был настоящим горцем. Говорил мало, на похвалу был скуп. Если давал слово, то держал его. Людей не любил, война перемолола все его чувства. А вот если что-нибудь, не дай Бог, касалось его домашних животных, мог любого прирезать на месте. Корова Майка, бычок Борька, три барашка, куры, индоки... Они ходили за ним по пятам. Часто сопровождали его, когда он выходил в сельмаг за сигаретами. Вечером всё это стадо собиралось в сарае. Он разговаривал с ними, рассказывал о своей жизни, часто вспоминал войну. В ауле поначалу не верили своим глазам. Думали, мужик с войны вернулся слегка контуженный. Ну а потом понемногу привыкли и вообще перестали удивляться. Молва об этом гуляла по всему ущелью. Добирались специально, чтобы поглазеть на живность. Назира всё это раздражало. В один день взял и перестал появляться на людях. А когда заканчивались сигареты, звал меня и просил купить ему несколько пачек.

У Назира сердце остановилось во время разговора с Майкой. Вначале ей показалось, что он просто захотел присесть, опираясь на вилы. Глаза были открыты, это и сбило Майку с толку. Ей, любимице Назира, было невдомек, что он мог умереть с открытыми глазами. На её топот и мычание проснулись Борька и вся птица в курятнике. Ну а затем прибежала жена. Они расступились и дали ей пройти к нему. Правда, Борька всё еще продолжал бодать его в грудь по привычке. Но Назир не реагировал и не хватал его за рога. А когда пришел отец, взял его на руки и понес в дом, они поняли, что дядя Назир умер, и встал вдруг перед ними вопрос, как жить дальше.

Хозяин дома лежал посредине большой комнаты. А вокруг, вдоль стен, в тесноте сидели женщины на стульях, преимущественно в черных платках. Жену Назира держали под руки. Она тупо смотрела в одну точку. Она и думать не могла, что всё это происходит с ней сейчас. И это не сон,

а реальность. Произошло то, чего она так боялась. Пока ещё не думала о дне завтрашнем, который непременно придет с одиночеством. Пусть он не любил её, но он для неё был самым желанным. Каждый раз во время войны она вздрагивала на голос, боялась выйти из дому, вдруг в руках почтальона окажется тот клочок бумаги. Постучали ночью. «Только бы не почтальон, – вставала и думала она, – только бы не почтальон». Вышла на крыльцо. И дальше – как в пропасть упала, только чувствовала сладкое тепло боевых наград, которые больно давили её упругую грудь, и руки, и губы, и опять руки, которые наслаждались ее телом, незнакомым, забытым, но своим, каждой клеточкой своим.

Хоронили, как принято, в тот же день, до обеда. Но перед тем, как стали выносить, в комнату вошли Майка с Борькой. Майка с трудом протиснулась в дверной проем, сделала несколько шагов к покойнику и положила свою голову ему на грудь. Никто не встал и не вышел, только теснее прижались друг к другу, освобождая животным место. Борька ходил вокруг, пытался боднуть тело. Через секунду-другую они вышли. Люди смотрели на это не дыша. Никто до конца не мог осознать, что же произошло. Только один мулла сказал: «Они пришли за душой Назира».

Кладбище было рядом, за пригорком. Мужчины, меняясь на ходу, несли тело на руках. Похоронную толпу, состоящую из пяти десятков человек, замыкали Майка с Борькой. Они, как и все, шли молча, подставляя свои морды мелкому щемящему дождю.

Шло время. Запоздалая осень, оставляя на обочине наши судьбы, уходила за перевал. Майка перестала давать молоко. Борька отказывался от еды и начал быстро худеть. Жена Назира пыталась уговорить скотину, но всё было тщетно. Однажды утром, как всегда, решила зайти в сарай. Он оказался пустым. Майка увела Борьку с собой ночью в горы. Калитка была открыта. Искали долго. Запорошился белым снегом первый месяц календаря. Однажды местные чабаны случайно наткнулись на два скелета в лесном массиве: большой и маленький. Рядом лежали два колокольчика с родовым тавро, которые дядя Назир заказал кузнецу. «Майка! Майка!» – слышен голос в ночи. А в ответ колокольчик: «Дзинь-дзинь-дзинь, дзинь-дзинь-дзинь»...

Чабаны с соседнего коша привезли щенка в подарок. Тут же, не отходя от котла, где варились куски баранины для гостей, обрубили ему хвост и уши, чтобы волкам было не по зубам, да и ночью чтобы чутко спал. А как заснешь, когда ветер в ушах гуляет. Смазали раны золой, заглянули щенку в пасть и хором решили, что собака родилась необыкновенная.

– Небо видишь – всё черное. И глаза ни о чем не говорят. Стекланные. Страшный будет пес. Такого в горах еще не было.

И действительно, щенок стал грозой в округе. Каждый из волков знал – если позаришься на отару, которую он сторожит, жди неминуемой смерти.

Волчицу гнал голод. Третьи сутки щенята в логове без еды. Стая с вожакom ушла еще вчера ночью на дальние кошары. Она была альфа-самкой в стае, могла позволить себе и послушаться. Команда была ждать. Вожак всегда возвращался с едой. Надо было всего лишь дождаться. А как?

Волчата, чтобы как-то сберечь последние силы, просто лежали и не двигались. Материнский инстинкт преобладал над страхом. Последний раз облизала каждого из щенков, заставив их открыть глаза и пошевелиться. Проснувшись голодные, они сразу начали звать мать. Но она, уже поджав хвост, бежала по рыхлому снегу в сторону отары, которая вернулась в небольшую ложину на водопой. Чабаны ведрами разливали воду в железные корыта. Каждого из них знала в лицо. Но глаза искали нечто другое, которое было куда страшнее человека. Увлечшись, она на мгновение забыла, что лежит на снегу по ветру. Надо было переместиться на другую возвышенность, залечь на дно и терпеливо ждать. Здесь ветер натывался на огромный камень и терял свое направление. Сердце стало чаще биться. Где же он? Обычно всегда лежал чуть в стороне на небольшой возвышенности, чтобы вся отара была как на ладони. Уже успела отсечь большую жертву, которая, напившись ледяной воды, стояла в стороне. Но его нигде не было. Он ведь не мог остаться к кошаре. А вдруг заболел? Оружие висело на седлах. Пока добегут до лошадей, она уйдет. У нее была фора. Все рассчитала по секунде, по метру.

Солнце стояло в зените. Снег слепил глаза. По ложине гулял колючий ветер. Перед броском в последнее мгновение её что-то заставило оглянуться. Удар грудью был настолько неожиданным и мощным, что она кубарем покатила вниз по склону. Переворачиваясь, каким-то чудом успела заметить, как чабаны бежали к лошадям. Картинкой пронеслась вся ее жизнь. Стая. Вожак. И взгляд задушенной сестры, которой ничем нельзя помочь, надо было спасать свои жизни. Хрустнул до боли знакомый шейный позвонок. Хруст этот она не раз ощущала на своих клыках. Она не успела почувствовать боль.

Совсем недалеко, вон за тем хребтом, проснулись щенята. Вернулась стая. Принесла еды.

Палачу бросили кусок мяса. Тут же разделанную волчью шкуру, обработав солью, сворачивали в клубок, подвешивали к седлу рыже-огненного жеребца, который однажды ударом копыта убил ее брата.

После трудного перехода стая устроилась на ночлег. А перед этим, еще на подступах, вожак почувствовал, что волчицы там нет. Альфа-самка жила на особом положении... Девушка была еще та! С характером! Дерзкая, рискованная и очень мстительная. Но при всем этом она всегда приносила ему здоровое потомство.

Палач чувствовал, что она не оставит его в покое. Рано или поздно ему придется ответить за её сестру. Не потому ли вожак старался стороной обходить знакомый кош. Боялся не за себя. За нее боялся. Он позволял ей всё. Ну, почти всё. Временами казалось, что в стае два хозяина. Он понимал от большой любви, что всё это неправильно, но ничего не мог с собой поделать.

Уже не заснуть. Брезжит рассвет. За ночь приморозило. Снег укрылся ледяной коркой. Чабаны сегодня решили спуститься пониже, где снега на склонах с солнечной стороны поменьше. И там легче будет добраться до ещё зеленой травы. Он уже решил для себя, пойдет один. И встретит их к вечеру, когда они начнут возвращаться домой.

Багровые лучи солнца, а здесь в горах они особенные, ещё ласкали слегка подгоревшие вершины гор. Но уже то тут, то там зажигались холодные звезды на темно-синем небе. Отара была на подходе. Шкура волчицы висела на растяжке. Он чувствовал её запах. Палач первым увидел силуэт на фоне темнеющего неба.

Вожак уводил его за собой всё дальше и дальше. Туда, где снег был и побольше, и поглубже. Палач сделал паузу, чтобы отдышаться. Два глубоких вдоха и выдоха, вдоха и выдоха. Этого было достаточно, чтобы восстановиться для броска. Они стояли в метре друг от друга...

Он лежал с разорванным животом. Можно было собраться с последними силами и догнать вожака, который без задних отгрызенных ног полз в темноту по мокрому вязкому снегу, оставляя после себя сгусток черной крови. Но Палач остался лежать, обрекая тем самым вожака на длительную мучительную смерть, если он не умрет сразу от потери крови. Только сейчас осознал, насколько далеко они ушли от коша. Он тоже нуждался в помощи. Но её неоткуда было ждать. Чабаны видели, как Палач кинулся следом за вожаком, но никто из них даже не дернулся, будто были уверены в том, что и на этот раз расправится с очередной жертвой, вернется, как бывало не раз, в отару. Надо во что бы то ни стало вставать и уходить, пока волки не пришли за ним. Знал, что они найдут вожака и на зубах донесут его до логова, а затем вернутся за ним.

Верой и правдой служил чабанам. Но они бросили его. То вставал, то опять падал. Он уходил, уползал в противоположную от коша сторону, в аул к людям.

Наш дом стоял с краю.

Пришла зима с огромными хлопьями. Пришла ночь. Выпало столько, что отцу с матерью с рассветом пришлось брать за лопаты и расчищать сугробы во дворе. Больше всех рад был Палач. Он бегал по двору, прыгал в снег, хватался за лопату, мешал отцу, а я бегал за ним, цеплялся за его шею, падал, и он тащил меня за ворота, аж до самой сапожной будки. А потом прибежали пацаны с деревянными санками. Отец тут же запрягал Палача, и он с радостью возил нас по заснеженной улице под свист и улюлюканье пацанов постарше. Все мы, и мама тоже, полюбили Палача. И нам отвечал взаимностью. Отвечал как: просто лизал наши пацаньи морды, а потом вдруг, неожиданно для нас, понарошку начинал рычать и скалиться, после чего мы все разбегались в разные стороны.

Однажды в нашем дворе появился чабан с коша, который сказал отцу, что пришел забрать Палача. Они там, в кошаре, думали, что его загрызли волки. Ну, одним словом, чабаны... Отец просто ответил: «Забери, если сможешь». Не смог. Больше не появлялся. Каждую ночь продолжали приходить волки. Отец сказал: «Он уйдет». И он ушел.

Я серьёзно заболел. Участковый фельдшер, один на все ущелье, открыл мне рот, а потом заглянул в глаза и произнес: «Это всё из-за Палача. Если вернется, он выздоровеет, если нет, будет болеть».

Волки больше не приходили.

Марзият БАЙСИЕВА

«Застой – преддверие творческого подъема»

Заслуженный артист Кабардино-Балкарии и Ингушетии Алим Теппеев – один из самых любимых певцов в нашей республике. Признание зрителей сопровождает его по жизни, как счастливый знак судьбы.

– **Итак, однажды вы вышли на сцену...**

– И победил! Это был 1992 год, конкурс «Нальчикские зори». Я был всего лишь старшеклассником, и неожиданно мне присудили второе место. Именно эта победа заставила меня серьезно задуматься о выборе жизненного пути. В ходе подготовки к конкурсу познакомился с Исмаилом Жанатаевым. Он «распевал» меня и подсказал, что после школы имеет смысл поступить в Северо-Кавказский институт искусств. Там два года я занимался народным пением у Людмилы Кубадиевны Кульбаевой и еще два года посвятил академическому пению у Натальи Казбулатовны Гасташевой. Я благодарен судьбе за встречи с этими удивительными людьми. Они утвердили меня в мысли, что музыка – мой мир.

– **Но бывает же порою трудно, неужели ни разу не пожалели о своем выборе?**

– Я – артист, а это означает, что ты никогда не знаешь, что тебя ожидает на сцене. Непредсказуемость профессиональной стези создает напряжение. Ты все время ведешь сам с собой разговор о следующих шагах, думаешь о развитии, понимая, что шаг вперед может оказаться шагом назад. В нашей профессии не бывает гарантий. Но я ни разу не жалел и, знаю, не буду жалеть о своем выборе. Кто я, что я без песни? Никто и ничто. В песне – вся моя душа.

– **Душа – это прекрасно. Но как быть с бытом, с дороговизной жизни? Спрошу прямо: как вам хлеб артиста?**

– Как и у всех, по-разному. Бывают дни достатка, но бывало и время жесткой экономии. Но моя супруга умеет технично обходить все углы жизни, сглаживать их. Никогда не слышал от нее упреков. Она знает точно: не сегодня, так завтра я заработаю деньги и принесу в дом.

– **В «дом»... из уст артиста звучит несколько чужеродно. Мне кажется, что артисты свободны как ветер, даже если связаны узами брака.**

– Нет, нет, я прекрасно чувствую себя в замкнутом пространстве моей семьи. Сутками могу сидеть дома. И мне не тесно. Не хочется вырваться на волю. Единственное, чего жажду, помимо дома – это сцена. Я не могу долго без сцены.

Алим Теппеев

– **Вы никогда не выходили на сцену в джинсах?**

– И не выйду. Уважаю сценическое пространство. И каждый мой выход для меня волнителен и прекрасен.

– **Вы поете песни, любимые народом. Эти песни пели до вас знаменитые певцы. То есть риск здесь минимальный, обреченность на успех – стопроцентная...**

– Все ровно наоборот! Когда исполняешь знаменитую песню, ты обязан спеть ее не хуже предыдущего исполнителя, это как минимум, лучше – тоже не возбраняется. Вообще работать с золотым фондом сложно и ответственно. Древние песни в моем исполнении звучат современно и вписываются в нашу жизнь, обретая новое дыхание.

– **Значит ли это, что никаких экспериментов ждать от вас не надо?**

– Не спешите с выводами. Сейчас я работаю с молодыми авторами.

– **И когда мы услышим новые песни?**

– Только на заводе, где расписано время каждого действия, можно говорить о каких-то определенных параметрах. А в творчестве ничего определенного нет... я сам не знаю, сколько времени мне потребуется. Могу сказать одно: у меня на руках интересный материал. Что получится в итоге – время покажет.

– **Почему так долго ваш репертуар был неизменным?**

– Чтобы менять репертуар, надо много работать... откровенно говоря, у каждого творческого человека бывает время взлета и время застоя. Но застойное время тоже полезно: в нем копится энергия для будущих шагов, для творческого взрыва.

– **Кого вы сами слушаете?**

– Я всеяден, профессиональная любознательность дает о себе знать. Классика, джаз, рок, рэп – мне интересно все.

– **Но ближе и роднее...**

– Ближе и роднее народная музыка. Я участвовал в фольклорных фестивалях народов мира в Италии, Бельгии, Испании, Франции. Народные танцы, древние ритмы просто потрясают. Прикасаешься к чему-то подлинному, вечному. Я горд, что наши выступления производили на фестивалях фурор. Все-таки здесь у нас глаз несколько привычен к народному искусству, и мы в полной мере не осознаем его самобытность. А за границей ясно понимаешь, каким богатством мы обладаем. Наши костюмы, рисунок наших танцев, ритмы, дошедшие до нас от предков, – сильно впечатляют публику фестивалей. Кстати, многие там знают, что Кавказ – земля уникальной культуры.

– **А есть ли культура общения у артистов? Вы дружите с коллегами?**

– Многие ошибочно полагают, что мы ведем какой-то божественный образ жизни. Это не так. Где бы ни проходил концерт – в городе или селе – в зале много родственников. Республика маленькая, мы знаем каждый шаг друг друга. Ничего, что могло бы огорчить мою мать, я не совершу. С артистами дружу, многие из них мне как братья. Есть

определенный круг людей, которые составляют артистическое братство. Мы живем плечом к плечу, всегда рядом – и в дни печали, и в дни радости.

– **Вы несколько раз упомянули мать. А кто она по профессии?**

– Гармонистка, кстати, играет до сих пор. Она считает, что я живу не зря, а для меня ее мнение ценно. Отец играл на семиструнной цыганской гитаре, к сожалению, отца уже нет с нами. Считаю, что музыкальность во мне – генетическая. Да и село мое родное – Безенги – красивейшее. Я рос в горах, среди первозданной природы и в музыкальной атмосфере. Годы детства – мой источник силы. Воспоминания о детстве всегда со мной. Как только выдается свободное время – еду домой к маме в Безенги.

– **Ваши дети поют?**

– Поют у меня три дочери, и все – папины дочки! К сожалению, часто бываю на гастролях и тяжесть хлопот на плечах супруги. Но когда я дома, мы говорим обо всем на свете. Не люблю современное телевидение, в котором очень мало фильмов и передач для семейного просмотра. Мы смотрим старые добрые фильмы, потом их обсуждаем, вместе ходим в парк, музеи. Дети учатся отлично, любят книги. В общем, мы живем так, как нам нравится, не подражая другим.

– **Что вас больше всего раздражает в вашей сфере?**

– Имитация творчества. Сегодня, благодаря техническим средствам, практически любой человек может выйти на сцену. А я за то, чтобы в любой сфере, в том числе и в музыкальной, работали профессиональные люди. Когда слушаешь Исмаила Жанатаева, чувствуешь, какая кропотливая работа стоит за культурой его пения. Слушаешь Омара Отарова, и словно дыхание прошлых веков овеивает лицо... Таких примеров истинного служения сцене немало в нашей республике. Я бы хотел, чтобы эта традиция служения продолжалась.

– **Какой проект вы бы с удовольствием смотрели по республиканскому телевидению?**

– «Музыкальный ринг». Чтобы один певец боролся с другим, чтобы звучал только голос, живой голос.

– **Вас приглашают в жюри вокальных детских конкурсов?**

– Приглашают, но я всем детям ставлю одинаково высокие баллы. Я не могу обижать детей!

– **А взрослых можете обидеть?**

– За всю мою профессиональную жизнь у меня не было не то, что ссоры, даже разговора на повышенных тонах с коллегами. Это моя принципиальная позиция: никого не хочу расстраивать, обижать, задевать. Если удастся делать доброе дело – радуюсь! Мои акценты в жизни уже расставлены. И я не собираюсь ничего менять.

В редакцию «ЛКБ» часто обращаются наши читатели, от учащихся старших классов до пенсионеров, которые сами пытаются создавать какие-то произведения в различных литературных жанрах – прозе, стихах и т.п., просят рассмотреть их и, по возможности, напечатать. Этой категории читателей мы всегда уделяем особое внимание, поскольку в нашем обществе, среди проблем в общекультурной сфере, давно уже определился спад интереса к серьезной литературе и любые попытки вернуться в русло традиций «самой читающей в мире страны» имеют однозначно позитивный смысл. Другое дело, что образцы творчества, о которых идет речь, не всегда отвечают критериям художественного произведения. Некоторые самодеятельные авторы, при всем уважении к избранному ими способу самовыражения, не всегда обладают необходимым уровнем подготовки. Природный дар, если он есть, творческие потенции автора в полной мере могут реализоваться только на основе широкой эрудированности и постоянного самосовершенствования. Это очевидно, как и то, что будущий писатель или поэт может формироваться только в читающем сообществе, являясь его органичной частью.

В ряду актуальных способов обмена информацией и форм коммуникации традиционное письмо занимает довольно скромное место. Сегодняшняя молодежь пишет, главным образом, комментарии в соцсетях, игнорируя грамматические нормы, а для выражения сильных чувств и эмоций просто используя «смайлики» или «лайки». Пессимист, выстраивая алгоритм подобного «развития», следующими его этапами назовет клинопись и наскальные рисунки... но мы вернемся к нашим читателям, которые присылают в редакцию не только отклики на различные публикации, но и собственные литературные опыты.

В этом номере, в рубрике «Наш семинар», мы представляем стихи Фатимы Маржоховой, преподавателя английского языка школы № 4 селения Исламей. Человек равнодушный, она пытается постичь и осознать всю сложность отношений личности и окружающего ее мира, подмечает несоответствия и диссонансы, стремясь к гармонии, ищет эту гармонию в поэтических формах. Есть напряженная духовная жизнь, есть желание разобраться в своих чувствах, переживаниях, есть результат – стихотворные строки, которые, к сожалению, еще нуждаются в доработке. Вот об этом, о средствах самовыражения, о соответствии содержания и формы, замысла и воплощения, на примере данной публикации, могут высказаться наши постоянные читатели, пробующие свои силы в поэтическом творчестве, а разговор о принципах и системах стихосложения продолжат эксперты рубрики «Наш семинар».

Фатима МАРЖОХОВА

Быть может, стихи мои – просто пустяк:
Корявые рифмы, не выдержан такт.
И критики скажут: «Чего ты ждала?»
Я просто пыталась сказать, как могла.

Утро

Вставать рано негуманно –
Мир спросонья весь туманный.
Хожу на ощупь и блуждаю,
Еще вчера была крутая.

Просыпаюсь, чашка кофе...
Все, теперь я буду профи.
Утро, вот я, твой солдат –
Хоть на войну, хоть на парад.

Весна

Опять обычные дела,
Весною вишня расцвела
И снова зажурчал ручей.
Он так красив, хотя ничей.

Теперь представь: повсюду мгла,
Зима все снегом замела,
От стужи в жилах стынет кровь,
Тут всюду правит нелюбовь.

Как чудно вишня расцвела!
Весной приятны все дела.
Как дивно зажурчал ручей!
Он так красив, хотя ничей.

Во мне сумели разбудить
Лишь нежеланье говорить.

Порой мой взгляд такой пустой,
Ищу восторг, вижу застой.

В моем молчании много фраз,
Не высказанных много раз.
В безмолвии этом откровенье,
В нем грусть, печаль и сожаленье.

В моем молчании много смысла,
В нем жизнь моя в словах и числах,
Немой вопрос, без слов ответ,
Сама с собою – тет-а-тет.

Я лишь с собой всегда честна,
Как чаша, выпита до дна.
И дважды не стучусь, поверь,
В закрытую пред мною дверь.

Зачем метаться и кричать,
Обиды, ссоры замечать?
На сердце ставлю я печать, –
Отстаньте, хочется молчать.

Маме

Где найти мне слов, тебя достойных.
Все слова пусты или застольные.
Лишь одна любовь без эгоизма –
Мамина любовь, без лжи, капризов.

Взгляд твой – как рентген, а лик – как солнце,
Дети для тебя – как свет в оконце.
Замечаешь всё во мне, родная,
Как живу и отчего страдаю.

От тебя не скрыть тоску, печали.
Я при всех смеюсь – не замечают.
А тебе достаточно лишь взгляда
Все ты знаешь, слов пустых не надо.

Ты прости мне все свои печали.
Может, чем обидела нечаянно...
Я разглажу все твои морщины,
Не тревожься, мама, без причины.

Сегодня морозящий зыбкий дождь —
Тоскливой непогоды вечный вождь.
Прогноз неутешителен — осадки,
Да и в быту сплошные неполадки.

Не лезьте вероломно в душу мне.
Сегодня, дождь, мы на одной волне.
Закутаюсь в уютный тёплый плед.
Прочь мысли, в голове пусть будет бред.

Диванчик и спасительный мой чай,
А за окном машины, грязь, собачий лай.
Свернусь калачиком, у «телека» усну
И буду тихо ждать красавицу весну.

Памяти моей Лауры

Я в зеркало смотрю и вижу отражение,
Но в нём не я, а только искажение.
Всё давит, колет, душит меня что-то —
Воспоминания и в рамке твоё фото.

Я безнадёжно по тебе скучаю
И до сих пор души в тебе не чаю.
Смирилась вроде со своей судьбою,
То громко я смеюсь, то волком вою.

Всё! Накатило! Чего добиваюсь?
Я каждый день перед тобою каюсь.
Я благодарна Богу за тебя,
Живу, воспоминания любя.

СОСЛОВИЕ ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНСТВА

Сословие почетного гражданства в Российской империи появилось не случайно: образование в конце XVII в. сословия именных, а затем почетных граждан позволило российскому правителю решить сразу несколько актуальных задач. Среди этих задач можно отметить снятие социального напряжения, проблему интеграции новых подданных различного вероисповедания и этнических групп в состав Российского государства, выделение граждан и наделение их специальными привилегиями, чтобы они могли приносить пользу государству, и решение других задач. Преимущества именных граждан, закрепленные Екатериной II в Жалованной грамоте городам, заключались в следующем: освобождение от телесного наказания, рекрутской повинности, им разрешалось иметь загородные дворы и сады (кроме заселенных имений) и передвигаться по городу в карете, запряженной парой и четверней лошадей. Звание именных граждан передавалось по наследству, что делало их выраженной сословной группой. Внуки именных граждан, отцы и деды которых несли это звание беспорочно, по достижении ими 30 лет от роду могли просить о присвоении им дворянства. В 1832 г. император Николай I установил манифестом сословие почетных граждан. Почетные граждане стали делиться на личных и потомственных. Известными представителями данного сословия стали семьи Морозовых, Рябушинских, Гучковых. Звание почетного гражданина было упразднено декретом ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 г. об уничтожении сословий и гражданских чинов. Вскоре, по похожим принципам, но только на благо города, было решено награждать особо отличившихся на благо населенного пункта званием «почетный гражданин». Создание нового звания не только помогло решать задачи государственного масштаба, но и подтолкнуло развитие меценатства, культуры, науки и системы государственного управления на местах и во всей российской экономике.

Почетное гражданство в истории Кабардино-Балкарии

Наряду с сословием, возникает новая форма – почетный гражданин города. Такая форма почетного гражданства присваивалась органами городского самоуправления (городские думы, городские управы) лицам в качестве поощрения за особые заслуги перед городом, такие, как благотворительность, вклад в экономическое развитие города, культурной среды и другие заслуги перед населенным пунктом. Почетное гражданство городов отличалось своим национальным своеобразием, традициями, уходящими в глубь веков, географическими особенностями и находилось за пределами сословной структуры российского общества, оно не затрагивало имущественных прав и привилегий. Как правило, инициатива об избрании почетным гражданином города исходила от городской думы, реже от губернатора и общественных организаций, окончательное решение принимал импера-

тор. Почетному гражданину вручалась грамота (диплом) о присвоении звания, в тексте обычно перечислялись заслуги почетного гражданина перед городом, местными жителями. Портреты всех почетных граждан вывешивались в здании городской думы или на центральной площади, на специальной конструкции [1, 25-26].

После Октябрьской революции и установления Советской власти, образования Совета народных комиссаров во главе с В. И. Лениным – декретом ВЦИК и СНК от 10 декабря 1917 г. все ордена, звания, чины, сословия, в том числе и почетных граждан, были упразднены [2]. Так как звание «почетный гражданин города» не носило сословного характера, данная форма поощрения не была отменена, но интерес был временно утрачен.

Датой основания города Нальчик принято считать 1724 год, в 1921 году Нальчик был преобразован в город, затем он становится центром Кабардино-Балкарской автономной области, с 5 декабря 1936 года Нальчик – столица КБАССР, с 1991 года – Кабардино-Балкарской Республики.

В советском периоде российской истории решили вернуться к званию «почетный гражданин города» со следующими официальными формулировками: «В ознаменование пятидесятилетия Советского государства (50-летия Великой Октябрьской социалистической революции) и в целях поощрения трудящихся, показывающих высокие образцы гражданского долга и трудовой доблести, а также активно участвующих в общественной, политической и культурной деятельности, учредить звание почетного гражданина города». Исполком Нальчикского городского Совета принял решение учредить звание «Почетный гражданин города Нальчик», и первыми награжденными стали пятеро граждан: два космонавта – А. А. Леонов и В. А. Шаталов, а также трое участников Великой Отечественной войны, участвовавших в освобождении от оккупации г. Нальчика, – Ф. В. Захаров, А. П. Дорофеев и П. Г. Поветкин [3]. Впоследствии почетным званием были награждены видные политические деятели, деятели науки и культуры, которые внесли большой вклад в экономическое, социальное и духовное развитие города, чья государственная, политическая, общественная, научная, творческая деятельность получила всероссийское или международное признание.

Вашему вниманию предлагается список всех обладателей звания «Почетный гражданин Нальчика» в хронологическом порядке награждения с момента учреждения.

№	Ф.И.О.	Краткая биография	Дата награждения
	ЗАХАРОВ Федор Васильевич	Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (за освобождение г. Нальчика).	Решение исполкома Нальчикского городского Совета от 5 января 1968 г. № 8, утв. Горсоветом народных депутатов КБАССР 22.05.69 г.

	ДОРОФЕЕВ Александр Петрович	Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (за освобождение г. Нальчика).	Решение исполкома Нальчикского городского Совета от 5 января 1968 г. № 8, утв. Горсоветом народных депутатов КБАССР 22.05.69 г.
	ПОВЕТКИН Петр Георгиевич	Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (за освобождение г. Нальчика).	Решение исполкома Нальчикского городского Совета от 5 января 1968 г. № 8, утв. Горсоветом народных депутатов КБАССР 22.05.69 г.
	ЛЕОНОВ Алексей Архипович	Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза.	Решение исполкома Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся от 10 июня 1968 г. № 325, утв. Горсоветом народных депутатов КБАССР 22.05.69 г.
	ШАТАЛОВ Владимир Алексеевич	Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза.	Решение исполкома городского Совета народных депутатов от 31 марта 1969 г. № 123, утв. Горсоветом народных депутатов КБАССР 22.05.69 г.
	ВЕЛИЧКО Максим Константинович	Герой Социалистического Труда	Решение исполкома городского Совета от 9 января 1973 г.
	ВИТЧЕНКО Степан Степанович	Герой Социалистического Труда, первый наставник молодежи, бригадир сборщиков Ленинградского объединения электроэнергии.	Решение исполкома Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 29 ноября 1976 г. (№ 684).
	НИКОЛАЕВ Анриан Григорьевич	Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза.	Решение исполкома Нальчикского городского Совета народных депутатов трудящихся КБАССР от 13 мая 1972 г. (№ 294).
	ГРИЩЕНКО Иван Андреевич	Участник Великой Отечественной войны, полковник, участник освобождения г. Нальчика.	Решение исполкома Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 5 июля 1983 г. № 264.

	ДОТТУЕВ Ибрагим Ботокаевич	Заместитель председателя Республиканского Общества кролиководов, участник Великой Отечественной войны.	Решение Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 1 сентября 1987 г. (№ 668).
	СТЕБЛИНСКИЙ Сергей Васильевич	Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.	Решение Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 1 сентября 1987 г. (№ 668).
	ЯХОГОЕВ Михаил Ардашукович	Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.	Решение Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 1 сентября 1987 г. (№ 668).
	КУДАЕВ Черим Карамурзович	Персональный пенсионер, участник Великой Отечественной войны.	Решение Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 6 сентября 1988 г. (№ 626).
	ЧЕЧЕНОВ Шамиль Шахан-Гериевич	Участник Великой Отечественной войны, персональный пенсионер РСФСР.	Решение Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР от 5 сентября 1989 г.
	КАРДАНОВ Кубати Локманович	Герой Советского Союза, генерал-майор авиации в отставке, в связи с 45-летием Победы в Великой Отечественной войне.	Решение исполкома Нальчикского горсовета народных депутатов КБАССР от 17 апреля 1990 г. (№ 245).
	ШОРОВ Хасан Исмелович	Подполковник милиции, депутат Парламента КБР.	Президиум Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР, протокол № 30 от 4 ноября 1992 г.

	ТЛЕХУГОВ Юрий Ханашхович	Майор милиции.	Президиум Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР, протокол № 30 от 4 ноября 1992 г.
	ШХАГОШЕВ Адальби Люлевич	Депутат Парламента КБР (1,2 созывы 1995-2003г.).	Президиум Нальчикского городского Совета народных депутатов КБАССР, протокол № 30 от 4 ноября 1992 г.
	РЫДВАН Енишен	Губернатор города Кайсери (город- побратим), Турция.	Постановление № 1388 от 27 сентября 1992 г. заседания Президиума Нальчикского городского Совета народных депутатов и горисполкома.
	НИЯЗИ Бахчеджиоглы	Председатель муниципалитета города Кайсери (город- побратим), Турция.	Постановление № 1156 от 12 августа 1993 г. заседания Президиума Нальчикского городского Совета народных депутатов и главы администрации г. Нальчика.
	КЕШОКОВ Алим Пшемахович	Участник Великой Отечественной войны, писатель.	Постановление главы администрации г. Нальчика от 22 июля 1994 г. (№ 1233).
	ЛУЖКОВ Юрий Михайлович	Мэр г. Москвы.	Постановление главы администрации г. Нальчика от 16 августа 1995 г. (№ 1495).
	ХАВПАЧЕВ Хажбекир Хабалович	Участник Великой Отечественной войны, председатель Союза композиторов КБР.	Постановление главы администрации г. Нальчика от 10 февраля 1996 г. (№ 195).

	ГУРТУЕВ Берт Измаилович	Участник Великой Отечественной войны, народный писатель КБР.	Постановление главы администрации г. Нальчика от 4 апреля 1996 г. (№ 428).
	КОКОВ Валерий Мухамедович	Президент КБР.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 8 января 1997 г.
	ЕВТУШЕНКО Николай Никитович	Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 24 марта 2000 г.
	КАРДАНОВ Мурат Наусбиевич	Чемпион XXVII Олимпийских игр.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 13 октября 2000 г.
	ТРОШЕВ Геннадий Николаевич	Генерал-полковник, советник президента России, Герой России.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 13 марта 2002 г.
	КАНОКОВ Арсен Баширович	Заместитель председателя комитета по бюджету и налогам государственной Думы Федерального Собрания РФ, президент КБР с 2005 г.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 30 августа 2002 г.
	ЗУРАБОВ Михаил Юрьевич	Министр здравоохранения и социального развития РФ.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 25 марта 2004 г.
	БОРИСОВ Константин Сергеевич	Участник Великой Отечественной войны.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 24 августа 2004 г.
	ЗУМАКУЛОВА Танзиля Мустафаевна	Народный поэт КБР.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 24 августа 2004 г.

	МАМХЕГОВ Михаил Шувеч	Член Адыгской Международной Академии наук, заслуженный работник сельского хозяйства.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 24 августа 2004 г.
	ВОЛОСАТОВ Анатолий Анисимович	Участник Великой Отечественной войны, полный кавалер ордена Славы.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 29 апреля 2005 г.
	КАТИНОВ Муазин Хуатович	Участник Великой Отечественной войны.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 29 апреля 2005 г.
	МАКИТОВ Сафар Исхакович	Народный поэт КБР, лауреат Государственной премии по литературе, заслуженный работник культуры РФ и КБР.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 29 апреля 2005 г.
	КРАСНОЖАН Юрий Анатольевич	Главный тренер ОАО «Профессиональный футбольный клуб «Спартак-Нальчик»	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 9 ноября 2007 г.
	ЗУБКОВ Виктор Алексеевич	Председатель правительства Российской Федерации.	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 9 января 2008 г.
	ТЕМИРКАНОВ Юрий Хатуевич	Выдающийся советский и российский симфонический дирижёр, полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».	Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 4 августа 2010 г.

	<p>БЕРОВ</p> <p>Мухадин Ляхович</p>	<p>Заслуженный врач КБР.</p> <p>Член Общественно-консультативного Совета при президенте КБР.</p>	<p>Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 4 августа 2010 г.</p>
	<p>ВОРОКОВ</p> <p>Владимир Халидович</p>	<p>Кинорежиссер, журналист, писатель, создатель более ста двадцати телевизионных фильмов.</p>	<p>Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 24 декабря 2010 г. (№ 317).</p>
	<p>ГЕЛЯСТАНОВ</p> <p>Ахмат Жунусович</p>	<p>Депутат парламента Кабардино-Балкарской Республики.</p>	<p>Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 24 декабря 2010 г. (№ 318).</p>
	<p>ИСМАИЛОВ</p> <p>Али Исмаилович</p>	<p>За более чем 60-летний стаж работы трудился в газетах «Советская молодежь» (г. Нальчик) и «Коммунист» (г. Баксан), был первым секретарем Ленинского райкома КПСС г. Нальчика.</p>	<p>Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 2 августа 2013 г. (№ 137).</p>
	<p>АБДУЛАЕВ</p> <p>Мустафа Камалович</p>	<p>Председатель Нальчикского горсовета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов.</p>	<p>Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 2 августа 2013 г. (№ 137).</p>

К сожалению, официальный сайт города Нальчик о почетных гражданах с 2009 г. не обновлялся, поэтому для достоверности информации мы проанализировали все выпуски местной прессы [4]. Помимо представленных в списке, звание «Почетный гражданин городского округа Нальчика» было присвоено Полищуку Ивану Ильичу [5] – ветерану Великой Отечественной войны, автору многочисленных книг. Зная цену вклада родного города в Великую Победу, Иван Ильич был инициатором создания движения за присвоение Нальчику звания «Город воинской славы». 4 мая 2010 г. в Москве президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым была вручена грамота о присвоении Нальчику звания «Город воинской славы». 46-м «Почетным гражданином городского округа Нальчик» стал Андрей Константино-

вич Гейм, лауреат Нобелевской премии в области физики [6].

Звание «Почетный гражданин города Нальчика» присваивается решением Нальчикского городского Совета местного самоуправления, основанием для принятия решения являются: а) бесспорно признанные общественностью выдающиеся достижения претендента на почетное звание в любой сфере деятельности; б) бескорыстие, духовность, гармоничность и незаурядность личности претендента; в) активная жизненная позиция, способствующая развитию позитивных сторон жизни общества; г) высокие моральные качества; д) совершение мужественных и героических поступков при исполнении служебного и (или) гражданского долга во благо города, Кабардино-Балкарской Республики, Российской Федерации. Заседание Совета по вопросам присвоения звания «Почётный гражданин» проводится один раз в год и приурочивается к празднованию Дня города. Ежегодно не более двух человек могут быть награждены почетным званием [7].

Почетному гражданину в торжественной обстановке Главой Нальчика вручается диплом, удостоверение и нагрудный знак «Почетный гражданин г.о. Нальчика» с изображением герба. В качестве поощрения имя «Почетного гражданина г. Нальчика» заносится в книгу почетных граждан г. Нальчика, которая постоянно хранится в администрации, и устанавливается табличка на фасаде дома, где живет (жил) почетный гражданин города. Также почетный гражданин получает денежную выплату в размере 10 тыс. руб., выплачивается ежемесячная денежная компенсация расходов на оплату жилого помещения, коммунальных услуг в размере 2000 руб., по всем вопросам принимается в первоочередном порядке руководителями и иными должностными лицами.

Помимо различных форм поощрения столь высокое звание налагает равную ответственность: достойно нести присвоенное звание, быть примером в выполнении гражданского долга, в исполнении других обязанностей, установленных Конституцией КБР и законами КБР для граждан Кабардино-Балкарской Республики и, что немаловажно, почетный гражданин г. Нальчика может привлекаться в качестве советника при обсуждении проблем жизни города, при принятии важнейших для города решений.

Среди награжденных особенно хотелось бы выделить некоторых земляков-нальчан, которые посвятили всю жизнь на благо развития города:

Карданов Кубати Локманович – родился в селе Аушигер, Кабардино-Балкария. Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. После окончания Великой Отечественной войны продолжал службу в ВВС. Награждён орденами Ленина (трижды), Красного Знамени (трижды), Отечественной войны 1-й степени (дважды), Красной Звезды (дважды), медалями. Автор мемуаров «Полёт к победе»;

Гуртуев Берт Исмаилович – народный писатель Кабардино-

Балкарской Республики, заслуженный деятель искусств КБР. Один из основоположников балкарской литературы. Выступил как поэт во второй половине 1920-х годов. В литературе народов Северного Кавказа особое место занимают повести «Бекир», «Адилгерий», «У развилки дорог», роман «Новый талисман». Книги «Чаша дружбы», «Белый голубь» и многие другие. Сыграл большую роль в воспитании подрастающего поколения: своим поведением, поступками, чистотой души.

Красножан Юрий Анатольевич – футбольный тренер, родился в г. Нальчике. Его воспитанниками являются такие известные футболисты, как Руслан Нахушев, Аслан Машуков и многие другие. В 2004 году был назначен главным тренером. За невероятные достижения команды в Кубке России в 2008 году тренера наградили званием «Тренер-открытие». В 2014 году Юрий Анатольевич был назначен главным тренером национальной сборной Казахстана.

Это далеко не все выдающиеся люди, которых подарила нам Кабардино-Балкарская Республика. На территории республики также присваивается звание почетного гражданина различных муниципальных образований, например Эльбрусского или Чегемского района, но в нашем исследовании мы данный факт не рассматриваем. Звания «Почетный гражданин Кабардино-Балкарской Республики» среди почетных званий республики не представлено, поэтому награждение званием «Почетный гражданин городского округа Нальчик» становится особенно важным и приобретает статус почетного звания субъекта Российской Федерации [8].

Во многих субъектах Российской Федерации награждение званием «Почетный гражданин субъекта Российской Федерации» или столицы данного субъекта носит как политический характер (награждение космонавтов, государственных служащих федерального уровня), так и мотивирующий фактор для укрепления связей между республикой и успешными земляками. В Нальчике «земляческий» аспект виден наиболее четко. В некоторых регионах для «политических» награждений используются звание «почетный гражданин субъекта Российской Федерации», например почетных граждан Кемеровской области уже более 200 человек.

Награждение почетным званием города не только дает право пользоваться почетом у нальчан и материальными поощрениями, но и накладывает особую ответственность, потому как почетный гражданин города должен выступать как связующее звено между представителями государственных структур и местными жителями.

Литература

1. *Беляев И. Н.* Два века почетного гражданства России. История. Право. Современность. Смоленская городская типография. Смоленск, 2001.

2. Декрет ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

3. Решение исполкома Нальчикского городского Совета от 5 января 1968 г. № 8, утв. Горсоветом народных депутатов КБАССР 22.05.69 г.

4. Официальный сайт городского округа Нальчик Республики Кабардино-Балкария.

5. Интернет-портал kbr-time.ru. Статья от 28 декабря 2013 г. В КБР прошли конкурсы «Мы едины» и «Моя многонациональная семья».

6. Газета «Северо-Кавказские новости». Выпуск от 15 июля 2013 г.

7. Решение Нальчикского городского Совета местного самоуправления от 21.03.1997 «О звании «Почетный гражданин г. Нальчика».

8. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 15.07.1999 № 29-РЗ «О государственных наградах Кабардино-Балкарской Республики».

Хасан ЕХТАНИГОВ,
кандидат исторических наук

Есть люди талантливые, но ленивые, есть волевые, энергичные, но бесталанные. Жанна Бахунова относится к иной категории – талант вместе с колоссальной волей и энергией.

Преодолеть то, что она преодолела, сможет не каждый мужчина. Но она смогла – верила и мечтала душой и сердцем о своей звезде. Кто-то из мудрых говорил: великие цели оживляют душу.

Работа написана подростком-девочкой, перенесшей тяжелейшие операции, попавшей с Кавказа в одну из культурных столиц – Москву. Большой город встретил ее со всеми своими духовными сокровищами и проблемами приезжего, а как известно, Москва слезам не верит. Чудесная дружба двух поколений москвичей и кавказцев облегчает ее жизнь и часто спасает во многих ситуациях.

Эта книга – дневник. Многие молодые люди узнают себя в нем. Описано иное поколение, от пятнадцати до двадцати и далее. Она – инструкция для сегодняшних безвольных юношей и девушек, как быть сильным, волевым и целеустремленным. Описанные персонажи в книге – это те самые люди, которые окружают нас сегодня: добрые, чуткие, сочувственные, нахальные, равнодушные и развратные.

Характеристики, которые им дает автор, весьма кратки, но сразу поясняют суть данного образа.

В работе затрагивается весьма эпохальная тема – традиционная нравственность народов нашей страны и ее антипод – европейские ценности с их атакующей массовой культурой.

Боясь быть субъективным, но хочу напомнить, что глобализация не спит, получив такую мощную систему, как социальная сеть, она наступает во многих странах, навязывая европейские ценности растлевающего плана.

Удивительно в этом плане то, что гениальный Лермонтов, чьи предсказания о России сбылись, предсказал и это положение деградации Европы сегодня:

*К могиле клонишься бесславною главою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд – игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!*

Поздравляю, Жанна!

Дерзай, у тебя все получится. Инша Аллах!

НА ПОРОГЕ ЮНОСТИ

(главы из книги

«Два часа, ради которых стоит жить»)

Мне было грустно на мое шестнадцатилетие. Все шло не так, как я мечтала. В школе меня поздравляли, но было скучно и там. Марат Семенов, одноклассник, подарил мне лепесток комнатного цветка. Одна девочка подарила открытку. И бабушка, и тетя Мадина болели. С утра не было электричества. В общем, мне этот день не был в радость.

Мама отвезла меня снова к моему детскому врачу на обследование. Перед приемом сделали новый снимок в поликлинике. Меня беспокоило, что, несмотря на то, что я делала все, как требовалось, я хромала. Хотелось знать причину. Екатерина Павловна сказала, что если я укреплю мышцы, то хромота пройдет. Что ж, будем надеяться и качать мышцы. Если не кости, так пусть мышцы меня носят.

И вот 10 апреля 2003 года я уехала в Москву. В город, где хочу жить, но в котором ни разу еще не была. Мне было интересно все: я хочу увидеть Кремль, погулять по Арбату, перекусить в «Макдональдсе». Конференция и астрономия – всего лишь предлог, который хоть как-то приблизит меня к моей главной цели. Я хочу учиться в Российской академии музыки имени Гнесиных. И пусть сейчас я учусь в музыкальной школе селения Старый Черек, играю хорошо для уровня своей школы, но плохо относительно городской, пусть я не знаю, каким образом я туда поступлю и отпустят ли меня, но я давно решила, что буду учиться именно там.

Уже 13-го числа в шесть утра мы вышли из поезда. Я тащила на себе три сумки, по спине струился пот, но я успевала смотреть по сторонам и была счастлива: вот она, Москва, такой красивый, такой огромный город. Встречай, столица!

Мы спустились в метро, и стало не по себе. Эти эскалаторы... Такое впервые вижу, а от поездов около платформы кружится голова и невыносимо шумно. Много людей, все спешат, меня заталкивают в вагон. Почему они такие невоспитанные? Так же нельзя!

Мы с ребятами пошли в «Макдональдс». Очень вкусно поели. Нам дали флажки. Еще мы пошли в университет им. Н. Э. Баумана и зарегистрировались, нам дали папку, в которой лежали наши документы для конференции, большая тетрадка, ручка и т. д.

Я защитила свою работу в МГТУ им. Баумана. Возможно, дадут призовое место, только почему у членов жюри было так мало вопросов? Им было неинтересно? Я надеюсь только на Аллаха.

Вечером мы были на Арбате. Там так красиво! В жизни я не видела такой красоты. Гуляла долго, там были художники, которые рисовали желающих из прохожих прямо на улице, музыканты, игравшие на различных

инструментах, певцы. Им давали деньги. Мы вернулись утомленные.

Дни в Москве проходили очень быстро. Мы ездили на олимпиаду в МГТУ им. Баумана, потом на встречи. Гуляли много, фотографировались.

Перед отъездом в Москву Валентина Сергеевна попросила меня передать книжки ее учительнице. Я привезла их с собой в Москву, а учительница подъехала к гостинице «Славянка», в которой мы остановились. Но ей пришлось меня подождать, потому что ключи от номера были у Залины (соседки по комнате), а я не знала, где она. Я пошла в торговый центр, хотела купить сувениры, затем пришлось сходить в магазин за продуктами. И в результате опоздала на десять минут. Мне позвонили и сказали, чтобы я быстро взяла книги, которые должна передать от Валентины Сергеевны, и спустилась. Меня сильно отругала учительница Валентины Сергеевны: «Ты что заставляешь меня столько ждать? В Москве так дела не делаются. Из-за тебя я опаздываю на другую встречу. Ты что, думаешь, тут все как в провинции? Время очень дорого стоит. Это Москва».

Я стояла, слушала ее и не понимала ничего. Отчего эта женщина так недовольна? Я ей книги привезла по просьбе учительницы, мне это все вообще не было нужно. И если опоздала на десять минут, а она торопится, что же тогда теряет свое драгоценное время на ругань? Наверное, несчастный человек. Я все ей передала, поднимаясь к себе в номер, я понимала, что ей удалось испортить мне настроение.

Не складывалась картинка: Москва – прекрасный, огромный, красивый город моей мечты, но люди в метро невежливы, толкаются, и те, которым я, делая одолжение, передавала посылки, неблагодарны, и наоборот. Почему так? Что это? Тут плохо людям живется? Откуда столько неприязни друг к другу?

Мне не дали места на конференции, но присудили стипендию в размере 100 \$ и приглашение на участие в следующем году. Я была довольна. Это был мой первый визит в Москву.

Тем временем я продолжала укреплять свои мышцы, но хромать не переставала. Однажды вечером Лиана сказала мне, что я ужасно хромаю, и показала, как я хожу. Мне было неприятно. Я знаю, что хромаю, но мне так не хотелось этого. Я не понимала: если ногу удлиннили, почему не проходит хромота? Где мои четыре сантиметра? И зачем нужно было ставить аппарат, если я непременно буду хромотать?

Я приступила к своей новой работе для Москвы. В запасе был год, собрала все этнические песни, решила связать этнос с астрономией.

Руководители твердили, что моя работа «вполне диссертательна». Теперь я обязана получить призовое место. Каждый вечер я делала зарядку на укрепление мышц и каталась на велосипеде, который подарили родители. Ездить учили все соседи. Много раз падала. Долго не могла привыкнуть удерживать равновесие. Однажды я сбила бабушку, потому что она шла впереди меня, и я не сумела свернуть с дороги. Я кричала ей «отойдите», но она была старая, не услышала, пока я ее не сбила. К счастью, она оказалась доброй и, даже лежа на земле, переживала, все ли у меня в порядке. Я была приятно удивлена, думала, что она начнет и меня, и весь мой род проклинять. Но тут у ворот я увидела дедушку, кото-

рый наблюдал весь этот прекрасный этюд жизни и был на меня зол. Я помогла бабуле встать и поехала дальше, к воротам нашего дома. Дедушка пожурил меня и запретил на неделю кататься. Я не стала возражать, хотя попыталась оправдаться. Ему было неинтересно.

Каждую неделю я два раза ездила после школы в Нарткалу, в Центр юных исследователей. Писала свою новую работу, не было времени сидеть, за год я как раз могла бы успеть все сделать. Много читала, старалась успевать везде, ходила в музыкальную школу, но всегда преследовала мысль о том, что я хромаю. Мне казалось, что люди смотрят на меня не потому, что у меня красивое платье или я красивая, а потому что хотят понять, почему я так хожу. Постепенно пришло осознание, что этот пункт моего здоровья превратился в большой комплекс и над этим стоит поработать. Решила накачать ноги, чтобы если не кости, то хотя бы мышцы держали меня в тонусе, и улучшить тем самым походку. Делала каждый вечер зарядку, ходила на массаж, но улучшений не было. При всем, что я делала, и всех своих комплексах я не пожалела себя ни разу. Наоборот, я наказывала себя, считая, что здоровому человеку не обязательно заниматься собой, а мне это просто необходимо, у каждого из нас свои проблемы, о которых знает только он сам и в которых ему никто не в помощь, кроме него самого. Есть вещи, которые следует только принимать и работать над ними. Жалеть себя, считая себя больным и ущемленным, – худший путь из всех возможных.

16 января 2004 года я принимала участие в конференции «Сигма», которая проходила в Нальчике, но призового места не заняла. На зимних каникулах того же года мы с мамой ездили в Саратовское музыкальное училище показываться учителю по фортепиано. Я хотела туда поступить после школы, но мне посоветовали даже не пытаться, ибо техника игры у меня очень слабая, и я буду выглядеть более чем бледно на фоне остальных абитуриентов. Я расстроилась, но не стала принимать это близко к сердцу. Второй раз попробовать я, естественно, не стала.

В целом поездка мне понравилась: я посетила театр, смотрела спектакль «Сильва», где бы я еще такую красоту увидела?! Была в цирке и встретила с Лизой, моей подругой по палате. Потом ездила к своему врачу, Михаилу Самуиловичу, на прием. Узнала свои реальные возможности, что мне следует делать, а чем заниматься уже нет смысла из-за того, что упущено время...

В сентябре я поехала уже в Нальчикский музыкальный колледж и познакомилась со своим репетитором по фортепиано Мариной Львовной. До нашей встречи мне ее не раз прочили как крайне строгого и требовательного педагога, но она мне понравилась, хотя и неловко было при ней играть. Я сыграла ей прелюдию Баха. Села за рояль, начала играть и, дойдя до середины, поняла, что устала, и решила сократить. Конечно, я была уверена, что никто не заметит, если я пропущу страничку нотного текста. Так и сделала, но, к моему удивлению, все заметили. В результате Марина Львовна посоветовала мне поступить либо на отделение хорового дирижирования, либо на теоретическое.

Не прошедшая мимо беда

Во второй половине марта 2004 года скончался мой дядя Руслан, старший брат моего отца. А в начале марта ему только исполнилось 50 лет. Мы отмечали юбилей. Накануне он чувствовал себя великолепно. Шутил со всеми, сидел с семьей, играл с внучками, искупался и лег спать.

Утром, когда тетя Мадина (его супруга) собиралась на работу, Руслан еще спал. Он храпел и вдруг резко перестал. Тетя Мадина подошла к нему и поняла, что надо звать на помощь. Халид (сын Руслана) прибежал к нам и попросил маму быстро вызвать скорую помощь, сказал, что Руслану плохо, это услышала бабушка, которая вышла в ночной сорочке. Она босиком выбежала на улицу и перебежала дорогу. Мы с Лианой и Медиком остались за воротами их дома. Нас бы туда не пустили. Скорая приехала не сразу. Мы слышали крики и плач, доносившиеся из комнаты Руслана я тети Мадины. И поняли, что дела совсем плохи...

Бабушка легла рядом с Русланом и обнимала его, прижимала к себе еще не остывшее родное тело своего сына. Никто не мог поверить, что такое вообще возможно, это было очень неожиданно для всех. Скорая констатировала смерть. Я боялась за дедушку.

Прибежала домой, а он кормил коров в огороде, как будто ничего и не произошло. У него был шок. Несмотря на то, что скорая приехала не так быстро, врачи не остались без дела.

Бабушку унесли в другую комнату, сбивали давление. Все дни, пока длились похороны, врачи не отходили от нее. Многие люди так и не смогли ей тогда пособолезновать. Это была первая большая потеря, которая постигла нашу семью за годы моей сознательной жизни. Я думала: в чем же тогда смысл жизни, если однажды все так и прерывается? Зачем мы учимся, живем, строим дома, создаем семьи, если все потом умрут? У меня не было ответа ни на один вопрос. Религия в нашей семье занимала не самое первое место, и она тоже не могла дать мне ответы на многие вопросы. Мы были этническими мусульманами. Верили в Аллаха, но жили на основе сохранившихся обычаев черкесов, которые складывались веками. Никто не совершал пятикратный намаз, но кто мог, тот держал пост в месяц рамадан. Менталитет и обычаи – на них была опора, надеялись на милость Всевышнего. Верили.

Руслана похоронили. Бабушка с дедушкой стали друг к другу ближе, чем когда-либо ранее. Они были нужны друг другу, чтобы пережить это горе. На старости лет, когда вся жизнь уже позади, похоронить свое чадо – страшно. Я видела, как они вглядывались друг в друга, – молча смотрели и делили боль на двоих. Слова были бы жалки. Они его зачали, вынашивали, родили, воспитывали, женили, надеялись на то, что он однажды похоронит их, но все сложилось иначе. Они пережили сына. А это страшно!

Всю оставшуюся жизнь бабушка говорила только о нем. Она могла заплакать в любой момент, когда речь заходила о Руслане, говорила, что лучше бы она умерла задолго до этой трагедии. Каждый раз, когда к нам приходили гости или соседи, просила меня: «Жанна, принеси мне фотографию, которая на столе». Я говорила: «Бабушка, не надо», – но она настаива-

ла. Я приносила портрет, и она показывала гостю и говорила: «Посмотрите, каким красивым был мой Руслан. Он был таким большим, добрым и хорошим. Я так надеялась, что он меня похоронит, но он опередил меня. Каждый раз, когда я прихожу пособолезновать кому-то, я им рассказываю, что их горе ничто по сравнению с тем, что пришлось пережить мне, что потерять ребенка для женщины страшнее любой беды. Ни одному врагу такого не пожелать». Тут она начинала плакать, и так было до последнего дня ее жизни. Она звала смерть. Она роптала. Она ждала смерти. Она хотела как можно быстрее догасить свои дни и уйти к сыну.

Дедушка был к ней особенно внимателен, следил за тем, чтобы она всегда находилась рядом, под его чутким надзором. Все, что было до этого в их жизни, все обиды, споры и разногласия за пятьдесят лет совместной жизни отступили, теперь у них была совсем другая жизнь.

По вечерам они вспоминали, каким был их сын в детстве, как он учился ходить, начал говорить, как наказывали его, когда получал плохие оценки, как он учился, с какими людьми общался. Они плакали и смеялись. Больше, чем они, о Руслане наверняка никто не знал.

Всю жизнь они были вместе, любили друг друга и в годы нищеты, и в годы благополучия и достатка, и в час, когда пришла кончина их ребенка. Грехов у каждого хватало, как и у любого человека, но преданность семье, умение всегда быть вместе, рядом, ссориться, мириться, но оставаться жить под одной крышей и другого варианта не рассматривать – этого всего было не отнять. В этом и заключается любовь. Это не есть жалкая интерпретация сегодняшних дней под девизом «Любовь живет три года». Она живет на протяжении всей жизни. Страсть может жить три года, а любовь дается на всю жизнь, не иначе.

Тяжело было папе от этой утраты, но он держал себя в руках и заботился о своих родителях. После похорон он поместил дедушку и бабушку в больницу на лечение. Хотел, чтобы они постоянно находились под наблюдением врачей. Так было спокойнее.

Все мои проблемы, которые на тот момент казались такими важными, были ничтожно малы. Они не имели никакого значения. Ведь время берет свое, и смысла сожалеть и оглядываться назад нет.

Каждый день Всевышний дает нам возможность прожить жизнь так, как нам хотелось бы. Каждому дается день, который он проживает так, как считает нужным, правильным, но мало кто задумывается о том, что этот день может оказаться последним в его жизни или в жизни близкого человека, ведь жизнь кажется такой длинной – и вместе с тем так быстро улетучивается.

Я сдала вступительные экзамены и поступила в музыкальный колледж на дирижирование академическим хором.

Мечтала уехать далеко-далеко. Туда, где меня никто не знал бы. Побывать за границей, поступить в Российскую академию музыки имени Гнесиных, выучить английский язык, получить водительские права и купить машину, стать состоятельным и успешным по жизни человеком.

Ближе к осени сняла квартиру в Нальчике вместе с троюродной сестрой Асей. Она работала, а я собиралась учиться в колледже. Очень на-

деялась, что не ошиблась в выборе, и пообещала Марине Львовне учиться.

Я считаю, что у каждого человека в жизни должна быть цель, к которой он обязан идти изо дня в день.

В колледже училась хорошо благодаря своему старанию и упрямству. Многие зачеты и экзамены сдавала раньше однокурсников. Прилежно занималась, не жалела сил. Все давалось с большим трудом. У меня была не совсем прочная основа, многие были намного талантливее. И они быстрее могли выучить программу. Но меня ждала академия. Я решила, что все в моих руках и, если много буду работать, Аллах увидит мои старания, пожалеет меня и поможет поступить. Главное, чтобы я сама себя не жалела. Не ленилась.

Каждые выходные я уезжала домой в Старый Черек, а в будние дни жила в Нальчике. И каждый раз, когда я уезжала в Нальчик, дедушка плакал оттого, что будет скучать по мне все эти пять дней. Иногда он среди недели приезжал ко мне в гости. Скучал...

Однажды дедушка приехал ко мне, а я с подругами собиралась идти в парк погулять. Мы всей толпой собрались у подъезда, туда подошел дедушка. О том, что он приедет, я ничего не знала. Он дал нам денег на мороженое, сказал, чтобы я всех угостила. Я пошла с подружками в парк, а дедушка уехал домой, так и не посидев со мной.

Сейчас, когда дедушки нет, все мои подружки занимаются своими делами. Каждая живет своей жизнью, сегодня я не пошла бы с подругами в парк, а сказала бы им: «Погуляйте сегодня без меня, а я с дедушкой побуду». И посидела бы с дедушкой, который приехал, чтобы побыть немного со мной.

Кажется, что люди, которые нас любят, должны всегда понимать нас, что они никогда не уйдут, всегда будут рядом, всегда поймут, смогут поддержать, за все простят и никуда не денутся, ведь мы живем под одной крышей, в одной семье. Но они тоже уходят, и надо уметь ценить тех, кто по-настоящему любит нас. Любит просто так, не за что-то, а просто за то, что мы есть.

Не зря говорят мудрые люди: «Человечество ко всему привыкает». Когда мы молоды, мы полны энергии, оптимизма, а с годами сами того не замечаем, как силы начинают покидать тело, и жизненная энергия, заряд души.

Каждый приходит в этот мир, чтобы пройти свой путь и уйти. Это единственное, что мы можем точно знать. Но каждый уходит со своим багажом, не с багажом денег, драгоценностей, накопленного имущества, а с багажом своих деяний – хороших и плохих. Все стараются оставить какой-то след: строят дома, воспитывают детей, совершают хорошие и не совсем хорошие поступки, пишут книги, музыку, завоевывают государства, делают открытия и просто живут. Какой глубины и широты будет след каждого, зависит только от него самого.

21.04.2005 г.

Я сижу одна, а Камила с Равидой (однокурсницы) пошли смотреть «Студенческую весну». Вот я сижу и думаю: чего же я на самом деле хочу в этой жизни?

Мне кажется, из меня вышел бы хороший философ. Ну а пока я просто живу тихо, непринужденно, учу уроки, хожу на занятия, не гуляю, а все сижу и думаю о будущем, хотя этого никто не знает... Ясно только одно – надо брать от жизни по максимуму. Ведь мы живем только раз, и стоит ценить каждую минуту!!!

Лиана тем временем окончила школу, и мы стали жить с ней в Нальчике.

Когда я училась на втором курсе, мне нужно было пройти медицинскую комиссию, так как мне давали пенсию по инвалидности. До восемнадцати лет я была инвалидом детства, а после восемнадцати – инвалидом третьей группы и каждый год проходила комиссию. На одной из них сказали, что мне категорически нельзя быть дирижером, что я не выдержу такой нагрузки на ноги.

Выпускница нашего колледжа поступила в московский институт искусств, и мне сказали, что для того, чтобы поступить туда, нужно иметь мешок денег. Я училась только второй год, а уже не могла дождаться момента, когда окончу колледж и уеду в Москву. Уже не хотела учиться на дирижерском, понимала, что это вообще не мое и мне придется переквалифицироваться, но бросать однажды начатое дело, не доведя его до конца, я не умела.

Подумывала о том, что теперь пришло время подготовить родителей, бабушку с бабушкой к моему отъезду в Москву через два года. Как раз двух лет могло бы хватить. Это – в лучшем случае...

Как известно, на Кавказе не принято отпускать своих детей далеко от дома. Тем более – девушку. А я выросла не в самой простой семье, хотя и в вполне демократичной.

Мама отвезла меня в Саратов к моему врачу Михаилу Самуиловичу на осмотр. Мне сказали, что к тридцати годам нужно менять тазобедренный сустав на искусственный. Я хотела, чтобы поменяли теперь же, но врачи отказали.

В своем дневнике я писала:

Терпеть себя не могу, просто презираю себя и свою ногу. Только мы ее удлиннили на четыре сантиметра, снова она отстала на один сантиметр. Я все хромаю и хромаю. Я никому не могу пожаловаться, так как сразу начинают меня жалеть, а я этого не переношу. Каждая моя прогулка заканчивается депрессией. Я не хочу учиться в этом училище. Я вообще не знаю, чего хочу.

Конечно, все мои метания по дороге к Москве и к своим детским мечтам не обошлись без депрессий, но они не затягивались надолго. Я понимала, что мало могу изменить, но также верила, что много всего другого могу сделать.

Пасмурные будни и личная жизнь

Зачем нужны отношения между мужчиной и женщиной?

По сути, нет ничего более взаимодополняющего, чем мужчина и женщина. Я особо не верила в дружбу между ними, если только в яслях, младших классах школы, и то с натяжкой.

Не могу и похвастаться огромным количеством мужчин, которых я рассматривала как потенциальных партнеров для создания семьи. Я считала, что нужно начинать встречаться с мальчиками тогда, когда ты готова вступить в брак и родить ребенка. А просто стоять у подъезда и бегать на свидания – пустая трата времени и сил. Я встречалась с мальчиками, но ни один из них не был мне дороже моих целей, соответственно, о любви речь не шла. Когда я понимала, что молодой человек начинает мне нравиться больше, чем следует, я отталкивала его, отдаляла от себя. Я больше любила себя и ту жизнь, которая могла бы быть у меня и без этого мужчины, а в большинстве случаев – только без этого человека.

В четырнадцать лет, когда я в очередной раз отдыхала в санатории «Радуга», где проходила оздоровительные процедуры, у меня появился первый мальчик. В то время шла война в Чечне, и детей вывозили из Чеченской Республики в Кабардино-Балкарию, распределяли по санаториям и лечебным центрам. Они занимали целые этажи, и каждый день большие делегации приезжали автобусами. Наша республика в годы той войны оказала большую помощь чеченскому народу.

Маме было очень сложно выбить для меня путевку, но ей как-то удалось это сделать путем долгих хождений и сборов различных справок. Лечение мне было нужно, нужно как воздух.

В санатории, как всегда, было весело и хорошо. По вечерам нам устраивали дискотеки, ведь самое любимое занятие всех девочек и мальчиков на этаже – потанцевать и посмотреть на танцующих – кто да с кем.

На одной из таких дискотек на меня обратил внимание мальчик. Естественно, чеченец! Я даже помню, как его зовут – Шамад. Я сидела на скамеечке, он подошел ко мне и пригласил на медленный танец. Мы потанцевали.

У него были светлые чистые глаза, а улыбка могла очаровать любую принцессу. Пару вечеров подряд мы так танцевали, встречались в столовой, на общих прогулках, играли в бадминтон. Когда меня не было, он искал меня в зале глазами, спрашивал у девочек и отыскивал. А мне было приятно, что он ходит за мной, и я специально набивала себе цену. Его не пускали на наш этаж, он уговаривал воспитательниц, заходил в мою комнату и умолял станцевать с ним всего один танец. Я долго не соглашалась, а он был очень настойчивым. (Эта черта характера в мужчине меня подкупала, и до сих пор ничего не изменилось.) В результате я шла и танцевала с ним. А после дискотеки воспитательницы меня отчитывали за то, что я общаюсь с чеченцем, говорили, что это самый нежелательный вариант, что они очень жестокие люди, у них горячая кровь и нужно держаться от них как можно дальше. Чтобы я ни в коем случае не давала ему свой домашний адрес, в противном случае он со всей своей родней приедет и подорвет весь мой дом! Я слушала их и думала: «Чего хотят от меня эти тетки? Мне всего четырнадцать лет. Какие связи? Мальчик мне понравился, он хороший, какая разница, кто он по национальности! Неужели они думают, что этот мальчик с сияющими глазами и солнечной улыбкой приедет с гранатометом и взорвет мой дом? Какие глупые тетки, а вроде считают себя умными и взрослыми».

О чеченцах я знала только то, что передавали по телевизору, что у них идет война. А все мое окружение относилось к ним с предубеждением.

Так проходило время в санатории. У меня появлялись там подружки, мы много гуляли, ко мне приезжали родственники. Особенно часто навещал дедушка, приносил мне продукты и давал деньги на карманные расходы. Близилось время отъезда из санатория. Шамад решил сделать мне подарок на память и купил наручные часы. Показал всем моим подружкам на этаже: «Вот, я Жанне купил часы, вы ее подруги, как вы думаете, понравятся они ей?» Девочки шушукались за моей спиной, говорили: «Тебе такой подарок Шамад приготовил! Такие красивые часики...»

Я долго ждала момента, когда он решится подарить их мне. День, два, неделю – он молчал про подарок, я тоже не говорила о том, что знаю, что он купил мне часы, и хочу, чтобы он уже подарил их мне. Сначала в глубине души, а потом – уже открыто начинала обижаться на него за то, что он всем уже показал мой подарок, кроме меня. Почему все видели, а я – все еще нет? Он же такой настойчивый, откуда вдруг столько робости и нерешительности?

Перед отъездом он, наконец, мне их подарил.

Они мне очень понравились, тем самым я осчастливила его. Уехала домой, его тоже забрали в Чечню. У нас не осталось никаких контактов, но нам это, в принципе, и не нужно было. Изначально было понятно, что у меня с чеченцем ничего не может быть, и его родители тоже не были бы в восторге от кабардинки. Да что там говорить, мы дальше пределов санатория не думали...

Тем не менее, я долго хранила эти часы, очень долго, но потом потеряла. Возможно, Шамад меня уже и не помнит. Хотя не мог он меня так быстро забыть. У каждого мальчика есть девочка из детства, за которой он бегал и боялся подойти к ней, поцеловать в щечку. Это были такие чистые и бескорыстные, детские отношения. С тех пор прошло много лет, дети очень быстро растут и меняются. Случайно встретив, я его уже не узнаю, как и он меня.

Странная жизнь. Вот столкнет нас однажды время, и мы пройдем мимо, даже не узнав друг друга, а из памяти эти отношения временем стираются. Хотя именно это же самое время поменяло нас не только внешне, и узнать друг друга мы уже не можем. На протяжении своей жизни человек, подвергаясь различным испытаниям и жизненным трудностям, взрослеет, крепнет духом и меняется. Мало кому удастся сохранить себя маленького до старости. Из года в год мы смотрим на мир другими глазами, видим все больше и больше вокруг себя как плохого, так и хорошего, и самое страшное – когда от нас уходит искренность. Сотни лиц друзей, знакомых, родственников – сколько всего жизнь пронесит мимо каждого из нас?! Пронесит так, чтобы не возвращать больше. Некоторые оставляют за собой длинный шлейф разочарований, обид и боли, а некоторые – светлые, теплые воспоминания, от иных и никакого следа... Так устроена жизнь – мы проходим мимо людей, люди проходят мимо нас, и все мы идем к Творцу.

Всю свою личную жизнь я описывать не стану. Слишком интимно, и не в этом суть. В этой книге я пишу о любви, проходящей лейтмотивом

через всю мою жизнь.

Люди встречаются, расстаются, живут вместе, женятся, расходятся, коверкают друг друга, меняют, ценят, изменяют, предадут, ненавидят, обожают, находят и теряют, но любовь всегда одна.

Я не верю, когда говорят: «Я любила своего первого мужа, но мы не сошлись характерами, разошлись, теперь я встретила другого – и у нас все хорошо, я его тоже люблю». Да, несомненно, и другой тоже достоин любви и уважения, но если ты любила по-настоящему своего первого мужа, все последующие отношения будут другими, и любовь – она другая. Ты будешь понимать, что вторая или третья любовь сильно отличается от той, которая окрыляла тебя, вдохновляла, поднимала в небеса, и ты считала себя абсолютно счастливым человеком. Возможно, все будет удобно, спокойно, размеренно, и очень часто принимать это легче, чем то, что есть любовь.

Другие чувства не заставляют тебя меняться, не ослепляют, не вводят в эйфорию, здесь ты – та, которой была когда-то: рассудительная, здравомыслящая, принадлежащая себе и не живущая жизнью другого человека, ты уже не считаешь себя половинкой своего мужа или любимого человека, ты составляешь союз с человеком, от которого хочешь родить ребенка и спокойно воспитывать его, делая при этом карьеру, чтобы стать вполне успешной.

Женщина может жить с мужчиной и не любить его. Она приспособится, родит детей, будет их воспитывать и найдет в этом свое счастье, в случае если мужчина ее любит, а она принимает это как дар.

Природа женщины – материнство. А мужчина не может жить с женщиной, которую не любит, если он вообще кого-то способен любить. И если он создает семью с нелюбимой, то сделает эту женщину самой несчастной.

Женская любовь отличается от мужской.

Я считаю, что полюбить можно лишь однажды. Любовь – это готовность отдать все ради человека (может, даже жизнь), а отдавать каждый раз жизнь за разных людей невозможно, потому что у тебя нет столько жизней.

Получается, что любовь, как и жизнь, всегда одна. Влюбляться можно сколько угодно раз. «Скоропортящиеся» влюбленности проходят, страсть может пройти, но любовь – непреходящее чувство.

Очень часто мы слышим примеры любовных историй: «они преодолели массу препятствий, победили все трудности, чтобы быть вместе, – вот это любовь!»

Так же, как: «У них все так красиво начиналось, какая неземная любовь была, и как жаль, что так и не сложилось им быть вместе». Жизнь складывается по-разному.

Если я скажу, что любила Шамада, мало кто мне поверит, потому что я и сама в это не верю. Это были такие нежные, трепетные детские чувства, чистые, как алмаз, но так и не обработанные.

У меня было много свободы, так как с восемнадцати лет жила на съемных квартирах отдельно от родителей. У меня родилась замечательная идея: «Мальчики – это зло, и чем меньше у тебя их будет, тем большего в жизни ты достигнешь». Ее я придерживалась до тех пор, пока не встретила Любовь...

Мухамед НАФЕДЗОВ

Мухамед Нафедзов родился 29 апреля 1986 года в селении Шалушка, КБР. В 2009 году окончил Московский государственный литературный институт А. М. Горького по специальности «Литературное творчество», а в 2001 году – филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

С 2010 по 2014 гг. работал редактором отдела в редакции журнала «Ойшамахо».

Член Союза журналистов России. Лауреат республиканской премии «Гран-При».

КРУЖЕВА ВОСПОМИНАНИЙ

Рассказ

Приход осени часто остаётся незаметным в страстном желании человека длить лето. Вот и я гулял по парку, вздрагивал от внезапных порывов холодного ветра, а вместе с телом, казалось, зябнет и ёжится моя душа. Вдруг, словно повинувшись некоему призыву, я свернул с аллейки к высокой ели, одиноко грустившей в стороне. Шёпот сухих листьев под ногами напоминал о сладком запахе весны, и прошлое, как отражение в роднике, мерцало в моём сердце. Как бы вернуться в безвозвратно ушедшие дни!.. Но – увы: до них не дотянуться, как и до вороньего гнезда на верхушке огромного ореха. Нет, я упустил не птичку: я потерял то, что казалось мне счастьем. Я ни о чем не сожалею: прошлого не вернуть. Однако мысли... Мысли о прошлом владели мной, омрачая картины настоящего, безжалостно взрывая память...

...Первый день отпуска, который я решил провести в Домбае, выдался знойным. Горные тропы в окрестностях пансионата разбежались в разных направлениях, звали везде побывать, всё посмотреть. Я долго бродил в одиночестве, не чувствуя усталости, сердце рвалось из груди, а губы сами собой расплывались в улыбке. Странное волнение – предчувствие чего-то необыкновенного, я объяснил случайной встречей в гостиной пансионата: там сидели три девушки. Хорошеньких девушек на свете не сосчитать, но истинной красоте и обаянию необходима ещё и оправа – воспитание. И как раз этим: сдержанностью, простотой и одновременно изысканностью манер отличалась одна. Взглянул – и в голове вспыхнул рой мыслей: с усилием заставил себя вспомнить, что направляюсь в столовую.

На следующий день, после завтрака, отправился на пешую прогулку с кем-то из новых знакомых. Воздух был чист и приятен, взгляд радовала игра солнечных лучей на снежных вершинах и зелёных бочках гор-великанов. Душа замирала от восторга, стоило взглянуть вниз, на бурный пенный поток. Напористые, ликующие звуки речных волн слышались музыкой, создаваемой и исполняемой не только на наших глазах, но, казалось, и при нашем участии. Всё вокруг было новым, удивительным, манящим... Вдруг взгляд мой выхватил из золотого сияния неба тура, застывшего наверху. Этот свободный и гордый красавец мог с полным правом взирать на суетность мира сверху вниз, словно подобных ему нет. День оказался насыщен впечатлениями, как прозрачный воздух высокогорья – блеском июньского солнца.

Мне уже не верилось, что в моём возрасте ещё возможны романтические заблуждения, мечты о любви. Считал её выдумкой изощрённого ума, влечением к новому, неизведанному. А когда новизна притупляется, между двумя людьми не остаётся ни уважения, ни общих интересов – ничего, что удерживало их какое-то время вместе. Так твердил мне рассудок, а беспокойная душа тянула к ней – к девушке из гостиной: взгляд при неизбежных в таком ограниченном пространстве встречах не мог отвести. И встреч таких, в основном в столовой, было мало. Осанка отличала её среди соседок за столом. Её прекрасные глаза не буду ни с чем сравнивать, но иногда их блеск напоминал последние всполохи закатного неба. Казалось, их отличает блеск безгрешной сути.

– Брат, а что это ты так упорно разглядываешь? – спросил мой новый приятель, черкес по имени Зураб. В столовой мы устроились за одним столом. Я выразительно кивнул в сторону девушки.

– А-а, кажется, ты серьёзно увлёкся чеченской красавицей, – улыбнулся Зураб.

– Конечно, а как ты думал! – ответил я и подумал, что мне до сих пор и в голову не приходило поинтересоваться её национальностью.

Разговор наш на этом прервался: к нам за стол присел знакомый карачаевец.

– Ну, как себя чувствуют наши гости?

– Говорят, в компании с черкесами любая еда хороша. Даже если ты только что из-за стола, поешь с нами, – пригласил Зураб.

– Приятного аппетита, – вежливо отклонил приглашение наш знакомый. – Я только хотел напомнить, что в семь часов мы с друзьями собираемся на прогулку. Айда с нами – будет весело.

Мы согласились, и парень заспешил по каким-то своим неотложным делам.

Время летит незаметно, когда у тебя радость. В тот вечер на прогулке мне удалось познакомиться с девушкой, которая занимала все мои мысли. Никогда не узнаешь до конца, что в душе у человека. Она, подобно чёрной земле, прячет в себе всё. Начнёшь искать – об-

наружиться может такое, сам не обрадуешься. Но мне казалось, что я влюбился в эту девушку. И душа её казалась мне ещё прекрасней её внешности. Вот почему мне хотелось узнать её поближе...

Увлёкшись беседой, мы незаметно отстали от других. Говорили, говорили и говорили. О том, что было на душе. Удивительно, наши взгляды на многое совпадали. Бродили, не разбирая дорожек и тропок. Вскоре добрались до моста, внизу шумел бурный поток. Светильники среди деревьев отражались в воде мириадами острых осколков, вспыхивали, взлетали и таяли в вечерней темноте. Почему-то и воду мне хотелось сравнить с её прекрасными глазами, впервые увиденными так близко. Вот наши взгляды встретились, и моя спутница тут же опустила веки. Но я всё равно заметил, головокружительную тайну, что таили эти глаза.

– Мне... мне кажется, – заговорил я севшим голосом, – что ты не похожа на других. Но что-то тебя сейчас печалит...

– Да? – вскинула она ресницы. – А с чего ты это взял?

Я замаялся, пытаюсь высказаться определённое.

– Ну... не знаю... показалось...

Не обращая внимания на моё замешательство, она подошла ближе к берегу, махнула мне рукой.

– Посмотри, какая чистая вода! Попить бы...

– Я принесу тебе сколько угодно воды, напьюсь вдоволь! – сказал я и неожиданно даже для самого себя добавил: – Дай только взглянуть на твои глаза.

Девушка рассмеялась, вторя шуму реки, и этот смех эхом раскатился по всему ущелью. А ведь до сих пор я не то что смеха её не слышал, но и улыбки не видел на лице.

– И в чем ты её принесешь? Тебе же не во что набрать, – по-прежнему весело сказала она.

– В ладонях!.. Но ты, пожалуй, побрезгуешь. Подожди, я сейчас...

Оглядевшись по сторонам, я не заметил ничего похожего на сосуд для воды. Однако недалеко от реки светились окна многоэтажного корпуса – туда-то я и побежал в поисках кружки или стакана. Через несколько минут, также бегом, вернулся с фаянсовой кружкой. Словом, очень скоро желание моей спутницы было исполнено.

Она подняла кружку к свету, то ли разглядывая на ней рисунок, то ли в воду глядела, затем поднесла к губам. Пила не спеша, с перебивками, вдыхая полной грудью воздух, улыбалась каким-то своим мыслям и снова делала глоток. Наконец сказала:

– Спасибо тебе... Вода – словно медовая. В местах, где редко бывает человек, острее чувствуешь красоту и чистоту.

– Правда, – согласился я.

– Вода – лекарство для души!

– И это правда. Скажи, а что тогда лекарство для сердца?

– А что, сердцу нужно лекарство?

Я отвечал, глядя на её лицо:

– Знаешь, лекарством для сердца может быть только другое сердце, которое бьётся в том же ритме и способно делиться своим теплом.

Её глаза, мне казалось, горели ярче ночных фонарей. Я не мог сказать, какого они цвета: чёрные, голубые или зеленые, – я видел только свет, идущий из их глубин. Захотелось взять её за руки, почувствовать её тепло. Нам никто не мешал, но я боялся, что она убежит, стоит мне только прикоснуться к её пальцу. Не решаясь что-либо сделать, я всё-таки чуть приблизился к ней и спросил:

– Фаида, ты веришь в любовь с первого взгляда?

Девушка смутилась, даже в вечерних сумерках был заметен румянец, заливший её щеки, и опустила голову. Я ждал.

– Хочешь правду? – собравшись с мыслями, начала она. Я поспешно закивал, и Фаида продолжала: – Наверное, есть. Я вижу, ты даже веришь в неё. Не могу сказать, что разделяю такую уверенность. Мне кажется, любовь – как счастье, которое нельзя взять в руки. Она невесома и быстротечна, не успел оглянуться – её уже нет. Как ты думаешь, почему в наше время распадается столько семей, люди, женившиеся по любви, расходятся? Любовь длится до тех пор, пока не остынет? А если нет теплоты, душевности, взаимного доверия, уважения между двумя людьми, самая пылкая влюблённость проходит бесследно.

– Но ведь любовь и скрепляет всё, что ты сейчас перечислила, и не только. Будет ли понимание, если изначально нет любви?

– Любовь, любовь... – вздохнула моя собеседница, – сколько о ней говорят, сколько романов написали, но никто так и не постиг её до конца.

– Фаида, даже если мои слова кажутся тебе нелепыми, наивными, но в тебе есть что-то, я это чувствую, невидимое глазу. Я не могу понять, что это. Никогда ещё не переживал я подобного, никогда не был в таком состоянии. Конечно, тебе трудно в это поверить, мои слова могут казаться пустыми, не имеющими оснований: ведь мы едва знакомы, по сути, ничего друг о друге не знаем. Можно ли в таком случае говорить о возникновении любви? Но, как говорится, пока лбом не стукнешься, не поймёшь...

– Кто знает, может, так, – задумчиво сказала Фаида. – В жизни ничему нельзя удивляться. Это жизнь. Неожиданно всё может измениться. На всё воля Всевышнего. Таковы люди, трудно узнать, что у них на сердце или что может прийти им в голову. Как узнать?

– Не знаю...

– Мне хочется верить в честность, искренность, но всему, что говорят, особо верить нельзя.

– Я понимаю, о чём ты говоришь. Поверь, я сейчас далёк от приговора, да и вообще привык говорить, что думаю.

– Не обижайся, но это неразумно. Нельзя приносить вслух всё, что приходит в голову. То, что тебе кажется верным, правильным, может оказаться ошибкой, ложью... Не принимай эти слова на свой счёт, я тебя плохо знаю, но кто привык слушать голос своего сердца,

того побеждает надменность...

Она говорила, а я слушал её нежный голос и думал, как давно мне не приходилось разговаривать с таким удовольствием, раскрывая душу и находя во мнениях собеседника отклик собственным суждениям.

Тот вечер был отдохновением для души. Для человека, которого давит одиночество, подобное общение дорогого стоит. Окружившие нас горы, несмолкаемый говор чистой реки, шелест подсвеченной фонарями листвы, все звуки, запахи и цвета этого беззаботного мира завораживали, всё было приятно и глазу, и сердцу, тем более – рядом была девушка, которая тебе нравилась, которую хотелось узнать поближе, подобной которой ты никогда не встречал... Да, мир казался таким красивым, таким интересным и неизведанным именно из-за того, что она была рядом. Мы возвращались, стремясь сердцами навстречу друг другу, и молчали. В какой-то момент, поймав задумчивый взгляд спутницы, я сказал:

– Фаида, не могу поверить, что твои глаза видели войну. Такие красивые, такие неповторимые... Блестящие, словно звёзды, глаза даны тебе, чтобы дарить людям радость, душевность, украшать мир!

Девушка одним взглядом остановила поток моих слов и этим же взглядом поведала всё, что таила в сердце.

– Аслан, – тихо произнесла она, впервые называя меня по имени, – о чём ты сейчас думаешь?

– Признаться, я и сам не разберу, слишком много мыслей, чувств, сразу всего и не скажешь...

Мы шли всё медленнее, затем остановились. Волнение охватило меня, слова вымолвить не могу, молча смотрю на неё. А она вертит в руках кружку, о которой я уже и не помнил, поворачивает к свету и пристально всматривается в маленькую красную розу на боку. Потом обеими руками протягивает мне.

– Храни как память о нашем разговоре...

Молча и растроганно принимаю подарок, девушка прощается и уходит. Чувствуя, что в этот вечер я самый счастливый человек на свете, ухожу к себе...

Сколько на свете людей, у которых есть всё, но нет взаимопонимания: они ссорятся, обижают друг друга, дело иногда доходит до беды. А другие живут в мире и согласии, но нет здоровья... Человеку всегда чего-то не хватает. А разве не счастлив тот, у кого ничего нет, но он считает, что обладает всем, что равных ему нет? Вот в таком состоянии был и я. Просто чувствовал себя счастливым, не думая, как определить счастье или в какие формы его облечь.

Просыпаясь ранним утром, не мог дожидаться вечера, потому что встречаться с чеченской девушкой Фаидой можно было только на общих прогулках. И усталость моя пропала, стоило заглянуть в её глаза, да что там усталость – я забывал всё! В её глазах было столько нежности, доброты, взгляд их проникал в самое сердце, но не останавливался в нём, ширился, как бушующее море, захватывая

и потрясая моё существо. А отпуск своим чередом подходил к концу, близилось время отъезда из пансионата. Думать об этом было мучительно, накатывала тоска, и я не знал, что с ней делать. Так было и в этот вечер. Я пришёл на берег реки, где мы обычно встречались, к высокой ели, и стал дожидаться. Скоро на тропинке показалась стройная фигурка Фаиды: она спешила ко мне, словно почувствовав, что творится в моей душе.

– Привет. Как дела? – спросила она, бодро улыбаясь.

Я протянул ей шоколадку и поздоровался, как обычно. Раньше у кавказских народов за руку здоровались только мужчины. Таким образом, держась с обеих сторон за скромный подарок, мы словно обменивались рукопожатием, не нарушая обычая предков. Фаиду это удивляло, но и радовало: я понимал это каким-то шестым чувством.

– Дай Аллах тебе здоровья! Не нужно столько сладостей!

– Какой разговор... но, признаться, когда я протягиваю тебе конфету, а ты прикасаешься к ней, мне кажется, что я чувствую тепло твоей души.

Фаида засмеялась мягким грудным голосом.

– Радуйся всегда, я не хочу, чтобы ты грустила...

– Я тоже хочу видеть тебя весёлым и уверенным в себе. Но... когда мы разъедемся...

– Этого я и боюсь больше смерти!

– Аслан, давай не думать об этом.

– Мы так недавно познакомились. Я не хочу потерять тебя...

– Но что мы можем? Что тут поделаешь?

– Только смерти мы не можем помешать... Ты знаешь, что я тебя люблю!

Она покраснела и опустила голову. В тот момент я почему-то нашёл в ней сходство с красной розой на кружке, в которой приносил воду в день нашего знакомства.

– Мне кажется, мы никогда больше не увидимся, – прошептала Фаида. Лицо ее стало печальным, огоньки во взгляде погасли.

– Не говори так: что зовёшь – то и приходит!

– Не хочу, чтобы мы себя обманывали.

– Не понимаю...

– Аслан, не осуждай меня... Сила Аллаха велика – нельзя выйти за пределы предначертанного. Ещё не придумали лекарства от смерти и от сердечных ран. Я бы хотела знать: когда человек умирает, помнит ли он того, кого любил? – Она снова печально вздохнула. – Как быстро уходит время...

– У нас ещё есть несколько дней, – потерянно и обречённо сказал я.

Фаида подняла на меня грустный взгляд, и в этом взгляде промелькнуло сочувствие. И я смотрел на неё, смотрел, не отводя взгляда: боялся, что её отнимут у меня, и любовь к ней обжигала душу. Отчаяние от скорой разлуки, чувство потери настигло и меня. На что нам было надеяться?..

– Фаида, я обещаю! Я найду тебя, где бы ты ни была! Ты только жди меня...

– Я буду ждать...

До позднего вечера мы простояли у нашей ели. Не припомню, чтобы я когда-нибудь спал крепче, чем в ту ночь. Счастья, утешающих надежд был полон мой сон. Но если бы я мог предположить, что несёт мне грядущее утро...

Проснулся поздно, вышел во двор пансионата, но то, что с таким нетерпением искало моё сердце, не находили мои глаза. Её не было ни в столовой, ни среди подруг... «Может, заболела?!» – пронзила холодом сознание шальная мысль. Долго бы мне метаться по округе, не находя себе места, не подойди мой приятель.

– Уехала твоя девушка. Собралась ни свет, ни заря и уехала.

Мне сложно было её понять. Почему она так поступила?.. Горечь обиды, сомнения и те светлые чувства – всё перемешалось. Я много думал, прокручивал, словно видеоленту, последние события, слова Фаиды... но не находил объяснения.

Прошло время. От друга я узнал, что её больше нет. Она была неизлечимо больна, но ничем не выдала своей страшной тайны. Господи, откуда у этой хрупкой девушки столько терпения?! Так и не увидел я её, приехал уже, чтобы постоять у могилы.

На кладбище было тихо, изредка тишину нарушали крики чёрных птиц. Её надгробие не отличалось от других, но лежавший под ним человек не был похож ни на кого: близкий мне, только мой. Устала, казалось мне, отдохнёт и вернётся. «Пока живу, буду помнить», – шептал я, словно клятву, и губы снова и снова повторяли эти слова, а мне казалось, что я слышу ее мягкий голос...

...Я гулял в осеннем парке и остановился у высокой красивой ели. Когда вижу такую ель, всегда вспоминаю Фаиду. Потому что это дерево не теряет своей зелёной кроны, не боится ни летнего зноя, ни мертвящей зимней летаргии. И хотя нет больше на свете той прекрасной девушки, она жива в моём сердце. У каждой мечты есть свой способ осуществиться. И мою мечту я не сравню ни с чем. Для меня эта любовь – как воздух, которым дышу. Я её не потерял! Она была жива, так легко, так щедро дарила счастье. И я не могу им насладиться, я радуюсь, я плачу... и успокаиваюсь.

Залина ШОМАХОВА

Залина Шомахова родилась в 1988 году в сел Верхний-Курп Терского района. В 2012 году окончила ИФ КБГУ (отделение кабардинского языка и литературы). С 2012 года работает специальным корреспондентом газеты «Адыгэ псалъэ» (отдел политики, общества и международных отношений).

Член объединения молодых литераторов «Шыхульгагъуэ» («Млечный путь») при СП КБР, публиковалась в периодической печати и коллективных сборниках «КъудамэццӀэ» («Молодая ветвь»), «Шыхульгагъуэм и вагъуэхэр» («Звезды млечного пути»). В 2014 году вышел первый сборник рассказов Шомаховой «Мадонна».

В 2012 году заняла 3-е место во 2-м республиканском конкурсе на лучшее произведение национальной драматургии. Участник Сопещения молодых писателей республик Северного Кавказа (2008, 2011 гг.). С 2013 года – член Союза журналистов РФ.

ЧЕГО НЕ ПРОЩАЮТ ВОЛКИ

Рассказ

Радости волчьей семьи не было конца – у них родились первенцы, теперь они родители. Неопишное чувство любви, ответственности, переживания за будущее, этот сладкий момент, когда ты готов простить жизни все за этот бесценный подарок. Волчата, их было трое, тихо скулили, и только их мать знала, о чем они скулят. Неизвестно, как примет их жизнь, полюбит ли их судьба, но то, что они обожаемы родителями, – неоспоримый факт. Еще никогда сердце волка так не стучало, еще никогда, даже перед лицом смерти, не было волку так страшно, но все-таки эйфория отцовства переполняла его, и, чтобы хоть как-то отблагодарить волчицу, он выкрал ягненка в пасушемся неподалеку стаде и принес кормящей матери. Она, конечно, была рада такому подарку, поела сама и помазала кровью носики новорожденных, нужно же было приучать их к запаху сладчайшей еды.

Солнце гуляет по сонному лесу, вытирает слезы на заплаканных лепестках, пытаясь утешить их, раздает свое тепло. От блеска солнечных лучей просыпаются все, даже те, кто скрывается в густых зарослях и норах. Волчица проснулась с новыми силами, окрепшая, еще более счастливая, чем вчера. Облизывает сладко спящих волчат, те, в свою очередь, наслаждаются материнской любовью. Их отец с раннего утра ушел на охоту, сильно проголодался – не ел со

вчерашнего дня, но поначалу не чувствовал – счастьем был сыт, а теперь уже терпеть сил не было. Покосился на какую-то съедобную траву и тут же возмущенно отвернулся, не овца же он, в самом деле! Ободрал кору со старого дерева и облизал ее внутреннюю сторону, какие-никакие, но червяки попались. И снова испытал стыд и отвращение: ведь он волк, охотник! Плюнул и побежал дальше. Но в лесу пока никого не видно, одна мышка, на свою беду, встала рано и даже не успела пожалеть об этом – он поймал ее, но есть не стал, прибе-рег для кормящей матери. Бывали и более удачные дни, он опытный охотник, в лесу его уважают, но на этот раз то ли радость отцовства, то ли чрезмерное чувство ответственности... что-то сегодня выбило его из привычной колена.

Прошло две недели, волчата росли и крепли, и все труднее было удерживать их в норе, и матери, смягчившейся характером после родов, и отцу, который старался держать их во всей волчьей строгости. В один из ярких дней лета пастухи заметили резвящийся на солнце волчий выводок и спустили на них охотничьих собак, и вот беда – двоим волчатам не удалось уйти от погони. Горечь потери была такой, что вой волков по ночам был слышен даже в близлежащих селах. Сердце матери было разодрано на клочки, так больно ей не было никогда...

Несколько дней в семье не разговаривали, не ели, из логова не выходили. Чудом спасшийся волчонок, потрясенный увиденным, сидел, забившись в угол. Для него жизнь потеряла свой радостный блеск, в его маленькой голове не укладывалось многое, но одно он уяснил: в любой ситуации надо стоять за себя, выжить во что бы то ни было. Его братья погибли потому, что второй обернулся и остановился, услышав крик первого, и сам попался...

Так потом и пошло, он не был похож на своих братьев, во всех несправедливостях жизни винил родителей. А они любили его и баловали, как же иначе, он ведь единственный ребенок остался в семье. Его долгое время не пускали на охоту и даже в лес далеко не отправляли, единственная радость в жизни, зачем было ее лишаться. Все делали сами – на охоту ходили, врагов отпугивали.

Волчонок быстро подрос, и физической силы у него было более чем достаточно, но охотиться уже не хотел. А зачем? И так всего хватало, родители часто засыпали голодными, сын этого даже не замечал. Отец хотел видеть в нем помощника, продолжателя семейного дела, сильного вожака, но, похоже, это желание было только его.

Бывало, возьмет он подросткового волчонка на охоту, но без толку, только сам расстроится. Как-то поймал отец зайца, тот еще живой был, а сын не смог удержать, упустил. Загрустили родители еще пуще. Конечно, они понимали свою ошибку; понимали, что упустили, где упустили, но от этого им не становилось легче... Тря дня в доме не было никакой еды, и отец решил украсть овцу из того же стада, пасущегося неподалеку. Вообще-то он не часто отваживался ходить туда, только в крайнем случае, но сегодня именно такой слу-

чай и был. Не хотелось ему испытать свои силы в этот раз, уж больно тяжелые мысли одолевали его. Идет, а сам думает о сыне, ищет нужные слова, вспоминает своего отца, ставит себя на его место, а под ногами ничего не замечает, забывает об осторожности... Пробираясь сквозь густые заросли, он попался на охотничью хитрость, хотя с детства знал о ней, – угодил лапой прямо в капкан. И взвыл тогда волк, то ли от своей нерасторопности, то ли от жизни волчьей, но так громко и судорожно, что даже в сердце прошла боль. Волчица, конечно, узнала этот голос, пришедшей издалека, родной, но такой беспомощный. От неожиданности она сначала растерялась, но инстинкт верности и преданности сработал в ней моментально, и ринулась она в сторону, откуда доносились звуки. Добравшись до пастушьей хижины, огляделась, но там никого не было. Тем временем пастухи, заметив волка в капкане, стали приближаться к нему. Волчица взвыла, привлекая к себе внимание людей, и побежала в сторону, медленно и как бы с трудом, пытаясь увести их подальше. Пастухи толпой бросились за ней, охотничьи повадки не только у зверей... Но, пробежав несколько шагов, волчица с разбега попала в другой капкан, ей тоже было суждено испытать это ужасное чувство жертвы. Она снова взвыла, еще громче, но не от боли, а от отчаяния и безысходности. Услышав этот страшный вой, плененный волк готов был разорвать всех, кто станет на его пути. В этом состоянии, даже не чувствуя боли, он отгрыз себе заднюю лапу, державшую его в капкане. Теперь он был свободен.

– Потерпи, моя родная, я иду к тебе. Где ты, в какой стороне, дай знать. Сколько там людей? Отзовись, родная-я-я... – вытянулся его вой.

– Не ходи сюда, умоляю, не ходи. Их много, у них то, чем они убили наших детей, вместе нам не уйти. Беги скорее домой, беги к нашему волчонку, а я... я тоже как-нибудь высвобожусь, ночью...

Волк не стал спорить. Нет, он не испугался смерти, единственное, чего он боялся – потерять кого-то из родных. И он внял ее просьбе, направился к дому, волоча по траве кровоточащую лапу и не чувствуя боли. Рана горела огнем, а боль была совершенно в другом месте, в сердце, которое так просто не отгрызешь и не оставишь гнить в капкане. Оно умирает и разлагается в одном и том же месте, от этого и все беды...

Обессиленный волк не ответил на расспросы сына о том, где мать и почему он остается без ужина. Он зализывал рану, пока не остановилась кровь, тем временем обдумывая, как освободить су-пругу. Долго думал, но так и не нашел подходящего способа.

Утро грустило, оно было похоже на невыспавшегося волка, и весь мир словно сочувствовал его беде, или замер в ожидании чего-то... Бросив торопливый взгляд на сладко спавшего сына, волк двинулся в путь, раненая нога распухла и плохо двигалась, но он о ней даже не вспомнил.

Он был осторожен, как никогда, теперь заметил бы даже самый

крохотный капкан. До пастушьей стоянки волк добрался благополучно, подкрался довольно близко, смотрит и видит страшную картину. Волчицу посадили на цепь, а рядом – чтобы приручить – бросили в миску здоровый кусок мяса, размером в среднего зайца. Но в этой миске мясо казалось отвратительным. Волчица больше всего в жизни боялась этого, неволи, но сама же в нее себя и завлекла.

Волк ползком подобрался к ней и попытался перегрызть цепь, но бесполезно – цепь железная...

– Убей меня на месте, перегрызи мне глотку, это моя последняя просьба, если любишь – помоги, – взмолилась волчица.

– Я, это я должен был быть на твоём месте, – ответил ей волк. – Я виноват во всем. Я освобожу тебя, во что бы то ни стало...

Тем временем вдали показались идущие пастухи.

– Уходи! Уйди, я сказала. Они могут тебя увидеть.

– Не уйду, пусть убивают! Мне все равно, я тебя не оставлю.

– Как же наш волчонок? Он без нас не выживет. Видишь мясо, возьми, отнеси ему, я прошу тебя, он наверняка голодный. Сделай, как прошу, а за меня не переживай...

Волк повиновался и в этот раз, поднялся и, хромя, побежал в густую чащу. А она смотрела вслед и завидовала волчьей завистью. Мечтала увидеть своего волчонка еще хоть раз, почувствовать радость материнства, поиграть с ним... но все мечты ломала тяжелая цепь, сдавившая шею. Бесчувственные люди, они держат ее, не веря мольбам и стонам, не зная о волчьей верности... Она четко понимала замысел своих хозяев. Хозяев?! Эта мысль привела ее в бешенство. Она – волчица, свободолюбивая, своенравная. В ее жизни не было и нет хозяев, да и не будет. Осознав всю безысходность своего положения, она сделала выбор. Выбрав в вечные спутники смерть, она изо всех сил натянула цепь, которая, как удавка, врезалась в шею и остановила ей дыхание.

Волк был уже на опушке леса. Оглянувшись и увидев эту страшную картину, взвыл не волчьим, а уже дьявольским воем. Казалось, весь лес содрогнулся от этого крика души. Ему пришлось смириться с тем, что изменить было не в его силах.

И остались они одни. Он и сын, которого жизнь ничему не учила.

Однажды, охотясь в лесу, волк приблизился к самому его краю и заметил стадо овец и тех пастухов, которые погубили его семью. Нет, на этот раз он не стал ничего красть. Но душа заныла, забеспокоилось отцовское сердце: а вдруг его сына, который привык ко всему готовому, пастухи приманят мясом, а вдруг они его приручат...

Так и вышло. Прогуливаясь по лесу, волк-подросток почуял кружащий голову запах. Это пастухи варили в котле мясо. Забыв о всякой осторожности, он вышел к людям. Они, увидев волчонка, бросили в открытую клетку кусок мяса, а когда он забрался в нее, ловко закрыли дверцу. Вначале он пытался вырваться на волю, но его все время подкармливали сочным мясом, и как-то незаметно

для себя волчонок привык, перестал дергаться и рычать на людей, и даже подружился с ними.

Бедный отец несколько дней и ночей искал, звал сына, но все без толку. Он уже с трудом держался на ногах, не зная, в какую сторону обратиться безнадежный взгляд... И вдруг вспомнил о пастухах. Судорожно вскочив, отправился к их стоянке.

Лучше бы они убили его тогда, чтобы не довелось увидеть сейчас эту страшную картину. Сын волка, по натуре волк, сидел на привязи довольный, принимая людскую ласку и даже заигрывая с ними. Волк-отец испытал унижение, которого никогда раньше не знал, он был подавлен, но – еще надеясь на что-то – решил подойти поближе.

– Что я вижу, сын? – спросил он, усмирив свой гнев. – Давай я перегрызу эту веревку, помоги мне.

– Не стоит утруждать себя, отец. Мне здесь хорошо. У меня есть все, что пожелаю, мне не нужно заботиться о еде, о дне завтрашнем. Понимаешь, я теперь живу здесь.

– Ты же привязан. Мы не домашние собаки, мы волки. Мы не поддаемся людским ласкам, мы созданы не для служения людям, свобода и верность волчьим законам для нас превыше всего. Твоя мать, она тоже могла, как ты говоришь, жить хорошо, но она предпочла смерть подобной жизни. Неужели ты будешь жить с теми, у кого на руках кровь твоих братьев и матери. Ты предатель?

– Моя мать была глупа, раз не смогла найти другого выхода. Ты целыми днями шатаешься по огромному лесу, порой ты вынужден довольствоваться какой-нибудь дохлой мышью, чтобы не умереть с голода. И это ты называешь жизнью? На что мне такая свобода, зачем тратить свои силы в постоянных поисках пищи, раз здесь есть такие условия. Отстань, слышишь, отец, отстань и не приходи за мной больше. Я остаюсь здесь.

Каждое слово сына объедало сердце отца. Он не выдержал и... словно овцу, как неверного шакала, схватил сына зубами за глотку и начал душить. Он не обезумел, волки обычно не убивают себе подобных, но предателей они не прощают, пусть даже и сыновей.

На шум сбежались пастухи, кричали, махали палками, палили из ружей, но он не отпустил глотку неверного сына, пока не убедился, что тот уже не дышит. Потом, прихрамывая, рванул прочь.

– Лови его, стреляй, стреляй! – в суматохе кричат пастухи.

– Нет, ни живым, ни мертвым я вам не дамся!..

Волк останавливается на краю обрыва, оглядывается на шумную погоню и, помедлив, делает шаг в пустоту. Далеко внизу бурная река принимает в свои объятия и уносит его бездыханное тело...

Асият ЖАБОВЕВА

Асият Хисаевна Жабоева родилась в с. Белая Речка 1 января 1982 года. Там же окончила среднюю школу, после чего поступила в КБГУ ИФ «Отделение балкарского языка и литературы». С 2000 по 2002 гг. преподавала балкарский язык в НШДС № 18, затем перешла в среднюю школу № 7 г. Нальчика. С 2007 года работает в редакции журнала «Минги-Тау».

В 2014 году принята в члены Союза журналистов России. Является переводчиком и автором многих рассказов и статей.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Битвами и войнами начался XX век. Сначала русско-японская, затем Первая мировая и, наконец, самая жестокая – Великая Отечественная. Миллионы людей участвовали в этих войнах. Многие из них полегли на полях сражений, в том числе и представители балкарского народа. Они защищали интересы своей страны и храбро сражались, они достойны памяти, чтобы остаться в народной памяти навсегда!

Когда началась Великая Отечественная война, многие молодые люди из селения Белая Речка ушли на фронт, не жалея своей жизни, воевали с врагом. Многие не вернулись домой, сложили свои молодые головы в боях за родину. В их числе был и Асхат Леукаевич Жабоев.

Отец Асхата, Леука, и мать, Налдюз Шаваева, – уроженцы села Жабоево в Холамо-Безенгийском ущелье. После октябрьской революции они переехали в село Белая Речка, что находится в нескольких километрах от города Нальчика. Во время коллективизации отец семейства весь свой скот передал колхозу и сам стал колхозником. Работал скотником, доярком. Дочь Жанкуш вышла замуж, работала в колхозе, испытала все тяготы вынужденного переселения. После возвращения жила с семьей в родном селе Белая Речка. Несколько лет назад ушла из жизни.

Старшие сыновья, Чанай и Ибрагим, после школы учились в Нальчике, потом работали в родном селе. К сожалению, оба они заболели тяжелой болезнью и умерли перед началом войны.

Третий брат тоже учился в Ленинском учебном городке в Нальчике, а когда вернулся в родное село, началась война.

Весной 1942 года на территории Кабардино-Балкарии формировалась 115-я кавалерийская дивизия. Ахмат был зачислен в ее состав и участвовал во многих сражениях. После войны жил в Средней Азии. Вернувшись на родину, обосновался в своем селе, создал семью с Машау Созаевой. Супруги вырастили пятерых детей. Скончался он в 1990-м году, похоронен в родном селе.

Асхат был самым младшим в семье. После окончания средней школы

в селе поступил в педагогический техникум в Нальчике и успешно его окончил. Сам Леука был неграмотным, но очень хотел, чтобы его дети получили образование. Поэтому когда выучился и младший сын, он очень этому радовался. Молодого специалиста направили в село Кёнделен в качестве учителя средней школы. Через некоторое время перевели в министерство просвещения республики, но там тоже работать пришлось недолго. В 1938 году он был призван в Красную Армию. Служил добросовестно, за безупречную службу неоднократно поощрялся начальством. Уже заканчивался положенный срок службы, и солдат готовился к возвращению в родные края, но тут началась война с Финляндией. Она была недолгой, но ожесточенной, известий с полей сражений ждали и в далеких балкарских селениях. Родители и родственники очень переживали за Асхата. К их радости, он вернулся домой, живой и невредимый. Родня устроила большой праздник в его честь. Как стало известно потом, он участвовал в присоединении Прибалтийских республик и Западной Украины к СССР.

Вернувшись из армии, Асхат устроился на работу в редакцию газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», выходящей на балкарском языке. В 1941 году, 23 июня, состоялось совещание Президиума Верховного Совета КБАССР, куда был приглашен и редактор отдела писем Асхат Жабоев. Наряду с другими вопросами на совещании рассматривались меры по улучшению жизни населения республики. К сожалению, в ближайшее время этим планам не суждено было сбыться. Началась Великая Отечественная война. Асхат Жабоев ушел на фронт добровольцем и стал танкистом.

На берегу Дона шли ожесточенные бои. После массированных ударов с воздуха и артиллерийской подготовки снова задрожала земля – вперед пошли немецкие танки. Они стреляли издали, снаряды взрывались все ближе, накрывая наши окопы. В ответ открыли огонь наши артиллеристы. Несколько немецких машин, задымив, остановились. Но остальные неудержимо рвались к линии обороны. Внезапно перед окопами появился танк Асхата Жабоева и двинулся навстречу атакующим, к головному немецкому танку. Две железные машины сближались, нацелив друг на друга башенные орудия. Один прямой выстрел и противнику смерть. Но кто первым сделает этот выстрел, кто точно поразит цель? Ошибиться было нельзя, иначе со вторым выстрелом не успеешь.

Немецкий танк нырнул в ложбину и тут же стал подниматься вверх. В этот момент танк Жабоева выстрелил. Выстрел был точным, немец окутался клубами черного дыма и остановился. Но три других немецких танка стали полукольцом обходить нашу машину. Один из них подставил свой бок, и снова прозвучал выстрел советского танка. И вторая немецкая машина задымила. Остальные начали отступать. За этот подвиг Асхат Жабоев был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В сражениях, в огне войны солдат думал о далекой родине, скучал по уютным улицам Нальчика, писал домой письма: «Сейчас наша задача – уничтожить немецко-фашистских захватчиков, освободить родину от них. Ради этого, жизни не жалея, буду сражаться. Часто слышу о героических подвигах своих земляков. Горжусь ими. Очень хочу увидеть Нальчик».

Боевые дороги привели Асхата Жабоева в Харьков. Там, в окрестных

лесах, укрывались гитлеровские подразделения. Надо было уточнить их количество, вооружение, расположение огневых точек. Для этого, с заданием добыть «языка», вместе с двумя солдатами отправился Асхат.

Поздно ночью трое наших разведчиков приблизились к немецким окопам. Вражеские часовые периодически обстреливали пространство перед собой. Наши продвигались где ползком, где перебежками. Но все равно в какой-то момент немцы обнаружили их и открыли интенсивный огонь из пулеметов. Одна из пуль попала в ногу Асхата. Друзья перевязали его и двинулись дальше, пытаясь подойти к врагу со стороны. Вдруг из зарослей кустарника выскочили несколько немецких солдат. «Руки вверх!» – крикнул тот, что оказался ближе всех. Не мешкая ни секунды, Асхат ударил его прикладом автомата и свалил на землю. Остальных в упор расстреляли товарищи Жабоева – Политко и Селиванов. Прихватив лежавшего без сознания «языка», все трое успешно возвратились в расположение части. За этот подвиг Асхат был удостоен ордена Красной Звезды.

18 января 1943 года был тяжелейший бой на подступах к Воронежу. Последний бой Асхата Жабоева, комсорга батальона. О героической смерти друга написал его родным в селение Белая Речка украинец Политко. А сослуживцы написали о нем песню.

*А был он молод и красив,
Лицо светилось улыбкой,
И виделся избыток сил
Во всей его фигуре гибкой.*

*Высокий лоб, высокий чуб,
Прямой зачес и волос черный.
И песня, льющаяся с губ,
В себя впитала воздух горный.*

*Он был, наверное, поэт,
Рожденный для иного боя,
А в донесениях воспет
Как лейтенант Асхат Жабоев.*

*Он по врагу стрелял в упор,
И страху не было в помине.
Он был орлом балкарских гор,
И пал героем на равнине.*

Закончилась война, живые вернулись с победой, а многие герои остались лежать там, где воевали с врагом. В их числе – и храбрый сын балкарского народа Асхат Жабоев. Благодарные односельчане увековечили память о нем, назвав его именем одну из улиц в родном селе.

Люди рождаются, живут, умирают. Годы проходят, одно поколение сменяется другим. Со временем забываем тех, кто жил раньше нас. Но такие герои, как Асхат Жабоев, остаются в памяти народа навсегда. Ибо имя героя, защищавшего жизнь на земле, – бессмертно.

БЕЛОЕ СЛОВО АЛИ

Вспомнил, как узнал о смерти Али Байзуллы.

Блуждая по Интернету, на одной из страничек Георгия Яропольского споткнулся о фразу: «Сегодня, 03.03.2011, перестал дышать поэт Али Байзуллаев». Было неожиданно и горько... Да, я знал, что со здоровьем у поэта давно уже было неважно, он часто лежал в больницах, но впечатления смертельно больного человека он не производил. И вот...

Познакомился с Али я в далёком 1977 году.

Решив пару дней отдохнуть, мы с двоюродным братом выехали в Приэльбрусье. Вечером второго дня, нагулявшись, мы, голодные и, несмотря на мороз, разгорячённые, зашли в одно из немногочисленных кафе, с неприятным названием «Горянка». В зале было полно народу, но свободный столик всё-таки нашёлся. Компания у нас была небольшая, четыре человека. Все трое намного старше меня, к тому же мои близкие родственники, что накладывало на меня определённые обязанности: присутствовать за столом, где распивались спиртные напитки, я мог, но – исключительно в качестве «обслуги»: разливать, прибирать со стола, заказывать...

Кафе было обыкновенного советского пошиба: грубые дощатые столы, массивные стулья, неприятный дизайн. Впрочем, это никого не смущало, вероятно, никто и не думал всерьёз, что может быть как-то иначе: народ тогда был простой, неизбалованный. Тем более всё это устраивало меня, сидевшего тогда в кафе, может быть, в третий раз в жизни. (Кстати, никаких претензий не было у меня и потом, когда я стал если не завсегдатаем, то частым гостем таких заведений. Более того, мне чего-то недостает в нынешних кафе, не в пример чище и нарядней, с вежливыми официантами в униформе. Атмосферы, может быть, о которой потом напишет друг-поэт: «И вновь со стуком прибывали кружки, / и очень не хотелось уходить». Хотя, возможно, это просто ностальгия по молодости.)

Немного погодя в клубах пара в дверном проёме появились очередные посетители. Их возглавлял рыжеусый человек в белоснежном овчинном тулупе. Это был Али. Я сразу его узнал, хотя никогда не видел воочию – только маленькую фотографию в книжке. Мест почти не было, вошедшие стояли, озираясь. Мои спутники тоже заметили их и пригласили за наш столик. Все они, кроме одного, оказывается, были уже знакомы с Байзуллой. Компания наша оживилась. Разговор шёл, как я сейчас понимаю, самый обыкновенный, но разве тогда это было для меня важно? Я сидел (извиняюсь за банальность фразы), ловя каждое слово поэта, произведениями которого зачитывался.

Время пролетело быстро, кафе закрывалось, и застолье продолжилось дома у одного из спутников Али, местного жителя. Разговор, по понятным причинам, становился всё более оживлённым и всё бо-

лее интересным для меня. Говорили теперь почти исключительно о литературе, и, естественно, в центре внимания был Байзулла, в силу своего возраста и статуса: он был старше остальных и, к тому же, уже известным поэтом (остальные значились «начинающими» или же довольствовались ролью почитателей). Один из присутствующих прочитал перевод стихотворения Али, посвящённого Гарсия Лорке:

*Андалузия. В долинах голубых
Пламенеют апельсиновые рощи,
И бредут устало мимо них
Ослики, нагружены и тощи.*

*Катится лимоном солнце с гор,
Тени вечера протяжны и усталы.
Кровью Федерико до сих пор
Снежные алеют перевалы.*

Перевод Али похвалил. Забегая вперед, скажу, что это был редкий случай, обычно переложениями своих стихов он бывал недоволен. Потери, неизбежные при переводе, казались ему неприемлемыми. Не зря, видимо, некоторые стихи у него существуют в двух вариантах, на русском и на балкарском. Но это, пожалуй, не переводы, а самостоятельные стихотворения.

Тут стоит сделать отступление, объясняющее моё тогдашнее состояние.

Страсть к чтению (не до конца изжитая и по сей день) проявилась у меня довольно рано. В восемь лет, удивляя и раздражая старенькую школьную библиотекаршу, я чуть ли не ежедневно копался в книгах, беспорядочно разложенных на немногочисленных полках школьной библиотеки. Раздражало её не столько то, что я мешаю ей дремать за вязаньем шерстяных носков у жаркой печки, сколько то, что выбираю книги, которые, по её мнению, следовало читать в гораздо более солидном возрасте. Помню, однажды, не поверив, что я всего за день одолел довольно объёмистую книжку, она решила уличить меня во лжи (подозревая, что я беру книжки просто ради забавы и возвращаю их, не прочитав) и попросила пересказать содержание. Я, не совсем понимая смысла происходящего, начал пересказывать. С удивлением убедившись, что я действительно читаю, она перестала меня донимать, и я мог спокойно часами пропадать между полок.

Тем удивительнее, что к стихам я пришёл довольно поздно, лет в пятнадцать. Конечно же, что-то я читал и до этого, но как-то вскользь, особо ничего не увлекало. Особенно трудно было читать на родном языке «белое слово» («как сёз» – так, в отличие от «кьара сёз», «чёрного слова», то есть прозы, балкарцы называют поэзию). И даже после того, как Пушкин, Блок, Есенин, Маяковский стали любимыми авторами, балкарских поэтов я читать не мог: раздражала банальность тем и выражений, а главное, не хватало энергии, звучно-

сти. По прошествии времени я понимаю, что был несправедлив, что судил достаточно поверхностно, опираясь не на лучшие образцы. Но тогда мне казалось, что, вопреки природе собственного языка, поэты, пишущие по-балкарски, каким-то образом умудряются находить слова, состоящие из одних согласных звуков. Понятны сейчас и причины такого отношения к родной поэзии: настоящий Кязим тогда не был издан, восприятию стихов Кайсына мешал «хрестоматийный глянec», да и «Горская поэма о Ленине» у подростка-нонконформиста, каковым я себя тогда ощущал, как-то не прибавляла желаниа вчитаться в другие его произведения.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды мне не попался в руки маленький сборничек Али Байзуллы. Название, конечно же, разочаровывало: «Къаяла» («Скалы»). Раскрывая книжку, я ожидал увидеть стандартные признания в любви к родным горам, затёртые фразы об их же красоте вперемежку со стихами опять-таки о любви к черноокой горянке без каких-либо индивидуальных черт. Можно было подумать, что все пишущие влюблены в одну и ту же красавицу: со стройным станом и косой до пят. Правда, вопрос: где они такую нашли? Ибо в реальной жизни девушки выглядели, мягко говоря, несколько иначе.

К счастью, ничего этого я в книжке не нашёл. Зато нашёл много чего другого. Например, я увидел, что и на балкарском языке можно писать произведения, которые уместно назвать «белым словом», не делая поблажки ни на провинциальность, ни на «бедность» балкарского тезауруса. Это действительно стихи, убедился я. Стихи, которые хочется произносить вслух. Стихи, за которыми видно автора – человека, говорящего о себе и о мире то, что он думает на самом деле, а не то, что, по его мнению, надо говорить, чтобы выглядеть поэтом. Не пытающегося поучать читателя. Не призывающего придерживаться банальных истин. Не старающегося выглядеть средоточием всех положительных качеств, которые только можно представить. То есть за стихами было видно живого человека, а не ангела, сошедшего с небес и неведомо почему решившего вдруг заняться стихотворчеством.

Кроме того, в стихах Али ощущался трагизм, что тоже было необычно. Все остальные поэты, которых я пытался читать на родном языке до этого, выглядели вполне себе бодрыми оптимистами. А по глубокому моему убеждению, трагичность и одиночество – неизменные спутники настоящего поэта. И дело тут не в жизненных обстоятельствах (хотя у Байзуллы хватало и этого: безотцовщина, голодное детство в Казахстане, да и потом долгие годы неустроенности). Трагизм – от того, что поэт более остро чувствует несовершенство мира. Это не значит, конечно, что талантливый поэт занят только тем, что обличает пороки мира и жалуется на своё одиночество (или упивается им). Более того, чем талантливее поэт, тем меньше в его стихах об этом говорится прямо, это читается между строк.

Второй сборник поэта, «Узакъ аулакъ» («Далёкое поле»), отысканный в завалах нашего сельского книжного магазина, был про-

читан с не меньшим удовольствием. И, вдобавок к поэтическим достоинствам, он удивил своей композицией. Это был не просто набор определённого количества стихотворений, это была книга, написанная по заранее составленному плану.

Состоит она из трех частей, в каждой из которых – 33 стихотворения. Плюс стихотворение, открывающее сборник. Итого – 100. Кроме того, в начале есть «Тройное посвящение» (Родине, матери, любимой), а в конце – заключение-акrostих. Необычна и сама форма стихотворений, каждое из них состоит из 14 строк с постепенно уменьшающимся количеством слогов в строчках: в первых двух – 14 слогов, в последних – 2 слога. Может, я ошибаюсь, но, кажется, это единственная такая книга в мировой литературе.

Но, конечно же, главным отличием Байзуллаева от почти всех его товарищей по перу было отсутствие пресловутого «внутреннего редактора», мешавшего творить не одному поколению советских писателей. Для Али такой проблемы не существовало. Так, одно из лучших стихотворений в первом сборнике называется «Пророк». Скажете: ну и что? А попробуйте найдите в балкарской литературе того периода не то что стихотворение, просто это слово. Уверен: не найдёте. Да, времена тогда были довольно либеральные, но – «внутренний редактор» не дремал. Были и вовсе крамольные строчки: «Ташадан да чыгъар эркинлик» («Из тайного укрытия выйдет свобода»). Представить такие строки у другого балкарского поэта того времени – невозможно. Удивляет и то, как это пропустила цензура. Впрочем, впадая в метафизику, объясняю это тем, что внутренняя энергия книги порой оказывается сильнее внешних сил. Не менее удивительно было увидеть напечатанным в государственном журнале и следующее стихотворение Али:

*Сыйыргъан эдиле акъ таулары,
Жырладыкъ кёчгюнчю туманда да,
Жашауну сыйыргъан заманда да,
Сыйыралмадыла жырлары.*

*Тынгылайма: санга да, манга да
Жокъду жыр бу таулу элдеде.
Жырлары сыйыргъан амалгъа да
Юйренгендиле бу ёмюрде.*

*(Отобрали белые вершины,
Из родимых мест навек изгнали.
Гибли мы, но песни были живы,
Наши песни оставались с нами.*

*Нынче же все сёла как немые,
Не услышать песен, хоть ты тресни.
Что поделать, времена иные:
Отбирать умеют даже песни.)*

Что немаловажно: это не воспринималось как бравада или эпатаж, в поэтическом мире Байзуллы это было естественно и гармонично. Просто честные стихи честного поэта.

Знакомство, начатое в тот зимний вечер, продолжилось после моего поступления в университет. Али к тому времени тоже перебрался в Нальчик и устроился работать в журнал «Нюр». Был он тогда холост, жил одиноко, в садовом домике в районе телевизки, и мы с Георгием Яропольским частенько заходили к нему в гости. Причём в любое время суток. Друзей у него было немного, особенно в литературных кругах, и мне кажется, он был рад нашим визитам. Многие говорили и говорят, что у Али был тяжёлый характер, что он был неуживчив. Благодушным добрячком он, конечно, не был, но считать неуживчивость основной чертой его характера тоже вряд ли будет правильно. Возможно, свою роль играло и то, что он был крайне недипломатичен в вопросах, касающихся литературы. Вспоминается его отповедь одному из молодых поэтов: «Ну зачем ты пишешь, что, бросив тебя, любимая “вонзила тебе в сердце кинжал”? Почему не скажешь “нож”? Думаешь, “кинжал” поэтичнее?»

Оценки его порой были несправедливы, но всегда не лишены оригинальности и некоторого изящества. Так, про всеми признанного поэта он говорил, что это «не великий поэт, а великий актёр, гениально сыгравший роль великого поэта».

Конечно, прежде всего, Али – поэт, но писал он не только стихи. Рассказы его, посвященные переселенческой жизни, достойны включения в антологию балкарской прозы, а фантастические повести и вовсе редкость для национальных литератур. Написана им также исследовательская работа «Русь и Поле», в которой толкование «тёмных» мест в «Слове о полку Игореве» порой гораздо убедительнее, чем в работах академических исследователей.

Приступая к написанию этой заметки, я не ставил перед собой цель проанализировать творчество замечательного поэта. Надеюсь, когда-нибудь это будет сделано серьёзными литературоведами и критиками. Я просто хотел поделиться воспоминаниями и почтить память человека, который был и остаётся для меня одной из самых ярких личностей в балкарской литературе.

Земной отрезок пути Байзуллы закончился. Да сделает же Всевышний так, чтобы мир иной оказался для него, говоря словами другого поэта, «страной, где тишь и благодать».

ДЖЕНТЫЛЬМЕН

1

Порой рассказ – езда по бездорожью,
ухабы да колдобины – беда!
Рассказчик правду смешивает с ложью,
в итоге: не айран и не вода.
Но мы сегодня выберем не бричку,
попробуем Пегаса оседлать,
а чтоб сказал читатель: «Исполать!» –

в айран не будем добавлять водичку,
ну разве что лишь капельку, чуть-чуть –
чтоб не спеша усваивалась суть.

2

Сюжет, поверьте, будет не затаскан.
Итак, бисмилляхи! Вперёд, поэт...
Давным-давно (начну подобно сказкам)
жила вдова по имени Жаннет.
Хоть ей годочков далеко не двадцать,
красивый вид её ласкает взор,
а ласки бесподобны до сих пор:
куда за ней молоденьким угнаться!
(Я с потрохами выдал себя вмиг,
но чёрт не дремлет, тянет за язык.)

3

Любимым местом в мире, как ни странно,
был для Жаннет шахтёрский городок.
Песок на берегах крутых Баксана
хранит следы её девичьих ног.
Прелестница здесь тихо расцветала,
и с завистью смотрели все ей вслед,
когда красotka в восемнадцать лет
по улице не шла, а – выступала!
Но годы мчатся, не остановить,
как вспомнишь, право, неохота жить.

4

Совсем недавно стан её был тонок,
волной струился шёлк её волос,
сравнить с чем бровки, знает и ребёнок,
в такую и влюбиться не вопрос!
Но красоту не вденешь, как заколку,

мы все об этом знаем по себе,
путей обратных нет ни в чьей судьбе,
от вздохов-ахов – никакого толку:
ведь красота – что дым, и на лету
развеивает время красоту.

5

В отель «Эльбрус», стоявший под горою,
явился путник – черноус, высок.
Но был сезон, и нашему герою
там хмуρο указали на порог.
Жаннет в тот час калиточку белила.
«Хозяйка, в гости примешь ли меня?
Не спал в постели вот уже два дня...»
Жаннет сейчас же парня оценила:
«Найду, пожалуй, для тебя кровать.
Условие одно: не приставать!

6

«А так – ночуй... Довольно места в доме...»
Обрадованный парень ей в ответ:
«Я – джентльмен, воспитан я и скромно,
поверь, причин меня бояться нет».
Всё выставила, чем была богата,
на стол Жаннет. Закуски и вино
отменны были. Как заведено,
о том о сём болтали... Виновато
вдова вдруг воркотню оборвала
и, пожелав приятных снов, ушла.

7

Легли. Но ни ему, ни ей не спится:
ведь лунный свет – вместилище грехов,
которому неведома граница –
сам дьявол с ним тягаться не готов.
Горы посеребрённая вершина
видна в окне. Спеша издалека,
шумит в ночи немолчная река –
ей век шуметь, такая уж судьбина.
Но мы не уподобим ей рассказ,
чтоб не сбежал читатель наш от нас.

8

Так, не смыкая глаз, они лежали,
зря колдовали лунные лучи.
Из невообразимой глядя дали,
дивились им созвездия в ночи.

Но всё всегда становится на место,
и сон сморил под утро молодца.
Жаннет же размышляла без конца,
что за напасть такая – *джентльменство*.
(Ну и героя выбрал ты, поэт!
Геройства в нём, пожалуй, нет как нет.)

9

Не любят петухи ночёвок длинных,
чуть свет – и наступает их пора.
Уходит ночь от криков петушиных,
и тишь спешит укрыться со двора.
Вдова встаёт привычно с петухами –
корм своре кур, что тот ещё оброк;
несётся с гор прохладный ветерок,
чтоб сосны, в нём ожив, благоухали,
и щебет птиц, встречающих рассвет,
ласкает слух задумчивой Жаннет.

10

Как сладко нежить девушку в объятьях
в тот час, когда горланят петухи!
Мгновенья счастья – если же убрать их,
то жизнь ничем не лучше требухи!
Пивал и я из чудного колодца:
с красавицей пускаясь в долгий путь,
ей гладил беломраморную грудь,
не мысля о запреты уколотся, –
так я в любовь уверовал и тем
сберёгся от бесчисленных проблем!

11

Но где вы, буйство юное и свежесть?
Плетясь по жизни с горем пополам,
сегодня мы и ангелов так нежить
не в силах, – как говаривал Хайям!
В чьих снах распутных наш огонь так ярок,
что с плазмой лишь его сравнится пыл?
А ныне мы – как уголь, что остыл,
в глазах весёлых девочек-балкарок.
Достоин порицанья дряблый плод –
идёт на убыль бедный наш народ.

12

Пора закончить это отступление,
не то рассказ грозит сползти в кювет...
Разгара петухов достигло пенье,

а горы эхо шлют ему в ответ.
 Петух моложе лезет вон из кожи,
 до неба докричатся тщится он,
 проткнуть писклявой песней небосклон,
 петух постарше расстарался тоже.
 Сердясь на них, пёс поднял громкий лай:
 всяк занят делом, шуму – через край.

13

Ну, музыка! Что гладить против шёрстки!
 И мёртвый встанет – верится порой.
 Хотя перины были и не жёстки,
 с рассветом пробудился наш герой.
 «Хозяюшка, – повежливей быть хочет, –
 не чересчур ли много петухов?»
 Ответ вдовы был, помнится, таков:
 «Петух не кукарекает, а топчет,
 а эти, хоть виагрой их корми,
 сплошь *джентльмены*, леший их возьми!»

14

«И это всё?» Да, мой рассказ окончен,
 длинней пусть сочинит другой поэт.
 Добавлю лишь: герой наш счастлив очень –
 трёх сыновей дождался от Жаннет
 и рядом с ней, пока не будет дочки,
 не думает на лаврах почивать.
 Рассказ мой – крик души: и мне подать
 такую, как Жаннет, без проволочки!
 Мать у меня давно одна живёт
 и ждёт снохи уже который год.

15

Немало тех, кто от восторга млеет,
 назвать мечтая зятем Байзуллу.
 Есть девушка, которая сумеет
 вонзить в собратьев зависти иглу
 своим со мною нежным обхожденьем,
 а у неё, естественно, есть мать:
 коль к ней однажды я приду как зять,
 то руки мы от радости возденем,
 друг с другом будем ладить как никто
 и вместе проживём лет этак сто!

*Перевод с балкарского Хыйсы Джуртубаева и
 Георгия Яропольского*

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРЕВОДА

Началось со стишка, написанного 27 марта 1988 года, в ту благословенную пору, когда маршрут новоиспечённого адепта ассемблера пролегал мимо крохотного зоомагазина на ул. Кабардинской в старинном центре Нальчика:

Чужая судьба

*Я в зоомагазине
работал пугаем,
но мимо шли разини –
я не был покупаем.*

*Души моей богатства
ни капли не ценили,
поскольку мог ругаться
я лишь на суахили.*

*Никем не понимаем,
я стал таким облезлым...
А был бы я трамваем –
тогда б я был полезным!*

Самоощущение не востребовавшего поколения, изложенное в стилистике анекдота (кто бы что ни говорил, а мне понятны давние слова Виктора Коркии насчёт смеха сквозь слёзы «шестидесятников»). При всём при том – упорное желание продолжать «ругаться на суахили» (то есть «хотеть странного», см. «Попытку к бегству») вкупе с осознанием невозможности стать «трамваем» (общественно-полезным элементом).

Несмотря на кажущуюся эфемерность, стих, однако, остался. Мой друг Хыйса Джуртубаев давно грозился перевести его на балкарский язык, но заменить при этом суахили на китайский, а трамвай на что-то более адекватное языковой среде. наброски были, но пропали. В этом году у него получилось вот так:

Башха къадар

*Тутуй къушчукъма. Тюкенде
турама, жокъ башха ишим.
Билеме кѐп назму кѐлден,
сатып а алмайды киши.*

*Не этейим, хата кимде? –
Излеп табалмайма амал:
жалан да папуас тилде
айта билеме мен аман.*

*Кюнден кюннге аза, эрий,
кюе барама, тозурай...
Хар ким сюер эди мени,
болуп кълсам эди трамвай!*

Естественно, мне (я видел, что 3-стопный ямб со сплошь женскими рифмами сменился 4-стопным с мужскими) захотелось увидеть и подстрочник. Хыйса прислал вот такой:

Не та судьба

*Я – попугайчик. Сидеть в магазине –
вот вся моя работа.
Я знаю много стихов наизусть,
но никто меня не покупает.*

*Что мне делать, чья вина?
Ищу, но не знаю, как это исправить:
ругаться я могу
только по-папуасски.*

*Изо дня в день худея, тая,
я чахну, стал облезлым...
Все полюбили бы меня,
если бы вдруг я стал трамваем.*

Потери: зоо-, разини, богатства души, никем не понимаем. Привнесения: знаю много стихов, худею, таю, чахну. Суахили стал языком папуасов, работа попугаем преобразовалась в то, чтобы, будучи попугаем, сидеть в магазине.

При этом происходит и более кардинальное изменение ситуации: в переводе покупателей стихи (которые они вроде бы понимают) оставляют равнодушными, но огорчает их тот факт, что попугай умеет браниться только по-папуасски. В оригинале, однако, брань приравнивалась к стихам и вообще ко всякой вербальности, на которую попугай способен. Перевод утверждает: стихи, мол, никому не интересны, а подавайте-ка нам просто ругателя, который был бы понятен.

Мне кажется, оригинал в этом отношении расставляет акценты более чётко: с одной стороны, ругня на суахили (то есть неприемлемая тематика и эстетика), с другой – пребывание трамваем (исполнение ожидаемой роли). По-моему, здесь имеет место самая существенная потеря смысла.

Но что, если абстрагироваться от оригинала и перевести подстрочник обратно на русский? Я попробовал:

Чужая судьба

*Я – попугай. Моя работа –
сидеть в ларьке, где прель и тьма.
Стихов я выучил без счёта,
но покупателей нема.*

*Причину знаю неувязки,
но сладить с нею не могу:
бранюсь я лишь по-папуаски,
а по-иному – ни гу-гу.*

*Вот так, хирея год от году,
природный трачу я запал.
Любезен был бы я народу,
когда бы вдруг трамваем стал.*

На этом примере достаточно очевиден вектор к размыванию подлинника, столь часто наблюдаемый в переводных стихах. Однако радуется вдруг вынырнувшая аллюзия на пушкинский памятник.

А ещё радуется, что зоомагазин до сих пор стоит на прежнем месте.

Анастасия ФЕОКТИСТОВА,
методист МКУ «Управление образования местной
администрации Прохладненского муниципального
района»

**Районная акция «Рыцари закона»
под лозунгом «Молодежь за здоровый образ жизни!»**

В современном мире невозможно развитие и существование общества без полноценного, шагающего в ногу со временем образования и воспитания. Социально-психологические исследования последних лет убедительно доказывают, что моральное состояние современного общества во многом определено нравственными нормами, ценностями, действующими в данном социуме. Задачей каждого педагога является воспитание разумного, духовно-нравственного человека. В настоящее время перед обществом стоит острая проблема – моральная деградация общества, национализм, разрушение фундамента нравственности. Эти проблемы и предстоит решать, выдвигая на первое место такие базовые национальные ценности, как патриотизм, социальную солидарность, гражданственность, семью и творчество.

Главная цель акции «Рыцари закона» – формирование активной жизненной позиции учащихся школ, развитие толерантного сознания, профилактика экстремизма и терроризма в подростковой и молодежной среде и развитие творческого потенциала детей и подростков.

Инициатором и организатором акции стали МКУ «Управление образования местной администрации Прохладненского муниципального района КБР», МОМВД России «Прохладненский».

В мае 2014 года в финале общереспубликанского конкурса среди учащихся общеобразовательных школ Кабардино-Балкарской Республики «По патриотическому воспитанию, против наркомании, алкоголизма и экстремизма под названием «Рыцари закона» приняла участие команда МКОУ «СОШ ст. Екатериноградской» Прохладненского муниципального района КБР, победитель районной акции. В г. Нальчик на площади Абхазии в ходе напряженной борьбы среди шести команд заняла почетное третье место и получила в подарок музыкальный центр.

А с 3 декабря 2014 года учащиеся общеобразовательных учреждений Прохладненского муниципального района, представившие свои конкурсные работы, боролись за право быть лучшими. Все номинации конкурсов прошли в рамках единой темы «Молодежь за здоровый образ жизни!». Конкурс плакатов, конкурс слоганов, тематические линейки прошли во всех школах, позволив участникам всех возрастов отразить свою гражданскую позицию.

На фестивале творческих групп были представлены композиции с использованием наглядных средств, в том числе плакатов и слоганов на основную тему конкурса.

19 декабря 2014 года на базе МКОУ «СОШ с. Учебного» Прохладненского муниципального района прошла районная акция «Рыцари закона», направленная на патриотическое воспитание подрастающего поколения, профилактику наркомании, алкоголизма и экстремизма в подростковой и молодежной среде, формирование активной гражданской позиции.

Участниками фестиваля стали 8 общеобразовательных учреждений Прохладненского района. Победителем акции стала команда «Здоровья желаем!» МКОУ «СОШ с. Заречного» (руководитель команды Анаева И. Н.), призерами – команда «Пульс» МКОУ «СОШ № 2 с. Алтуд» (руководитель команды Гергова З. З.) и команда «Новое поколение» МКОУ «СОШ с. Прималкинского» (руководитель команды Ковалева О. В.).

В выступлениях команд звучали призывы к сверстникам: «Наш выбор – любовь – любовь к семье, родному дому, краю, Родине – нашему родному Прохладненскому району, который в этом году отмечает свое 90-летие! Мы выбираем здоровый образ жизни! Мы устанавливаем приоритеты настоящего времени и провозглашаем наши правила:

- Сегодняшний день – мой главный день!
- Сегодняшнее слово – моё лучшее слово!
- Моя речь – это моё зеркало, моё достоинство!

Мы – против негативных явлений. А значит – выбираем успех. Наш выбор – здоровье, спорт. Человек должен быть здоров и душой, и телом! Спорт – это наше здоровье. О, спорт, ты – мир! О, спорт, ты – жизнь! Путь к долголетию, здоровью!».

Все победители районных конкурсов награждены грамотами МКУ «Управление образования местной администрации Прохладненского муниципального района». Впереди – награждение ценными подарками от МОМВД России «Прохладненский».

Повышение доступности и качества муниципальной системы дошкольного образования Прохладненского муниципального района КБР

Дошкольный возраст – важнейший период становления личности ребенка, когда закладываются предпосылки гражданских качеств, формируются эмоционально-волевые качества и способность ребенка к свободному выбору, уважению и пониманию других людей независимо от их социального происхождения, расовой и национальной принадлежности, языка, пола, вероисповедания.

В современных условиях развитие системы дошкольного образования направлено на развитие детей дошкольного возраста, адекватное возрастным особенностям. Это означает, что система дошкольного образования призвана обеспечить для любого ребенка дошкольного возраста тот уровень развития, который позволил бы ему быть успешным при обучении в начальной школе и на последующих ступенях обучения.

Дошкольное образование в обеспечении равных стартовых возможностей детей для обучения в начальной школе рассматривается как необходимая предпосылка общедоступности качественного общего образования. Достижение оптимального уровня развития каждого ребенка дошкольного возраста, который позволит ему быть успешным в школе, – одна из приоритетных задач развития дошкольного образования в Российской Федерации. Ее решение невозможно без гибкой, многофункциональной системы дошкольного образования, обеспечивающей конституционное право каждого гражданина России на общедоступное и бесплатное дошкольное образование.

Для обеспечения каждому ребенку того самого равного старта, который позволит ему успешно обучаться в школе, необходимо решать проблему доступности дошкольного образования путём создания дополнительных дошкольных мест и использования альтернативных форм дошкольного образования.

Во исполнение Указа президента РФ В. В. Путина от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» в части обеспечения к 2016 году доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет в Прохладненском муниципальном районе КБР для ликвидации очередности на зачисление детей в возрасте от 3 до 7 лет в дошкольные учреждения утверждены План мероприятий («дорожная карта»), «Изменения в отраслях социальной сферы Прохладненского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики, направленные на повышение эффективности образования и науки» на 2013–2018 годы.

Для решения проблемы дефицита мест и оптимального использования дошкольной образовательной сети администрацией Прохладненского муниципального района и Управлением образования велась целенаправленная работа по открытию дополнительных групп на базе действующих СПДО и общеобразовательных учреждений.

В течение последних 3-х лет в образовательных учреждениях, реализующих программы дошкольного образования, открыто дополнительно 37 групп с количеством мест – 731.

В 2012 году было открыто дополнительно 170 дошкольных мест, с января 2013 г. по октябрь 2013 г. число дошкольных мест увеличилось на 321.

С 1 сентября 2013 года функционируют дополнительные дошкольные группы на 120 мест в СПДО МКОУ «СОШ с. Дальнего», МКОУ «СОШ № 1 с. Карагач», МКОУ «СОШ с. Красносельского», МКОУ «СОШ с. Янтарного».

С 1 октября в МКОУ «СОШ с. Благовещенка» открыта дошкольная группа на 20 мест, функционирующая в режиме полного дня, и дополнительная дошкольная группа на 20 мест в МКОУ «СОШ ст. Екатериноградской».

С декабря 2014 г. для устранения дефицита мест и сокращения очередности открыты дополнительные дошкольные группы на базе МКОУ «СОШ № 2 с. Карагач» на 160 мест, осуществляется организованный подвоз детей, проживающих на территории ст. Солдатской, и на 60 дополнительных на базе МКОУ «СОШ № 2 с. Алтуд».

В целях развития вариативных форм дошкольного образования в 2013 году были созданы 8 групп кратковременного пребывания с охватом 141 ребенка на базе 7 школ. С 1 сентября 2014 года кратковременные группы продолжали свою работу в меньшем составе. С 1 декабря 2015 г. функционирование групп кратковременного пребывания прекращено.

Отток воспитанников из групп кратковременного пребывания объясняется нежеланием родителей приводить на несколько часов детей в дошкольную группу, а с середины рабочего дня обеспечивать ему присмотр и уход.

В с.п. Прималкинское и ст. Солдатская рассматривалась возможность открытия семейных дошкольных групп общеразвивающей направленности или присмотра и ухода за детьми без реализации основной общеобразовательной программы дошкольного образования, удовлетворяющих потребность в услугах дошкольного образования.

Результаты опроса родителей (законных представителей) и индивидуальных предпринимателей по осуществлению частной образовательной деятельности в сфере дошкольного образования с. Прималкинского показали отсутствие заинтересованности в открытии частного детского сада.

Основной причиной стала высокая затратность на содержание частного детского сада и неспособность родителей оплачивать содержание ребенка в большем размере, чем установлено в целом по району.

По результатам опроса родителей, дети которых не посещают структурные подразделения дошкольных групп МКОУ «СОШ им. П. П. Грицаца ст. Солдатской», по вопросу их готовности воспользоваться различными видами дошкольного образования (коммерческие, семейные детские сады и группы кратковременного пребывания), выявлена неготовность к получению данного вида услуг.

Несмотря на предпринимаемые меры, полная ликвидация дефицита дошкольных мест и обеспечение к 2016 году 100% доступности дошкольного образования для всех детей в возрасте от 3 до 7 лет невозможна без решения вопроса о строительстве зданий детских садов в с.п. Прималкинском и с.п. ст. Солдатской.

**Андрей САЛИКОВ,
Иван САЦУК,**
*учащиеся МКОУ «СОШ с. Прималкинского»
Прохладненского муниципального района КБР*

Гордость земли Прохладненской

Благополучие общества во многом зависит от того, какими качествами обладают его члены, от их характера, чувств, взаимоотношений. В настоящее время остро ощущается необходимость возрождения в обществе духовности и нравственности, а значит, и чувства патриотизма. Знание истории родного края, имен достойных и мудрых земляков помогает молодому поколению вырасти хорошими людьми, любящими свою Родину и свой народ.

Мы живем на улице, улица – в селе, село в республике. Привычные дома, привычные люди, даже названия улиц привычны. А так ли уж всё привычно? Неужели ничего интересного? А многие ли из нас задумывались над вопросами: «Почему улица, на которой я живу, названа так, а не иначе? Почему село имеет такое название, а не другое? Какова история того или иного документа или памятника?» И ещё много-много вопросов возникает при изучении истории родного края.

Воспоминания прошлого заставляют увидеть предостережение для настоящего, заставляют думать о будущем. Кто знает, какие испытания ждут нас впереди, но нам надо найти своё место в жизни, не уходить от трудных проблем, не прятаться за чужие спины, а заслужить звание гражданина великой державы. А к этому надо себя готовить.

В феврале 2014 года исполнилось 25 лет вывода советских войск из Афганистана. Готовясь к этой дате, учащимися МКОУ «СОШ с. Прималкинского» был собран материал о Викторе Бибике, жителе хутора Ново-Покровского, который погиб в Демократической Республике Афганистан.

Виктор Николаевич Бибик родился 30 апреля 1965 года в рабочей семье. Отец, Николай Моисеевич, работал на железной дороге, мать, Валентина Демьяновна – на почте. Витя был вторым ребёнком в семье, у него был старший брат Сергей. В сентябре 1973 года Витя пошел в первый класс начальной школы х. Ново-Покровского Прохладненского района КБР. В школе мальчик учился хорошо, был весёлым и жизнерадостным, любил играть в футбол, помогал родителям по хозяйству. Окончив начальную школу, Виктор продолжил учиться в г. Прохладном, и успешно окончил 8 классов школы № 42. Тяга с сельскохозяйственной технике привела его на механическое отделение Терского сельскохозяйственного техникума в п. Учебный Прохладненского района, которое он окончил в 1984 году.

Проработав два месяца в СУ-12 г. Прохладного, Виктор уходит в армию. Службу проходит в Ашхабаде, в части № 95866, в апреле 1985

года получает военную специальность «наводчик-оператор». В мае его отправляют в Афганистан, где в то время шла необъявленная война.

Война. Какое страшное слово! Сколько бед и слез приносит она вновь и вновь. Еще одна война, которая не жалела молодых ребят.

Афганистан – государство на юго-западе Азии. Дипломатические отношения Афганистана с Советской Россией установлены в 1919 году. 27 апреля 1978 года в Афганистане произошла революция, которая привела к братоубийственной войне. В стране появились партийные активисты, которые запретили совершать утренние молитвы, правочерные не послушались, тогда активисты стали осквернять святые места. И это все в той стране, в которой афганское духовенство имело весьма прочные позиции в народных массах. Его влияние огромно и сейчас. Не случайно, что именно крупное духовенство стало ядром будущей вооруженной оппозиции. В знак протеста мужчины ушли в горы, промышляя грабежами, но чем дальше, тем больше потянулись кровавые следы. Так была развязана гражданская война в Афганистане. Наша страна откликнулась на просьбу правительства Афганистана – в эту страну, измученную кровопролитием, был направлен ограниченный состав Советских войск.

В составе 40-й армии, в отряде особого назначения, Виктор проходит службу в Газни, недалеко от Кабула.

В то время слово «Афганистан» вызывало боль и страх в душе каждого взрослого человека, а в душах матерей и отцов особенно. Они знали, что там война и гибнут люди, поэтому с нетерпением ждали каждого письма из Афганистана. Виктор писал, что всё хорошо, служит, скоро вернётся домой...

Но 3 июня 1986 года он не вернулся из боя. На колонну машин, возвращавшихся после боевого задания, напали душманы, нашим солдатам пришлось вести долгий бой, пока не пришло подкрепление. В живых остались единицы, Виктора среди них не было. Он погиб, подорвавшись на фугасе. Черным, зловещим крылом ударила в окно матери похоронка. Сколько выплакано слез, сколько горя обрушилось на женщину в один миг! «Груз 200» был доставлен родителям. Бибик Виктор похоронен на Ново-Покровском кладбище. Учащиеся нашей школы ухаживают за его могилой.

Много горя, бед и страданий принесли нашему народу годы жестоких сражений в чужом краю. Но и там, в далеком Афганистане, советские воины проявили лучшие человеческие качества: мужество, стойкость, благородство. В неимоверно трудных условиях боевой жизни, вдали от дома, ежечасно подвергаясь опасности, и подчас смертельной, они сохранили верность военной присяге, воинскому и человеческому долгу. За мужество и отвагу, проявленные во время службы в Афганистане, Виктор Бибик награждён орденом Красной Звезды (посмертно).

Постановлением местной администрации с. Прималкинского улица Степная на х. Ново-Покровском была переименована в улицу Библика.

Подвиг воинов-интернационалистов воспет в стихах, песнях и прозе. О Викторе Библике мы можем прочесть в книге «На службе Отечества», которую написал наш земляк Валерий Крушельницкий. Книга с

дарственной надписью была подарена матери Виктора Валентине Демьяновне.

В 2007 году в Москве вышла Книга Памяти, посвящённая воинам-афганцам. По всей стране высятся памятники воинам-афганцам, как память о тех, кто, выполняя интернациональный долг, не вернулся живым домой.

9 мая 1997 года в городе Прохладном был открыт памятник героям-интернационалистам. Шесть именных плит и бронетранспортёр напоминают нам о тех, чья юность оказалась опаленной войной и жарким афганским солнцем.

Верные присяге, убежденные в том, что защищают интересы Родины и оказывают дружественную помощь соседнему народу, они лишь выполняли воинский долг. И наша святая обязанность – хранить память о них как о верных сынах Отечества.

Война давно закончилась, но боль утрат – это живая боль, она на всю оставшуюся жизнь. Смерть близкого, порой единственного человека – это такое страшное потрясение, такой удар, от которого не всем суждено оправиться.

Сражения кончаются, а история вечна. Ушла в историю и афганская война. Но в памяти людской ей еще жить долго, потому что ее история написана кровью солдат и слезами матерей.

Эти ребята не виноваты в том, что попали в Афганистан. Солдат войны не выбирает и не начинает. Но всегда расплачивается самым дорогим, что у него есть, – жизнью за чужие ошибки.

Пожалуй, на земле никогда не наступит такое время, когда слово «солдат» станет ненужным и незнакомым. Войны на нашей планете не прекращаются с древних времен. А путь войны всегда страшен.

На долю защитников Родины всегда выпадали тяжёлые испытания. Так было в далёкие годы Первой мировой войны, революции, гражданской и Великой Отечественной войн, так было в годы необъявленных войн. Кто знает, какие испытания ждут нас впереди, будущих солдат, защитников Родины. Поэтому память о подвигах наших старших товарищей – афганцев, нужна нам всем, чтобы правильно понимать события, происходящие в стране, чтобы суметь найти своё место в жизни.

*О, сколько было подвигов на свете,
Они уже в преданья отошли.
Из уст в уста их повторяют дети
На всех материках большой Земли.
Но из того, о чём мы слышим
И из того, что мы вершим пока,
Солдатский подвиг я считаю высшим
И самым бескорыстным на века.*

От автора

24 октября 2014 года исполнилось 160 лет Балаклавскому сражению, одному из кровопролитных сражений Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. между союзными силами Великобритании, Франции и Турции с одной стороны и Российской – с другой. По разным оценкам, число погибших союзников составило от 400 до 1000 человек, русских – около 600.

В этом сражении принимали участие, наравне с русскими гусарами и уланами, горцы Северо-Западного Кавказа и казаки, проявившие доблесть и отвагу, и вписавшие свои имена в историю Отечества. Многие из них нашли вечный покой на Крымской земле.

Статья напомнит нынешнему поколению о величайших сражениях 19-го века, участниками которых были их великие предки.

Победа в этой войне оставила за Россией Крым, вот так результаты войны 19-го века вновь стали актуальны в 21-м.

ГОРЦЫ И КАЗАКИ В БАЛАКЛАВСКОМ СРАЖЕНИИ

Город и порт Балаклава, расположенный в 15 км к югу от Севастополя, в Крымской (Восточной) войне 1853-1856 гг. являлся базой британского экспедиционного корпуса в Крыму. Удар русских войск у Балаклавы, в случае успеха, мог привести к нарушению снабжения союзников и деблокированию осажденного Севастополя.

Сражение, произошедшее в долинах к северу от Балаклавы, было единственным в Крымской войне, в котором русские войска существенно преобладали в силах.

К 12 (24) октября 1854 г. в местечке Чоргун, на берегу р. Черной, был сформирован Чоргунский отряд под командованием генерал-лейтенанта Липранди П. П., из 12-й и 16-й пехотных дивизий, двух гусарских полков из 6-й легкой кавалерийской дивизии, Сводного маршевого уланского полка, Уральского казачьего № 1 полка, Донского казачьего № 53 полка, Донского казачьего № 60 полка, конно-легкой № 12 батареи, Донской № 3 батареи, роты стрелкового № 6 батальона, пластунского № 2 батальона Черноморского казачьего войска.

Отряд насчитывал 16 пехотных батальонов, 22 эскадрона кавалерии, 8 сотен казаков и 64 артиллерийских орудия (в т.ч. 48 пеших и 16 конных), общей численностью около 16 000 военнослужащих.

Силы союзников, в основном британские, включали две кавалерийские бригады: тяжелая кавалерия бригадного генерала графа Джеймса Скарлетта из 4-го и 5-го гвардейских полков, 1-го, 2-го и 6-го драгунских полков (5 двухэскадронных полков, всего около 800 кавалеристов), расположенная ближе к Балаклаве, и бригада легкой кавалерии генерал-майора графа Джеймса Кардигана, включавшая 4-й,

8-й, 11-й, 13-й гусарские и 17-й уланский полки (5 полков двухэскадронного состава, всего около 700 кавалеристов), занимавшая северные позиции у Федюхиных гор.

Общее командование британской кавалерией осуществлял генерал-майор лорд Джордж Лукан.

В сражении также участвовали французские и турецкие подразделения, но их роль была незначительна. В редутах №№ 1, 2, 3, 4, находилось около одной тысячи турецких пехотинцев и 11 двенадцатифунтовых крепостных пушек, с одним артиллерийским офицером-англичанином в каждом редуте. Количество войск союзников составляло около 4500 человек.

Экспедиционным корпусом британцев командовал генерал-лейтенант лорд Фицрой Раглан, французским – дивизионный генерал Франсуа Канробер, турецким – Сулейман-паша, разжалованный турецким султаном, которого сменил Омер-паша.

Русское командование приняло решение: 13 (25) октября захватить четыре артиллерийских редута, возведенных союзниками в Балаклавской долине, вдоль Воронцовской дороги, у заселенных греками сел Балаклава и Кадыкой, выбить неприятеля из села Комары, после чего атакой двух гусарских полков разгромить артиллерийский парк союзников.

В соответствии с диспозицией русские войска должны были двинуться двумя колоннами. Правая (главная) колонна, под начальством генерал-майора Семякина К. Р., командира 1-й бригады 12-й пехотной дивизии, в составе 16 ½ батальонов, 22-х эскадронов кавалерии и 2-х казачьих полков, с 52-мя артиллерийскими орудиями, направлялась к с. Кадыкой, с задачей захватить редуты №№ 1, 2, 3.

Левая, под командованием генерал-майора Гриббе Н. К., командира Днепровского пехотного полка, в составе 5 батальонов, 6 эскадронов кавалерии и одной сотни казаков, с 10-ю артиллерийскими орудиями, направлялась через Байдарскую долину к с. Комары для обеспечения безопасности левого фланга колонны генерала Семякина.

Генерал-майор Жабокритский И. П., командир 1-й бригады 16-й пехотной дивизии, с отрядом в 7 ½ батальонов, 2-х эскадронов Ингерманландского полка и 2-х сотен Донского № 60 полка, пластунским батальоном Черноморского казачьего войска, выступил из окрестно-

Генерал-адъютант князь Меншиков А. С., главнокомандующий русскими войсками на Крымском полуострове в Крымскую (Восточную) войну 1853-1856 гг.

стей Инкермана, прикрывая правый фланг отряда генерала Семякина.

13 октября, в 7 час. 30 мин., после мощного артобстрела всех четырех редутов, по приказу генерала Семякина Азовский пехотный полк Криднера П. А., под музыку и барабанный бой, атаковал редут № 1 с тремя двенадцатифунтовыми крепостными орудиями, который защищал батальон турецкой пехоты во главе с английским офицером-артиллеристом. Русские офицеры были впереди, подавая пример неустрашимости. Артиллерийский и штуцерный огонь противника не поколебал их атаки, и редут был захвачен, а трофеями победителей стали неприятельский лагерь и значок (знамя), три артиллерийских орудия и 170 убитых турецких пехотинцев. Генерал Семякин, находившийся в первых рядах, был сильно контужен ядром в висок.

Редут № 2, защищаемый полубатальоном турецкой пехоты при двух двенадцатифунтовых крепостных орудиях, штурмовал 4-й батальон Днепровского полка, а редут № 3 с полубатальоном турецкой пехоты при трех орудиях – Украинский полк, во главе с командиром 2-й бригады 12-го пехотного полка генерал-майором Левуцким Ф. Г.

Турки, занимавшие эти редуты и наблюдавшие штурм редута № 1, спешно отступили к позициям 93-го Шотландского полка.

Полковник Скюреди А. П., герой, храбрый из храбрых, во главе Одесского егерского полка стремительной атакой овладел редутом № 4. Смертельно раненый, умирая, он произнес последнюю просьбу: наградить четверых вынесших его с поля боя солдат знаком отличия военного ордена «Святого Георгия».

Захват с. Комары героически провел Днепровский пехотный полк, попавший под артиллерийский огонь. В этом бою, прямым попаданием осколка в голову, был убит капитан Джебко Яков.

В начале сражения 93-й Шотландский пехотный полк, состоявший из горцев Аргайла и Сазерленда, численностью 650 воинов, под командованием полковника Колина Кэмпбелла, занял позиции перед с. Кадыкой, на главном пути наступления русских войск. Турецкие батальоны, бежавшие с захваченных редутов, присоединились к ним, а на левом фланге расположилась кавалерийская дивизия генерала Лукана.

Начальник кавалерии русского отряда генерал-лейтенант Рыжов И. И. получил приказ атаковать парк артиллерийских орудий силами гусарской бригады (14 эскадронов): гусарского Его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича полка под командованием генерал-майора Халецкого А. И. и гусарского гросс-герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка под командованием генерал-майора Бутовича А. А. Бригаде были приданы Уральский казачий № 1 полк (6 сотен) под командованием подполковника Хорошкина П. Б., три сотни Донского казачьего № 53 полка полковника Александрова А. А., конно-легкая № 12 батарея и казачья № 3 батарея.

Направив часть казаков вперед, в авангард, Рыжов с гусарами выдвинулся на исходную для атаки позицию. Казаки Донского и Уральского полков, находясь в составе бригады гусар, но оставаясь в подчинении генерала Липранди П. П. и действуя без приказа Рыжова

И. И., попытались окружить полк шотландских горцев с обоих флангов. Стоявшие на флангах турки отступили, но артиллерия обстреляла казаков картечью, а шотландские стрелки подпустили их на оружейный выстрел и произвели с господствующих высот три залпа: с 800, 500 и 350 ярдов.

Чтобы перекрыть широкий фронт атаки казаков, полковник Колин Кэмпбелл построил полк в две шеренги, вместо предусмотренных уставом четырех. Приказ Кэмпбелла и ответ его адъютанта Джона Скотта вошли в военную историю британцев: «Приказа к отходу не будет, парни. Вы должны умереть там, где стоите...», и ответ: «Есть, сэра Колин. Если понадобится, мы это сделаем». Газета «Таймс» описала действия полка в этот момент, как «тонкую красную линию, ощетилившуюся сталью...» (93-й Шотландский полк был в красных мундирах). Со временем это выражение перешло в устойчивый оборот – «тонкая красная линия», обозначающий оборону из последних сил.

Казаки были опрокинуты, но снова бросились в безуспешную атаку и в начинавшейся схватке русских гусар с кавалерией Дж. Скарлетта участия не принимали. Перекрестный огонь артиллерии и штуцерников с укрепленных позиций не остановил гусар, вдохновляемых генералом Рыжовым И. И. Он со своей обычной неустрашимостью и хладнокровием несся впереди кавалерии, как когда-то генерал Мюрат, не вынимая сабли. Уже при приближении гусары увидели, что атакуют не артиллерийский парк, а бригаду английской тяжелой кавалерии, готовую к бою.

Хибберт Кристофер, британский историк Крымской войны, писал, что «...лейтенант Эллиот... увидел ряд всадников с торчащими вверх наконечниками пик. Он доложил об этом Скарлетту, который вначале не мог поверить, что перед ним русские... Русские начали спускаться с южного склона, однако при виде шотландских конных гвардейцев, которые неторопливо, как на параде, перестраивались, остановились... Русские выглядели абсолютно уверенными в себе. Английская кавалерия никогда прежде не осмеливалась бросить им вызов...» [1].

Между атакующими гусарами и англичанами виднелись кавалерийский бивак, коновязи и сервированные к приему пищи столы, которые штабом Липранди П. П. были приняты за артиллерийский парк. Наступающую кавалерийскую лаву уже невозможно было остановить,

Генерал-лейтенант Липранди П. П., заместитель главнокомандующего русскими войсками в Крыму, руководитель Балаклавского сражения, командир 12 пехотной дивизии

и генерал Халецкий А. И. приказал гусарам разворачиваться для атаки. В первой линии выстроился гусарский гросс-герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландский) полк, имея шесть развернутых эскадронов и по 4 орудия по флангам. Во второй линии, развернутые в колонны к атаке, выстроились гусары Его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича полка. Бригада тяжелой кавалерии Дж. Скарлетта – в составе 1-го королевского драгунского полка, 2-го королевского Северо-Британского драгунского полка (или т.н. шотландские серые), 6-го Иннискиллингского драгунского полка – двинулась им навстречу.

Накануне боя Дж. Скарлетт усилил свою кавалерию двумя гвардейскими полками: 4-м королевским Ирландским гвардейским драгунским полком и 5-м принцессы Шарлотты Уэльской гвардейским драгунским полком. Они окружили наших гусар с обоих флангов, и началась кавалерийская схватка, короткая, но крайне жестокая и кровавая.

Участник боя, поручик гусарского Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка Арбузов Е. Ф. вспоминал, что, «...развернув фронт почти под самым носом англичан... гусары лихо бросились в атаку ... и ... надели на англичан, и ... начался рукопашный бой. Ни мы, ни англичане не хотели уступать... В общей схватке, продолжавшейся минут восемь или десять, наши гусары вцепились... в англичан. Наконец, последние повернули назад. Мы бросились за ними, но были возвращены генералом Рыжовым и пошли обратно к своему отряду...» [2].

В первых рядах в смертоносной гуще боя оказался и генерал-майор Халецкий А. И., командир гусарского Его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича полка, в связи с болезнью генерал-майора Величко А. А. исполнявший обязанности командира бригады. Застрелив из пистолета английского драгуна, генерал принялся рубить остальных, но, заметив генерала, драгуны налетели на него. Ему разрубили ухо, ранили в шею, а следующий удар выбил саблю из его рук, но ординарец, вахмистр Пивенко Карп, прикрыл его, отразил несколько ударов и отдал Халецкому свою саблю. Спрыгнув с коня, Пивенко подхватил с земли саблю генерала и, снова вскочив на коня, отразил несколько ударов, направленных в спину генералу. В схватке лошадь под генералом Рыжовым И. И. была убита, а самоотверженный гусар, унтер-офицер Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка Захаров Афанасий, уступив свою, спас генерала от неминуемого плена.

Храбрый ротмистр Хитрово Семен, командир эскадрона Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка, раненный пулей и несколькими сабельными ударами и окруженный неприятелем, дрался отчаянно. Уже спешенный, ротмистр продолжал бой, пока не пал под сабельными ударами. Гусары бросились на выручку командира, но было уже поздно...

В ходе боя ротмистр гусарского Его Императорского Высочества Николая Максимилиановича полка Абуков Беслан был ранен в голову

и ногу и сбит с коня. Оказавшись на земле, мужественный гусар продолжал сражаться, но, получив многочисленные сабельные ранения и потеряв сознание, остался на поле боя, занимаемое врагом, так же, как и ротмистр Хитрово Семен и ещё 25 нижних чинов двух гусарских полков.

Полковник Декинлейн Михаил, командир дивизиона Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка, обрызганный кровью и мозгом убитого рядом полкового трубача Сорочинца, пустив во весь дух своего коня, лихо врзался в неприятельские ряды. Он был необычайно силен, и в глазах всего дивизиона сразу прочистил себе дорогу в неприятельском фронте...

Ротмистр Марин Петр, командир эскадрона, был опрокинут вместе с лошадью, получил три сабельные раны в голову, но снова сел на лошадь и сражался до конца битвы.

Поручик Хамзаев, черкес, во главе гусар своего взвода врубился в ряды англичан, сбил сабельными ударами нескольких драгун с лошадей, но и сам получил тяжелые сабельные раны лица, однако, истекая кровью, продолжил бой.

В начале атаки лошадь под унтер-офицером Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка Самощенко была убита, ему удалось поймать лошадь убитого английского драгуна и верхом на ней продолжить сражаться. Этот факт показывает, насколько отчаянной и продолжительной была атака русских гусар.

Генералы Рыжов И. И. и Бутович А. А. докладывали командиру отряда генерал-лейтенанту Липранди П. П., что в кавалерийской схватке отличились также старший адъютант 12-й пехотной дивизии поручик Ставицкий А. М., раненый осколком гранаты и сабельным ударом сброшенный с коня. Он был подобран на поле боя и направлен

Ричард Вудвилль. Атака лёгкой бригады генерала Кардигана

в лазарет, а корнет Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка Белявский Г. И., раненый и сброшенный с коня, захвачен в плен.

По свидетельствам очевидцев, сражение длилось всего около семи-десяти минут, для кавалерийского боя это очень много.

Считая приказ выполненным и видя, что к месту схватки спешат две пехотные дивизии англичан, генерал Рыжов И. И. дал команду к отходу, и гусары в маршевом порядке двинулись в тыл своей пехоты, а их место заняли уральские казаки.

Генералу Рыжову И. И. удалось часть бригады Дж. Скарлетта, пытавшуюся преследовать гусар, тактическим маневром ввести в зону обстрела батареей генерала Левуцкого Ф. Г. и полковника Скюреди А. П., развернувших орудия между захваченными утром редутами № 2 и № 3, и картечью рассеять ряды англичан и заставить отступить.

Бригада генерала Дж. Скарлетта также отошла на левый фланг 93-го Шотландского полка, а подоспевшая им на помощь с Ингерманских высот конная шестиорудийная батарея капитана Брайдинга, развернувшись у редута № 3, открыла огонь в спины русских гусар, и их 49 выстрелов картечью нанесли катастрофический урон.

По маршруту отступления двух гусарских полков остались лежать убитыми и ранеными более 200 кавалеристов, одним из первых убитых был корнет Горелов Константин.

Всего потери гусарского Его Императорского Высочества Николая Максимилиановича полка убитыми составили 18 штабс- и обер-офицеров и 122 нижних чина; Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка – 12 штабс- и обер-офицеров, в том числе полковник Фон-Фохт Ф. Б., майор Всеволожский и его сын, корнет Всеволожский, ротмистр граф Стибор-Мархотский, ротмистр Путята, корнеты Штерн и Веселовский В. П., поручик Ставицкий А. М. и 105 нижних чинов.

Поручик Арбузов Е. Ф. указывает, что «...при отступлении нас вновь стали осыпать неприятельские снаряды, и ряды эскадрона с каждым шагом становились все реже... Когда же мы вышли из-под огня, мой лейб-эскадрон превратился в полужэскадрон. В нем оказалось лишь по 5 и 6 рядов во взводе, а в дело пошли по 12... Почти все офицеры пяти эскадронов... бывших в деле, были ранены; особенно тяжелые раны получили командиры эскадронов: 1-го – корнет Матвеевский Н. А., 2-го – корнет Свечин В. К., 3-го – корнет Марин П. П., 4-го – поручик Алещенко Д. И., и взводные командиры: поручик черкес Хамзаев и корнет Белявский Г. И. ...Корнет Матвеевский Н. А. получил тяжелую рану... с расколом кости глазной орбиты. Корнет Свечин В. К. был сильно контужен в грудь... у Алещенко и Белявского во многих местах была изрублена голова, а Хамзаев получил несколько сабельных ударов в лицо... Смертельно раненый ротмистр Хитрово С. В. после сражения был поднят англичанами и отправлен на пароход, где находился вместе с захваченным в плен ротмистром гусарского полка Абукувым...» [3].

Генерал Рыжов И. И. писал: «...Я прослужил 42 года, сделал 10 кампаний, был во многих великих, например, Кульм, Лейпциг, Па-

риж и других сражениях, но никогда не видел кавалерийской атаки, в которой обе стороны с равным ожесточением, стойкостью и, можно сказать, упорством, рубились на месте такое продолжительное время, да и в военной истории кавалерийских атак немного встретишь таких примеров... Атака эта самыми недоброжелательными для нас людьми не может быть названа иначе, как самую смелою, решительною, образцовою...» [4].

Поручик Арбузов отмечает, что «...атака наша... должна быть причислена к числу замечательнейших кавалерийских дел и что наши гусары в борьбе с неприятелем честно исполнили свой долг...» [5].

Впервые в энциклопедическом издании по военной истории упоминание об успехе атаки русских гусар на английскую тяжелую кавалерийскую бригаду встречается только в начале 20-го века – в «Военной энциклопедии» издательства Сытина И. Д.: «...1-я линия пронеслась через бивак английской кавалерии и ударила на кавалерию бригады Скарлетта, и после рукопашного боя заставила ее отступить...».

Император и командование высоко оценили доблесть, проявленную 12-й пехотной дивизией и гусарской бригадой в этом сражении. Как сказано в приказе, «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в деле 13 октября 1854 г. при занятии неприятельских редутов на высотах, образующих Кадыкойкскую долину, где, командуя 1-й бригадой 12-й пехотной дивизии, лично вел на штурм Азовский пехотный полк, генерал-майор Семякин К. Р. награжден императором Николаем I орденом «Святого Георгия» 3-й степени». Двое сыновей генерала Семякина, Константин, 18-ти лет, и Роман, 16-ти лет, проявившие в этих боях отвагу и самоотверженность, были награждены знаками отличия военного ордена «Святого Георгия».

Командир Саксен-Веймарского (Ингерманландского) гусарского полка генерал-майор Бутович А. А. удостоен монаршего благоволе-

Элизабет Тоон-Батлер. Возвращение после атаки уцелевших кавалеристов легкой бригады Кардигана

ния, а из 29 офицеров полка 12 были награждены орденами или произведены в следующий чин; знаком отличия военного ордена «Святого Георгия» были награждены: старшие вахмистры Фомин Никифор и Козаков Иван, вахмистр Пивенко Карп, унтер-офицеры Захаров Афанасий, Боглевский Павел, Шевцов Максим, рядовые Малюшка Иван, Бельский Максим, Куликевич Игнат, Шкарупа Прокопий, а унтер-офицер Наумов Николай произведен в офицерский чин корнета.

Генерал-лейтенант Раглан, наблюдавший за боем, решил бросить на русских всю кавалерию, разбить их, занять их позиции и отбить увозимые ими английские пушки. Он направил генералу Дж. Лукану письменный приказ: «...Лорд Раглан поручает выдвинуться вперед, препятствовать неприятелю увозить орудия с редутов и атаковать русскую кавалерию. Возьмите... конную батарею. Вас слева поддержат африканские егеря...».

Получив приказ, лорд Дж. Лукан поставил задачу генералу Кардигану – атаковать позиции русских кавалерийской бригадой. Граф Джеймс Кардиган построил свои полки в две линии: на правом фланге – 13-й легкий драгунский полк, в центре – 17-й уланский полк, слева – 11-й гусарский полк.

Во второй линии расположились 4-й драгунский и 8-й гусарский полки. Дж. Кардиган в 11 час. 20 мин. лично возглавил атаку в трех линиях своих 673 отборнейших кавалеристов, поражавших великолепием и красотой конного состава, по трехкилометровой долине, под убийственным перекрестным огнем артиллерии и пехоты русских, находившихся на возвышенностях вдоль всей долины. А справа от них, также выстроенная в три линии, наступала бригада тяжелой кавалерии Дж. Скарлетта, возглавляемая самим генералом Луканом.

Французский генерал Пьер Боске, наблюдавший эту атаку, протестуя против такой храбрости, сказал: «Это великолепно, но так не воюют... Это было безумством».

В конце Северной долины сосредоточились эскадроны русской кавалерии с 12-ю артиллерийскими орудиями, отступившие за позиции своей пехоты после боя с кавалерией Дж. Скарлетта. На флангах расположились три свежих эскадрона Сводного маршевого уланского полка. Вдоль Федюхиных высот стояли еще 4 русских кавалерийских эскадрона, 8 пехотных батальонов и 14 орудий. А напротив, через долину, у Верхнего прохода, находились еще 11 русских батальонов и артиллерия с 32-мя орудиями, ранее штурмовавшие турецкие позиции в редутах. Только сумасшедший мог решиться идти в наступление в таких условиях.

Как только русские увидели наступающую кавалерию англичан, Одесский егерский полк отошел к редуту № 2 и построился в каре, а вооруженные штуцерами стрелковые батальоны, совместно с батареями на Федюхиных и Балаклавских высотах, открыли перекрестный огонь, однако кавалерия Кардигана продолжала наступление

Кавалерия Дж. Скарлетта, под командованием лорда Лукана, также находилась под обстрелом орудий, и он был ранен в ногу, а его пле-

мянник и ординарец капитан Чартерис был убит. Не выдержав сильного огня, генерал Лукан приказал бригаде Дж. Скарлетта отступить на исходные позиции. Продолжавшая атаку конница Кардигана стала главным объектом русских стрелков и артиллеристов. Около 12 час. 20 мин. англичане достигли позиции тяжелой Донской батареи из шести орудий. Батарее удалось дать заключительный залп картечью в упор, но это уже не остановило английскую кавалерию. Из первой линии атакующих к русским позициям удалось прорваться не более 50 уланам 17-го английского полка капитана Морриса, и начался короткий и жестокий бой.

Клубы пыли и дыма скрывали силы атакующих, и Уральский казачий № 1 полк, стоявший в качестве прикрытия позиции артиллеристов в 40 метрах от батареи, дрогнул и стал отступать, сменяя стоявшие за ним два гусарских полка под командованием полковника Войниловича И. Ф., назначенного вместо раненого генерала Халецкого А. И. Часть гусар (унтер-офицер Зарудин и др. офицеры), во главе с Войниловичем И. Ф., бросились на англичан, и заместителю командира бригады полковнику Мэйю Ч. Ш. удалось отразить этот удар, при этом храбрый Войнилович был сражен двумя выстрелами в грудь. Казаки, смешавшись с гусарами и легкой конной батареей и остатками прислуги тяжелой Донской батареи, отступали к Чоргунскому мосту.

Участник сражения поручик Сводного маршевого уланского полка Корибут-Кубитович, ожидавший со своим эскадром приказа на атаку, вспоминал, что «...англичан ничто не могло остановить: ни картечь, вырывавшая целые ряды солдат, ни пули... Казаки... видя стройного неприятеля, несущегося на них, не выдержали, повернули налево... смяли веймарцев, прикрывавших артиллерию... Расстроенные веймарцы бросились назад, смяли лейхтенбергцев, и вся наша кавалерийская линия начала отступать... Храбрые офицеры старались

Роберт Гиббс. Позиция 93-го Шотландского полка (газета «Таймс» назвала их «тонкой красной линией, оцетинившейся сталью...») перед атакующими Уральским казачьим № 1 и Донским казачьим № 53 полками

остановить солдат, но тщетно... Некоторые из офицеров бросились было вперед, но заплатились за свою отвагу жизнью. В числе прочих погиб... храбрый полковник Войнилович. Генерал-лейтенант Рыжов отступал одним из последних. Он искал смерти, зная, что ответственность... падет на него. Конечно, не в недостатке мужества можно было обвинить доблестного воина. Единственное, что может поставлено ему в вину, это ошибочное расположение казаков, которых он поставил в первой линии... Мы же надеялись на скорую встречу с неприятелем... и отомстить за прежние наши неудачи. Особенное желание имели все схватиться с английской кавалерией, столь известной своими бешеными атаками и хладнокровной рубкой...» [6].

Генерал Липранди П. П., руководивший боем, приказал Сводному маршевому уланскому полку, располагавшемуся между редутами № 2 и 3, атаковать английских кавалеристов. Командир дивизиона майор Тиньков О. Т., остававшийся за командира полка Еропкина А. А., находившегося при штабе Липранди П. П., развернул полк и повел в атаку.

1-й эскадрон под командованием ротмистра Вержбицкого, 2-й – поручика Корибут-Кубитовича, 3-й – майора Лаврениуса, врубались в ряды отступавшей бригады Кардигана, и началась отчаянная рубка, в которой принимали участие перегруппировавшиеся полки гусарской бригады генерала Рыжова И. И. и казаки Донского казачьего № 53 полка.

Английская легкая кавалерия была почти полностью уничтожена, а оставшаяся часть, преследуемая русскими кавалеристами и казаками, смогла уйти в сторону редута № 4, к позициям пехоты союзников.

Хибберт Кристофер писал, что «...английские кавалеристы, преследуемые русскими уланами, мчались по долине назад со скоростью, на которую были способны их измученные лошади. Солдаты легкой бригады Кардигана представляли собой жалкое зрелище. Их великолепные мундиры были изорваны и перепачканы кровью. ...И это были самые удачливые, другие пришли пешком. Некоторые вели в поводу хромящих, истекающих кровью лошадей. Земля была покрыта телами погибших и умирающих...» [7].

Но в это время русские уланы столкнулись с отступавшими частями 8-го гусарского полка подполковника П. Дж. Шуэлла, большая часть которых в короткой схватке была уничтожена. Догонявшие свой полк подполковник Еропкин А. А. и его ординарец Муха Денис были атакованы тремя английскими гусарами, но все трое легли под сабельными ударами, после чего Еропкин возглавил свой уланский полк.

Граф Кардиган, утратив руководство бригадой, неожиданно столкнулся с казаками во главе с генералом князем Радзивилом Л. Л., с которыми они познакомились на одном из приемов в Лондоне. Радзивилл приказал захватить генерала живым, и казаки окружили его и стали подталкивать пиками к русским позициям. Завязалась короткая борьба, но Кардигану удалось вырваться, получив рану бедра казацкой пикой, и ускользнуть на исходную позицию.

Генерал-лейтенант Раглан, ставший свидетелем полного уничто-

жения своей кавалерии, чтобы сколько-нибудь облегчить ее гибельное отступление, выдвинул четыре полевых орудия на высоту скрытого русскими редута № 4, но они были встречены огнем батареи дивизиона № 4 и едва могли держаться. Тогда французский генерал Франсуа Канробер приказал генералу д'Аллонвилю атаковать 4-м полком бригады Африканских конных егерей (французские зуавы) батареи Жабокритского И. А., осыпавших картечью отступавшую кавалерию Кардигана.

Полк атаковал в два эшелона: первый, под начальством командира дивизиона Абделала, должен был захватить батарею Жабокритского на Федюхиных горах, а второй эшелон, под командованием д'Аллонвиля, ударить по двум батальонам прикрытия.

В поддержку егерей были двинуты пехотные бригады английских генералов Эспинаса, Каткарта и герцога Кембриджского. Конные егеря 4-го полка стремительно атаковали позиции русских артиллеристов, но храбрые батальоны Владимирского полка и пластунского № 2 батальона Черноморского казачьего войска, предводимые самим генералом Жабокритским, отважно бросились в штыки и опрокинули французских егерей к Сапун-горе.

Казачьи-пластуны отряда Жабокритского, действуя в пешем рассыпном строю, при приближении французских кавалеристов падали ничком на землю, уклоняясь от сабельных ударов, а когда всадник проскакивал мимо, стреляли ему в спину. Урядник этого батальона Абдрахманов Ахмед, возглавляя своих пластун, уничтожил нескольких и пленил двух французских егерей. За отличие в этом бою и успешно проведенную накануне разведку с захватом французского офицера, приказом по Черноморскому казачьему войску Абдрахманов награжден знаком отличия военного ордена «Святого Георгия» и произведен в офицерский чин хорунжего.

Атака д'Аллонвиля оправдала себя, обстрел русскими конницы Кардигана ослаб, дав возможность отойти к позициям своей пехоты.

По воспоминаниям поручика Арбузова Е. Ф., «...во второй стычке с африканскими егерями 40 человек ... были взяты в плен, из которых до 30-ти были сильно ранены. На другой день... к нам приехал парламентар, капитан Бон, который привез пленным деньги, белье и платье...» [8].

Одновременно с атакой уланского полка по опушкам кустарника и виноградника были сосредоточены две роты стрелкового батальона и легкая № 7 батарея капитана Божнева, которые своим огнем завершили уничтожение спасавшихся бегством кавалеристов.

Потери бригады генерала Кардигана составили 102 убитых (в т.ч. 9 офицеров), 129 раненых (11 офицеров), и 58 (2 офицера) захваченных в плен, и как указывали очевидцы, легкая кавалерия англичан перестала существовать.

Со стороны союзников погибло более 740 человек, в том числе 547 англичан, 170 турок, 23 француза, и ранено около 300 турок.

Потери русских составили свыше 600 человек (из них 250 гусар), в том числе убитыми – 232 (в том числе 6 офицера); из 300 раненых

были 2 генерала и 20 офицеров.

К концу боя противоборствующие стороны остались на своих утренних позициях. В результате сражения русские захватили позиции на Воронцовой гряде, господствовавшей над дорогой Балаклава–Севастополь, турецкий значок (знамя) из редута № 1, 11 артиллерийских орудий, 60 ящиков патронов, турецкий лагерь и 60 пленных англичан, а также все вражеские редуты, разгромили кавалерийскую бригаду генерала Кардигана, заставили противника выделить дополнительные силы для охраны тыла и, главное, отказаться от намечавшегося штурма Севастополя.

Интересно сложилась судьба участника Балаклавского сражения гусара Его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича полка, ротмистра Абукова Беслана, который родился в 1828 г. в Черкесии, в семье дворянина, полковника Российской армии Абукова Атажуко Муссовича, награжденного за боевые заслуги орденом «Святого Станислава» 3-й степени и золотой медалью с надписью «За храбрость».

В одиннадцатилетнем возрасте, в 1839 году, Беслан, вместе с сыном адыгского просветителя Ногмова Шоры, Ерустаном, воспитывался в Петербургском Павловском кадетском корпусе.

С детства великолепно владевший холодным и огнестрельным оружием и искусством наездничества, в кадетском корпусе он проявлял усердие в изучении русской грамоты и воинского искусства. Закончив в 1846 году обучение, произведен в офицерский чин корнета и, как один из лучших выпускников, 12.08.1846 года был зачислен в элитный гусарский Киевский Его Императорского Высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергского полк. 26-ти летний гусар Абуков в составе полка с 1854 года принимал участие в Крымской (Восточной) войне в боях на реке Кача и Альмском сражении.

В Балаклавском сражении 13 (25) октября 1854 года, в бою с английской кавалерией, проявил выдающееся мужество, самоотверженно увлекая своих гусар в бой. Получив тяжелые ранения в голову и ногу, в бессознательном состоянии трое суток находился среди убитых на поле боя, на территории, занимаемой неприятелем, и был обнаружен английским офицером.

В этом же сражении принимал участие и его земляк, ротмистр гусарского Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка Аджиев Зураб, награжденный за отличие орденом «Святого Станислава».

В конце октября англичане всех русских, подобранных ранеными на поле боя: ротмистров Абукова Беслана и Хитрово Семена, корнета Белявского Григория и других, разместили на санитарном пароходе и отправили в Турцию.

В пути следования ротмистр Хитрово, перенося с необыкновенным мужеством страдания от ран, через несколько часов скончался на борту судна. Ротмистр Абуков разделил с храбрым гусаром последние часы жизни.

Военнопленные раненые русские содержались в госпитале союз-

ников в турецком городе Скутари.

14.12.1854 года ротмистр Абуков был исключен из списков полка, как убитый в сражении, хотя он в это время содержался в военном госпитале союзников. В июле 1855 года, в порядке обмена военнопленными, Абуков возвращен в Россию и 31.08.1857 года произведен в чин майора по армейской кавалерии и отправлен в отставку «...в связи с расстроенным здоровьем, с правом ношения военного мундира и пенсией полного оклада...».

За мужество и храбрость, проявленные в Балаклавском сражении, майор Абуков награжден орденом «Святого Владимира» 4-й степени с мечами и бантом и медалью на Андреевской ленте «В память Восточной войны 1853-1856 гг.».

Вместе с отцом, младшим братом Каспотом, офицером, награжденным двумя знаками отличия военного ордена «Святого Георгия», проживал в Кабарде. В 1861 году переселился в Турцию, но затем вернулся в Кабарду и проживал в усадьбе отца, полученной по наследству.

Подвиг и личность русского гусара Абукова описаны в нескольких исторических повествованиях и явились прообразом героя Балаклавского сражения поручика Обухова.

Примечания

1. *Хибберт Кристофер*. «Крымская кампания 1854-1855 гг. Трагедия лорда Раглана», стр. 77-79.

2. *Арбузов Е. Ф.* «Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 гг.». Военный сборник. № 4, стр. 389-410, 1874 г.

3. Там же, стр. 400-408.

4. «О сражении под Балаклавой». Записка генерал-лейтенанта Рыжова И. И. Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя, выпуск 4, стр. 30-40, С.-Пб., 1872 г.

5. *Арбузов Е. Ф.* «Воспоминания о кампании на Крымском полуострове...», стр. 410-412.

6. *Корибут-Кубитович*. «Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.», Военный сборник. № 5, стр. 147-166, 1859 г.

7. *Хибберт Кристофер*. «Крымская кампания 1854-1855 гг. Трагедия лорда Раглана», стр. 80,81.

8. *Арбузов Е. Ф.* «Воспоминания о кампании на Крымском полуострове...». Военный сборник № 4, стр. 394-399, 1874 г.

Современные тенденции взаимодействия природы, общества, экономики, и их последствия

К середине XIX в. численность населения Земли вышла на рубеж одного миллиарда, а в начале XXI в., то есть за полтора последних века, население Земли достигло семь миллиардов человек, или выросло за этот период на шесть миллиардов.

Соответственно, за последние полтора столетия темпы потребления за счёт интенсификации использования природных ресурсов резко возросли. В производство было вовлечено столько ресурсов, сколько за все века существования человечества. Сегодня на одного землянина в среднем за год добывается 20 тонн сырья (только из недр Земли ежегодно извлекается 50 кубических километров ископаемых пород, что составляет свыше 100 млрд. тонн), которые с использованием энергетической мощности в 2500 Вт и 800 тонн воды преобразуется в 2 тонны конечного продукта, из которого 50 % выбрасывается сразу, а остальное идёт в отложенные отходы [1].

Безудержный рост производства и потребления в мире, особенно в развитых странах «золотого миллиарда», ведёт не только к увеличению разрыва в потреблении с развивающимися бедными странами, но и к негативным социально-экономическим и экологическим последствиям. Конечно, потребление является одной из важных форм развития человека. Оно вносит свой вклад в развитие человеческого потенциала, если содействует расширению возможностей и обогащению жизни людей без каких-либо отрицательных последствий для благосостояния других. Но это условие для богатых стран не соблюдается, так как их потребление часто идёт за счёт бедных стран, положение которых при этом ухудшается. Дальнейшее расширение масштабов потребления может стать деструктивным, усугубить нищету, истощить ресурсную базу окружающей среды и обострить неравенство.

Таким образом, обострение демографических проблем, порождаемые взрывным ростом населения планеты, приводит к резкому увеличению нагрузки на окружающую среду благодаря увеличению потребностей людей в продовольствии, энергии, жилье, промышленных товаров и т.д. В свою очередь, экологические проблемы опустынивания, облесения, вызывающие деградацию и гибель сельскохозяйственных земель, приводят к обострению мировой продовольственной проблемы [2].

Какая же роль отводится рыночной экономике в процессах общественного развития? Один из основателей классической политэкономии Адам Смит считал, что человек, отстаивая свои эгоистические интересы и преследуя собственную выгоду, будет способствовать наилучшим образом общему благу, так как «невидимая рука» свободной игры рыночных сил сама собой ведёт к экономическому равновесию,

справедливому распределению и хозяйственной гармонии. Он предполагал, что именно в силу присущего человеку эгоизма люди более склонны к благоразумию и бережливости, чем к расточительности, и что поэтому на мотивы личного интереса можно положиться, не опасаясь нежелательного ущерба для общества. Он связывал это с ограничениями для поведения людей, налагаемыми как законами, так и религией, обычаями, образованием и общественным мнением.

Возможно, А. Смит был прав для того уровня знаний и того времени, когда можно было положиться на морально-нравственные и духовные качества человека. Выдвижение на первый план индивида как автономной личности, как «экономического человека», поведение которого подчинено принципу утилитарной рациональности – калькуляции выгоды и издержек, максимизации первой и минимизации вторых. Этот взгляд присущ экономическому либерализму (неолиберализму), который исходит из той посылки, что общее благо представляет собой сумму индивидуальных предпочтений частных лиц, поэтому, как утверждал, например, Фридрих фон Хайек, общества как такового не существует, есть только индивиды [3].

Но есть и принципиально иной подход, основанный на представлении об обществе как такой реальности, где экономические отношения включены в социальные (а не наоборот). В русле этого подхода формировался и марксизм как теория общественного процесса. Согласно марксистскому взгляду, индивид ведёт себя под одновременным воздействием факторов общественного и субъективного характера, то есть индивидуальное выводится из общественного, а не наоборот. Ведь «общество, – писал К. Маркс, – не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [4].

Из этого определения следует, что общественные потребности не могут быть найдены и простым суммированием индивидуальных потребностей, хотя не могут формироваться в отрыве и независимо от индивидуальных.

Крупнейшим представителем этого подхода к изучению экономических явлений и экономической истории был Макс Вебер. Из признания реальности общества следует, что общественные процессы не сводятся к взаимодействию индивидов (всегда ограниченному пространством и временем), что существует сложная ткань отношений между человеком и обществом как системным целым.

Справедливости ради следует отметить, «что реальности современного рынка так же далеки от идеала рынка А. Смита, как и практика «реального социализма» – от коммунистического идеала К. Маркса. Развитие рынка «вширь и вглубь» всё больше подвергало эрозии унаследованные от докапиталистической эпохи моральные издержки (такая перспектива тревожила уже Смита). Это получило отражение в экономической теории: реальный либерализм неоконсервативного толка отделяет экономику от морали. Экономическая деятельность, с его точки зрения, не имеет отношения к социальной справедливости» [3]. Об

этом свидетельствует то, что, расширяя выбор рыночных благ (часто избыточных), рынок ограничивает свободу выбора нерыночных благ – таких, как здоровье, личная безопасность, чистый воздух, чистая вода, нетронутая природа. В рыночной системе координат экологические и социальные издержки – это лишь неизбежные «побочные эффекты», которые могут не учитываться в стоимости товаров и услуг. Рыночные стимулы сами по себе не ориентируют на инвестиции в будущие социальные активы – в здоровье и образование граждан, в сбережение природных ресурсов и защиту окружающей среды, то есть в то, что касается коллективных потребностей. Социальная несправедливость рынка проявляется также в том, что возможности участников рыночных сделок в силу различий в их социальном положении неодинаковы. Индивидуальное продвижение является уделом лишь меньшинства – собственников, хозяев, людей, занимающих более высокое общественное положение благодаря своему происхождению, образованию и т.п.

Рынок времён Адама Смита и Карла Маркса и современный – далеко не одно и то же. Сегодняшний рынок – это сложные национальные и транснациональные иерархические структуры, тем или иным образом связанные с государственными структурами, с международными финансовыми институтами. Это экономическая и политическая власть, претендующая на то, чтобы быть первой властью. Это возможность навязывать обществу приоритеты развития, темпы и направления технического прогресса, потребительские стандарты, образ жизни, свои представления о морали [3].

Рынок формирует психологию, ориентированную на присвоение, обладание чем-либо. Когда основные потребности человека удовлетворены, дальнейшее повышение материального благосостояния, возможность пользоваться всё большим объёмом жизненных благ не приносят, как правило, большей удовлетворённости жизнью, не делают людей счастливее. «Сравнительные данные по странам, находящимся на различных ступенях экономического развития, свидетельствуют о том, что степень удовлетворённости жизнью практически не коррелирует с уровнем материального благосостояния» [3]. Наибольший процент американцев, считающих, что они счастливы, наблюдался в 1957 г., хотя по сравнению с тем временем объём потребления увеличился более чем в два раза [2].

«Рыночные стимулы доводят массовое потребление до такой точки, когда возникает феномен избыточности, который указывает на физические и социальные пределы роста. Дело не только в том, что в результате растущей доступности новых товаров и услуг снижается «моральное» удовлетворение потребителя, то есть их относительная полезность. Социальный фактор всё больше обнаруживает себя в том, что массовое индивидуальное потребление начинает вызывать последствия, которые существенно обесценивают значимость новых потребительских благ. То, что люди хотят и могут получить каждый в отдельности, они не могут получить все вместе. Возникает ситуация, похожая на то, как если бы люди шагали по эскалатору вверх, застав-

ляя его тем самым двигаться вниз, то есть оставаясь сами фактически на месте.

Пример автомобильного рынка позволяет проиллюстрировать эту ситуацию. Сначала автомобиль был роскошью, в дальнейшем он становится массовым средством передвижения. Рыночные силы стимулируют процесс автомобилизации, придавая престижный характер приобретению новейших моделей, второй машины в семье и т.п. Результатом же этого безудержного процесса стали нарастающие социальные проблемы. Улицам больших городов грозит паралич из-за пробок и трудностей парковки. Сотни тысяч людей гибнут или становятся калеками в автомобильных катастрофах. Загрязнение атмосферы автомобильными выхлопами приводит к увеличению заболеваемости, особенно детской, а иногда становится непосредственной причиной повышения смертности среди детей и стариков» [3]. И таких примеров множество.

Учитывали ли эти негативные тенденции в развитии капиталистического общества российские реформаторы начала 90-х годов? Все последующие события свидетельствуют о том, что не учитывали. «В самом деле, российские реформаторы определили сущность инициированных ими экономических преобразований как переход от социализма к капитализму, как «строительство капитализма». Они придавали этой установке некое универсальное значение: «весь цивилизованный мир» живёт по-капиталистически, поэтому и Россия должна искать решение своих проблем на пути возвращения к капитализму, не ведая или не желая ведать о том, что притягательность рынка и западного образа жизни к этому времени существенно снизилась. Реформаторы толкнули страну на путь так называемого первоначального накопления, через которое она ранее уже прошла. Новое «первоначальное накопление» – это не столько производственное, продуктивное накопление, сколько разрушение производственных фондов. Если в стране и появился капитализм, то это в большей мере торгово-финансовый и бюрократический капитализм, чем промышленный. Это разновидность «нерационального капитализма», если воспользоваться терминологией М. Вебера» [3].

На протяжении всего XX века объём мирового потребления вырос многократно, но произошло это главным образом вследствие увеличения личного потребления в промышленно развитых странах. В конце столетия на долю богатейшей пятой части мирового населения приходилось 86 % всей суммы частных потребительских расходов, на долю остальных 4/5 – всего 14 %, в том числе на долю беднейшей пятой части – ничтожные 1,3 % [5]. Это свидетельство того, что поляризация богатства и бедности в глобальном масштабе сегодня больше даже, чем в отдельных странах. Для достижения уровня богатства стран «золотого миллиарда» бедные и развивающиеся страны должны были бы уже сейчас увеличить производство и потребление в 20-25 раз. А для этого объём мирового производства надо было бы увеличить в 4-5 раз, а с учётом продолжающегося роста мирового населения и повышения

уровня жизни в богатых странах – и того больше. Но это невозможно в виду прогрессирующего истощения невозобновимых природных ресурсов, неприемлемого ущерба возобновимым и неминуемой угрозы глобальной экологической катастрофы [3].

Приведенный далеко не полный перечень негативных тенденций взаимодействия природы, общества и экономики приводит к выводу о том, что принцип саморегулирующегося стихийного рынка не даёт удовлетворительного решения проблем современного общества. Изменение условий человеческого существования происходят сейчас столь быстро, а последствия этих изменений столь драматичны, что уповать на стихийное приспособление к ним просто недопустимо. «Чудо невидимой руки» могло неплохо срабатывать при изобилии доступных ресурсов и возможностях экспоненциального роста. В предельных ситуациях, когда ресурсы ограничены (а сегодня дело обстоит именно так), примат частных интересов оборачивается «незримой пятой», попирающей общее благо. Стремясь максимизировать свою выгоду, индивиды не думают о сопутствующих минусах, которые раскладываются на всех и потому представляются ничтожными. А в результате совокупные отрицательные последствия независимых индивидуальных решений причиняют ущерб, которого никто не желал. Поэтому требование невмешательства публичных институтов в экономику оказалось несостоятельным.

В многочисленных решениях ООН с начала 70-х годов XX века, докладах на международных конференциях отмечалось, что западная модель развития более не подходит ни для кого и единственная возможность решения глобальных проблем сегодняшнего дня – это устойчивое развитие. Сложившаяся модель развития и соответствующий характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными [2].

Литература

1. Экономика природопользования: учеб./ под. ред. К. В. Папенова. М.: ТЕИС, ТК Велби, 2008. 928 с.
2. *Бобылёв С. Н., Ходжаев А. Ш.* Экономика природопользования: Учебник. М.: ИНФРА. 2008, 501 с.
3. *Вебер А. Б.* Рынок и общество: Экономическое и социальное в общественных процессах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 212, 464 с.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 224.
5. Human Development Report, 1998. N. Y., Oxford, 2001. p. 3

В номере:

<i>Праздник Весны и Труда</i>	3
<i>Торжества, посвященные открытию в Нальчике стелы «Город Воинской Славы»</i>	7
<i>Празднование 70-летия Великой Победы в Нальчике</i>	11
<i>21 мая – День памяти адыгов</i>	13
<i>Данил Согов, Хасан Тхазеплов. Песня</i>	23
<i>Узейир Джулабов. Мэлс. Рассказ</i>	24
<i>Лула Куни. Время женщины. Новеллы</i>	33
<i>Джамиля Хагарова. Начало Тамары Коковой. Главы из книги</i>	37
<i>Эдуард Битиоров. Песни о любви. Очерк</i>	43
<i>Сергей Арутюнов. Три женских взгляда на адыгов и историю. Обзор</i>	47
<i>Павел Крашенинников. Юрий Хамзатович Калмыков. Очерк</i>	58
<i>Андрей Хакуашев. Бесстрашный политрук. Очерк</i>	64
<i>Х. Бейтуганова. Отличный артиллерист. Очерк</i>	72
<i>Мухамед Бамбетов. Народный педагог. Очерк</i>	74
<i>Алий Кульбаев. Разведчики. Очерк</i>	78
<i>Елена Губашиева. Сияние вечности. Очерк</i>	84
<i>Людмила Загаштокова. Военный путь моего отца. Очерк</i>	88
<i>Хасан Тхазеплов. И в боях, и в труде... Очерк</i>	90
<i>Ирина Вольская. Не командовать, а работать в команде. Очерк</i>	94
<i>Хасани. Миниатюры</i>	99
<i>Залина Лукожева. Нартшао и Дуней. Рассказ</i>	106
<i>Марита Жилисова. Оставить след: светлый и теплый. Очерк</i>	122
<i>Аслан Мамхегов. Мы жили на обочине ушедшей осени. Рассказ</i>	125
<i>Марзият Байсиева. «Застой – преддверие творческого подъема». Очерк</i>	133
<i>Наш семинар</i>	136
<i>Фатима Маржохова. Стихи</i>	137
<i>Илья Акуленко. Сословие почетного гражданина. Статья</i>	140
<i>Жанна Бахунова. На пороге юности. Главы из книги</i>	152
<i>Мухамед Нафедзов. Кружева воспоминаний. Рассказ</i>	162
<i>Залина Шомахова. Чего не прощают волки. Рассказ</i>	169
<i>Асият Жабоева. История одной фотографии. Очерк</i>	174
<i>Хыйса Джуртубаев. Белое слово Али. Очерк</i>	177
<i>Али Байзулла. Стихи</i>	182
<i>Георгий Яропольский. Метаморфозы перевода. Статья</i>	186
<i>Анастасия Феоктистова. Районная акция «Рыцари закона» под лозунгом «Молодежь за здоровый образ жизни». Статья</i>	189
<i>Повышение доступности и качества муниципальной системы дошкольного образования Прохладненского муниципального района КБР. Статья</i>	191
<i>Андрей Саликов, Иван Сацук. Гордость земли Прохладненской. Очерк</i>	193
<i>Валерий Дзыба. Горцы и казаки в Балаклавском сражении. Статья</i>	194
<i>Сафарби Глунов. Современные тенденции взаимодействия природы, общества, экономики и их последствия. Статья</i>	210

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Любы Холаевой, Артура Елканова, Элины Караевой,
Евгения Листопадова, Юрия Сабанчиева*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 29.05.15. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 13,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 96.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электрон-
ной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензи-
руются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей
может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут
ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не
принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке.
При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-
Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превыша-
ющем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных
(ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер
контактного телефона).*
